

ХИВА

«Земный походъ въ Хиву Перовскаго»
въ 1839 году, — и «Первое посольство
въ Хиву» въ 1842 году.

И. Н. Захарина (Якунина).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание П. П. Сойкина

12, СТРЕЛЯНАЯ, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 мая 1898 г

Типографія П. П. Сойкина, Спб. Стремянная ул., №

въ Русской печати появилось лишь 20 лѣтъ спустя, въ видѣ официальнаго изложенія подробностей похода въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», издаваемыхъ при Московскомъ университетѣ. Между тѣмъ, въ походѣ принимали участіе извѣстный писатель В. И. Даль (казакъ Луганскій), состоявшій въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при Оренбургскомъ военномъ губернаторѣ Перовскомъ, и знаменитый впослѣдствіи географъ и путешественникъ по Средней Азіи Н. В. Ханыковъ *). Послѣдній, насколько извѣстно, ничего не написалъ о походѣ, въ которомъ онъ участвовалъ; Даль же ограничился нѣсколькими частными письмами къ разнымъ своимъ знакомымъ, писанными съ пути, во время похода, и напечатанными 28 лѣтъ спустя въ «Русскомъ Архивѣ». Болѣе подробныя статьи объ этомъ походѣ, написанныя, впрочемъ, по официальнымъ же источникамъ, были помѣщены въ «Русскомъ Словѣ» и «Военномъ Сборникѣ». Затѣмъ имѣется нѣсколько писемъ о Хивинскомъ походѣ 1839 г. самого графа В. А. Перовскаго, главнаго начальника экспедиціоннаго отряда, писанныхъ имъ съ похода, къ Московскому почтъ-директору А. Я. Булгакову и напечатанныхъ въ томъ же «Русскомъ Архивѣ». Есть, наконецъ, и отдѣльная книжка объ

*) Кромѣ названныхъ лицъ, въ экспедиціи въ Хиву участвовали также: П. Чихачевъ, извѣстный своимъ путешествіемъ по Индіи и Китаю и Э. Эверманъ.

этомъ же походѣ, изданная однимъ изъ участниковъ экспедиціи, полковникомъ Ивановымъ. Очень возможно, что о зимнемъ походѣ въ Хиву имѣются и еще какія-нибудь напечатанныя статьи, мнѣ неизвѣстныя.

Но все это — матеріалы, такъ сказать, официальные, далеко не полные и не всегда согласныя съ истиной. А потому, теперь, при описаніи этого достопамятнаго по своему несчастью и героизму солдатъ и офицеровъ похода, приходится основываться, главнымъ образомъ, на частныхъ запискахъ и письмахъ лицъ, участвовавшихъ въ походѣ, и на устныхъ «разсказахъ очевидцевъ», являющихъ собою вообще Русское традиціонное хранилище свѣдѣній о новѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи.

Затѣмъ, существуетъ, какъ извѣстно, подробное «Дѣло» объ этомъ «Военномъ предпріятіи противу Хивы»; но оно, какъ мы слышали, находится въ Цетербургѣ въ Архивѣ Главнаго Штаба, высланное туда изъ Оренбурга по особому распоряженію.

I.

Наши отношенія къ Хивѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—Заботы императора Александра I-го о мирномъ сближеніи съ Хивой.—Рескрипты Государя военному Оренбургскому губернатору Эссену.—Оскорбленія, чинимыя Хивинцами нашимъ посланцамъ.—Отправленіе въ Хиву караванъ-баши Нязмухаметева и штабсъ-капитана Н. Н. Муравьева.

Послѣ перваго похода въ Хиву Русскаго отряда въ 1717 году, въ царствованіе Петра Великаго, подѣ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго, похода, окончившагося, какъ извѣстно, столь трагически, благодаря обману и вѣроломству Хивинцевъ, а главное, излишней довѣрчивости Бековича, наши сношенія съ Хивою порвались сами собою, и Хивинцы, гордые своею вѣроломною побѣдой, стали къ намъ, открыто, во враждебныя отношенія: они грабили наши торговые караваны, направлявшіеся въ Бухару, подстрекали Туркменъ и Киргизовъ похищать Русскихъ людей и покунали ихъ, обращая въ неволю, укрывали нашихъ дезертировъ и бѣглыхъ, и пр. Такъ прошло цѣлое столѣтіе. Никто изъ государственныхъ Русскихъ людей того времени не помышлялъ еще, повидимому, о

той серьезной роли, какая должна была выпасть на долю Россіи въ Средней Азіи, въ силу ея инертнаго движенія на Востокъ...

Лишь послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, Императоръ Александръ I-й обратилъ впервые свое высокое вниманіе на упорядоченіе нашей торговли въ Средней Азіи: тогдашнему Оренбургскому военному губернатору генералу Эссену было предложено избрать изъ служащихъ въ Оренбургѣ чиновниковъ или военныхъ вполнѣ способнаго и надежнаго человѣка, въ небольшомъ чинѣ, котораго и отправить къ Хивинскому хану, но отнюдь не въ качествѣ дипломатическаго лица, а какъ бы обыкновеннаго чиновника, для установленія правильныхъ пограничныхъ сношеній. Къ рескрипту на имя губернатора Эссена была приложена особая записка, гдѣ излагались тѣ дружественныя предложенія, которыя долженъ былъ сдѣлать избранный чиновникъ Хивинскому хану. Вотъ содержаніе этой записки *):

« 1. Россійскій императоръ искренно желаетъ благосостоянія своихъ сосѣдей и, въ то же время, готовъ имъ изъясвлять всякую пріязнь, не желая другаго съ ихъ стороны, какъ взаимнаго дружелюбія».

« 2. Если взаимное дружелюбіе будетъ единожды прочно установлено, то очевидно, что польза обоихъ народовъ требуетъ всѣми возможными мѣрами способъ-

---

*) Изъ дѣла Оренбургскаго генераль-губернаторскаго архива № 452.

шествовать свободнымъ торговымъ сообщеніямъ, тщательно отстраняя отъ оныхъ все то, что можетъ служить имъ во вредъ и изыскивая искренно средства сдѣлать сіи торговыя сообщенія часъ отъ часу выгоднѣе для обоихъ народовъ».

«3. Подобное взаимное положеніе, кажется, будетъ полезнѣе, нежели нынѣ существующее, столь часто подверженное непріятнымъ происшествіямъ, ко вреду обоюдныхъ подданныхъ обращающимися. Всѣ сіи непріятности весьма легко отвращены быть могутъ, когда искреннее желаніе поселится укоренить дружбу на прочныхъ началахъ».

«Если сіи мысли будутъ приняты, то посылаемый чиновникъ долженъ будетъ взойти (предъ ханомъ) въ подробное изъясненіе пренятствій и притѣсненій, встрѣчаемыхъ торгующими, особливо Бухарцами, отъ Хивинцевъ. Во взаимность отвращенія сихъ неудобствъ и притѣсненій, Россійское правительство готово принять предложенія, кои ханъ Хивинскій найдетъ нужными сдѣлать для пользы своего народа, если они будутъ безвредны пользамъ Россіи или другимъ сопредѣльнымъ народамъ».

«Надобно желать, чтобъ чиновникъ, такое порученіе получающій, былъ не только по наставленію полонъ яснаго понятія о предстоящемъ ему дѣлѣ, но и самъ внутренно и чистосердечно убѣжденъ въ истинѣ, справедливости и пользѣ онаго. Онъ тогда будетъ дѣйствовать съ тою теплотою и непритворностію чувствъ,

которыя въ его положеніи одни могутъ заслужить довѣренность и усыпить Азіатскую мнительность и подозрѣніе и, наконецъ, оставить благоприятное впечатлѣніе въ умѣ и расположеніяхъ Хивинскаго хана».

Вотъ какими миролюбивыми намѣреніями исполнено было Русское правительство относительно Хивы въ 1819 году, не смотря на самое разбойничье и хищническое поведеніе нашихъ сосѣдей, называемое въ запискѣ «непріятными происшествіями». Оно, вѣрное своей тогдашней иностранной политикѣ на Западѣ, мечтало «укоренить дружбу на прочныхъ началахъ» и на Востокѣ съ Хивою. Но мѣстные Оренбургскія власти отлично понимали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и не увлеклись фантастической перспективой «дружбы» съ закоренѣлыми разбойниками и исконными врагами Россіи. Вотъ что писалъ генераль Эссенъ въ Петербургъ, въ отвѣтномъ рапортѣ своемъ на высочайшій рескриптъ:

«По вступленіи моемъ въ управленіе Оренбургскимъ краемъ, относился я къ Хивинскому хану Мухамметъ-Рахиму, чрезъ торгующихъ здѣсь его подданныхъ, дружественнымъ письмомъ о взаимной пріязни, но на оное не получилъ отъ него никакого отвѣта».

«Получивъ отъ статсъ-секретаря Кикина, по высочайшему повелѣнію Вашего Величества, всеподданнѣйшую просьбу купцовъ Лазарева и Енушева объ удовлетвореніи ихъ за разграбленные Хивинцами то-

вары, отправлялъ я въ прошедшемъ году къ Хивинскому хану съ письмомъ нарочнаго, 4-го Башкирскаго кантона поручика Абдуль-Насыра-Субкангулова; но нарочный сей угрожаемъ въ Хивѣ былъ казню за прибытіе туда, которой избѣжалъ единственно убѣжденіемъ Хивинцевъ въ единовѣріи съ ними, въ доказательство коего вынужденъ былъ обрѣчь голову и съ симъ знакомъ униженія выпровожденъ былъ изъ Хивы при отъѣзѣ ко мнѣ отъ имени ханскаго (?) Аталыка-Бегудара, явно обнаруживающемъ строптивость и недостатокъ уваженія къ нашему правительству, и при объявленіи, чтобы впредь не возвращался, а въ Россіи повѣстилъ бы, что всякій свободный чужестранецъ, по Хивинскимъ законамъ, подвергается у нихъ смерти или рабству, о чемъ и сообщено было отъ меня въ подробности, тогда же, управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, статсъ-секретарю графу Нессельроде».

«Послѣ таковыхъ безуспѣшныхъ сношеній съ Хивинскимъ правительствомъ, я въ необходимости нахожусь заключить, что во исполненіе высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, въ новые переговоры и объясненія съ онымъ войти удобно не иначе, какъ въ видахъ силы и справедливой твердости, поддержать достоинство Имперіи, внушивъ уваженіе къ предмету тѣхъ объясненій и обезпечивъ безопасность получающаго сіе порученіе».

Затѣмъ, генераль Эссенъ называетъ въ рапортѣ

своемъ и лицо, имъ намѣченное для посольства въ Хиву: личнаго своего адъютанта, поручика Германа, управлявшаго, въ продолженіе двухъ лѣтъ, «дипломатическимъ отдѣленіемъ» канцеляріи Оренбургскаго губернатора; но прибавляетъ при этомъ, что его возможно будетъ отправить лишь «подъ прикрытіемъ эскорта».

. Кромѣ всеподданнѣйшаго рапорта, генераль Эссенъ счелъ неизлишнимъ сдѣлать надлежащее представленіе о нашихъ сношеніяхъ съ Хивою и всеильному тогда временщику графу Аракчееву. Мы приведемъ изъ этого представленія тѣ мѣста, гдѣ всего рѣзче обрисовывается наше тогдашнее отношеніе къ Хивѣ.

«Правительство Хивинское — пишетъ генераль Эссенъ — хотя постоянно производитъ съ Россіей торговлю, но отъ самаго начала сношеній нашихъ съ нимъ не переставало дѣйствовать коварнымъ и хищнымъ образомъ. Не обращаясь къ временамъ давно протекшимъ, кои ознаменованы несчастною экспедиціей полковника князя Бековича-Черкаскаго, довольно упомянуть, что отъ тѣхъ временъ донинѣ непрерывно подстрекаетъ оно Киргизъ-Кайсаковъ *) къ уводу людей нашихъ, покушаетъ и содержитъ ихъ въ тяжкой неволѣ, грабитъ преимущественно тѣ караваны, въ

---

*) То-есть, сосѣднихъ съ Оренбургомъ *Киргизовъ*, кочевья которыхъ въ то время, какъ и теперь, начинались за р. Ураломъ. Въ настоящее время Киргизы стали совсѣмъ мирнымъ племенемъ и занимаются лишь изрѣдка коневодствомъ.

коихъ находятся товары нашихъ Киргизовъ, и въ подданной намъ ордѣ Киргизъ-Кайсацкой производитъ истребленіе, хищничества и насилія всякаго рода. Такъ, на примѣръ, въ 1793 году, посланный въ Хиву, по Высочайшему повелѣнію, вельдствіе собственнаго прошенія Хивинскаго хана, маіоръ Бланкеннагель былъ тамъ содержанъ подъ стражею, ограбленъ и угрожаемъ опасностію жизни, которой избѣжалъ единственно успѣхомъ, съ какимъ вылѣчилъ онъ до 300 больныхъ Хивинцевъ. Понятія сего правительства о народномъ правѣ и безразсудная жестокость таковы, что посла Персидскаго шаха со свитою, изъ тридцати человекъ состоявшею, велѣно было безчеловѣчно умертвить при самомъ приближеніи его къ Хивинской области. Хотя сіе событіе предшествовало Бланкеннагелю за 50 лѣтъ, но время не измѣнило оныхъ понятій и не обуздало варварскихъ его расположеній, подтверждаемыхъ послѣднимъ происшествіемъ съ прошлогоднимъ моимъ посланцемъ, который допрашиванъ былъ подъ кинжаломъ палача и угрожаемъ насильствами». «Всѣ таковыя воспоминанія, вмѣстѣ съ безуспѣшными покушеніями войти съ Хивинскимъ владѣльцемъ въ сношенія», убѣждаютъ его, губернатора, въ томъ, что «ежели всемилостивѣйшему Государю Императору благоугодно будетъ повелѣть вновь женитать средство переговоровъ съ Хивинскимъ владѣльцемъ, то сіе не иначе можетъ быть совершено, какъ подъ вооруженнымъ прикрытіемъ», дабы, го-

ворится въ концѣ, «въ случаѣ крайней неудачи, обезпечено было возвращеніе хотя нѣкоторой части сего отряда»...

Эти благоразумныя предостереженія генерала Эссена разсѣяли, повидимому, маниловскія иллюзіи графа Нессельроде, и посольство Германа въ Хиву не состоялось. Тѣмъ не менѣе, въ новомъ рескриптѣ Оренбургскому военному губернатору отъ 24 Мая 1819-го же года, Императоръ Александръ, соглашаясь, что посольство въ Хиву будетъ бесполезно и рисковано, выразилъ все-таки желаніе «употребить всевозможныя мѣры» къ установленію правильныхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Хивой. Для этого, въ особой запискѣ, приложенной къ Высочайшему рескрипту, указывался и способъ къ достиженію этой цѣли. Впрочемъ, «способъ» этотъ оказался и на сей разъ обычнымъ продуктомъ петербургскихъ кабинетныхъ измышлений и, какъ увидимъ ниже, не имѣлъ никакого успѣха.

«За сдѣланными уже (говорится въ запискѣ) тщетными покушеніями имѣть дружественныя сношенія съ ханомъ Хивинскимъ, признается небезполезнымъ испытать еще слѣдующее средство: между Хивинцами, живущими въ Оренбургской губерніи, есть, безъ сомнѣнія, люди, извѣстные по наклонности къ нашему правительству и, въ то-же время, пользующіеся довѣренностью своихъ соотечественниковъ въ Хивѣ... Надобно найти одного изъ таковыхъ Хивинцевъ, челоуѣка добрыхъ свойствъ, смышленнаго и

предпріимчиваго. Не давая ему замѣтить, что сіе дѣло связано съ видами правительства, надобно заинтересовать его въ немъ собственною его пользою. Сіе весьма легко сдѣлать, возродивъ въ немъ опасеніе лишиться выгодъ торговли по непріязненному расположенію хана Хивинскаго и заставляя его, такимъ образомъ, самого желать и некая возможности къ отклоненію препонъ торговлѣ съ Хивою»... Далѣе излагается весьма наивный планъ дѣйствій для этого, «извѣстнаго по наклонности къ нашему правительству человѣка»: какъ онъ долженъ былъ отправиться въ Хиву «въ видѣ частнаго человѣка», что онъ долженъ былъ тамъ дѣлать и говорить, какъ онъ долженъ былъ ознакомить Хивинское правительство съ правилами международныхъ сношеній, сообщивъ ему между прочимъ, что «Австрійская и Россійская имперіи утвердили уже свои торговыя сношенія съ Оттоманскою Портою, а Россія—даже съ Персією и Китаемъ»... При этомъ, предполагалось дать этому посланцу нѣкоторое денежное вспоможеніе...

Подходящаго человѣка для такой курьезной миссіи нелегко, конечно, было найти... Но, тѣмъ не мѣнѣе, генераль Эсенъ разыскалъ-таки такого въ лицѣ одного изъ Хивинскихъ караванъ-башей*), Атаніаза, Ніямухаметева, отправлявшаго свои обязанности при Хивинскихъ караванахъ въ теченіе 30 лѣтъ. Но

*) Караванъ-баша — т. е. караванный голова, проводникъ каравана въ степи.

спустя годъ по возложеніи на него миссіи къ Хивинскому хану, генераль Эсенъ, въ рапортѣ Государю Императору, доносилъ слѣдующее:

«Хивинецъ Атаніазъ Ніязмухаметевъ вернулся въ Оренбургъ съ караваномъ и объяснилъ мнѣ, что владѣлецъ Хивинскій никакими его представленіями не убѣдился и не только посланства на упомянутый предметъ не отправилъ, но и въ объясненіе по оному войти не хотѣлъ, не поставляя на то никакой причины. вмѣстѣ съ симъ Хивинцемъ возвратился изъ Хивы и посланный мною, по другому Высочайшему Вашего Величества повелѣнію, объявленному мнѣ черезъ управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, коллежскій совѣтникъ Мендіаръ Бекчурина, имѣвшій порученіе доставить къ Хивинскому хану письмо гр. Нессельроде и ходатайствовать объ удовлетвореніи нашихъ купцовъ за ограбленные у нихъ товары. Къ исполненію сего порученія избралъ я Бекчурина потому, что онъ одного съ Хивинцами магометанскаго исповѣданія и имѣеть отъ роду слишкомъ 70 лѣтъ. Я надѣялся, что, изъ уваженія къ единоврѣцу и старости, оказанъ ему будетъ благосклонный пріемъ; но вмѣсто того, чиновникъ сей принять былъ тамъ съ сугубымъ раздраженіемъ, четыре мѣсяца содержанъ подъ крѣпкою стражею въ *унизительномъ мѣстѣ* и, наконецъ, не бывъ выслушанъ, отправленъ въ Россію безъ всякаго отвѣта».

Почти одновременно съ порученіями, данными

изъ Оренбурга Ніязмухаметеву и Бекчурину, былъ посланъ въ Хиву же, совѣтъ съ другой стороны, именно съ Кавказа, генераломъ Ермоловымъ, штабсъ-капитанъ Н. Н. Муравьевъ, которому было поручено «склонить Туркменъ или Трухменцовъ, обитающихъ на восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря, и Хивинцевъ къ пріязненнымъ сношеніямъ съ Россією». Миссія Муравьева была такъ же неудачна, какъ и Ніязмухаметева: его долго держали въ Хивѣ, какъ бы въ плѣну, едва допустили до аудіенціи у хана, отобрали всѣ привезенные имъ подарки, и въ концѣ едва выпустили обратно; а отпустивъ и узнавъ потомъ, что это былъ не таможенный чиновникъ (за котораго выдавалъ себя Н. Н. Муравьевъ), а военный офицеръ, очень сожалѣли, что не отрубили ему голову...

Вотъ какъ отвѣчали Хивинскіе ханы на всѣ «покушенія имѣть дружественныя сношенія съ ними»... Оскорбляя неслыханнымъ дотошъ образомъ нашихъ пословъ, арестуя ихъ, брѣя имъ головы и содѣржа «подъ крѣпкою стражею въ унижительныхъ мѣстахъ», Хивинцы продолжали, въ то же самое время, грабить караваны нашихъ торговыхъ людей, имѣвшихъ сношенія съ соедѣтельной съ Хивою Бухарой... Таковую безнаказанность и русское долготерпѣніе можно, по-видимому, объяснить лишь двумя обстоятельствами: во-первыхъ, извѣстнымъ личнымъ миролюбіемъ императора Александра I, получившаго, какъ извѣстно, послѣ Наполеоновскихъ войнъ, глубокое отвращеніе

къ войнѣ вообще, и во-вторыхъ, тѣмъ, что во главѣ иностранной политики Россіи стояли въ то время иноземцы, съ графомъ Нессельроде во главѣ, которымъ были чужды и непонятны не только торговые интересы нашего отечества на какомъ-то тамъ дальнемъ Востокѣ, но даже его слава и государственная честь, такъ дерзко оскорбляемая и принижаемая, въ данномъ случаѣ, Хивинскимъ ханомъ и его сопративителями. Дерзость Хивинцевъ происходила, конечно, отъ ложнаго представленія ихъ о своей силѣ, которая вся заключалась лишь въ большой трудности похода въ Хиву для отряда Европейскихъ войскъ. Но разъ, при Петрѣ I, такой походъ былъ сдѣланъ, онъ могъ и долженъ былъ, рано или поздно, повториться: это былъ лишь вопросъ времени...

II.

Пріѣздъ въ Оренбургъ В. А. Перовскаго и первое впечатлѣніе, имъ произведенное.—Его столкновенія съ генералами Жемчужниковымъ и Стерлихомъ.—Любезный пріемъ, оказанный Перовскому Оренбургскими Татарами съ Тимашевымъ во главѣ.—Первыя мысли о походѣ на Хиву.—Похищеніе Киргизами вдовы-офицерши.—Хлопоты Перовскаго въ Петербургѣ о разрѣшеніи похода.—Весѣда съ императоромъ Николаемъ.—Первоначальные планы и расчеты.—Сформированіе экспедиціоннаго отряда.—Штабъ генерала Перовскаго.

Въ 1833 году прибылъ въ Оренбургъ назначенный военнымъ губернаторомъ и командующимъ от-

дѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ свиты Е. В. генераль-майоръ Василій Алексѣевичъ Перовскій *).

Оренбургъ, ранѣе, никогда не имѣлъ такого молодого губернатора и, вдобавокъ, корпуснаго командира... Перовскому въ то время было лишь 38 — 39 лѣтъ. Молодой губернаторъ былъ очень красивъ собою, «взглядъ имѣлъ строгій и суровый», ростомъ былъ выше средняго, имѣлъ изящныя великосвѣтскія манеры и обладалъ необыкновенною физической силой, такъ что свободно разгибалъ подковы. До пріѣзда своего въ Оренбургъ, генераль Перовскій прошелъ хорошую боевую школу, не совсѣмъ-то обыкновенную и полную интересныхъ событій: 18-лѣтнимъ юношей онъ участвовалъ въ Бородинскомъ бою, гдѣ ему оторвало пулею часть средняго пальца на рукѣ (вслѣдствіе этого, онъ носилъ, потомъ, на этомъ пальцѣ золотой, длинный наперстокъ); при выступленіи французовъ изъ Москвы, попалъ къ нимъ въ

*) Генераль В. А. Перовскій въ то время не былъ еще графомъ; титулъ этотъ онъ получилъ 17 Апрѣля 1855 года, т. е. въ день рожденія покойнаго Государя Александра Николаевича, всего черезъ два мѣсяца по восшествіи его на престолъ: графское достоинство было пожаловано В. А. собственно за Кокандскій походъ 1853 г. и взятіе крѣпости Акъ-Мечеть, переименованной, затѣмъ, въ „Фортъ-Перовскій“. Это было во время второй уже службы Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ; онъ былъ тогда „Самарскимъ и Уфимскимъ генераль-губернаторомъ, генераль-адъютантомъ, генераломъ отъ кавалеріи и всѣхъ Россійскихъ орденовъ кавалеромъ“. Въ Оренбургѣ, въ зданіи караванъ-сарая, въ домѣ губернатора, въ одной изъ залъ, находится прекрасный портретъ графа В. А. Перовскаго, въ натуральную величину, вставленный въ роскошную золотую раму

плѣнъ; *тѣшкомъ*, при обозѣ маршала Даву, про-
 шель отъ Москвы во Францію, гдѣ и жилъ, вмѣстѣ
 съ другими плѣнными, въ Орлеанѣ, до Февраля
 1814 г., когда ему удалось бѣжать изъ Франціи и
 присоединиться къ русской арміи, бывшей въ то
 время за границей. Затѣмъ, по возвращеніи въ Рос-
 сію, онъ былъ зачисленъ въ генеральный штабъ, со-
 стоялъ адъютантомъ графа П. В. Кутузова и сопро-
 вождалъ великаго князя Николая Павловича въ его
 путешествіи по Россіи. Въ Турецкую войну 1828 г.,
 подъ Варной, Перовскій былъ тяжело раненъ пулею
 въ правую сторону груди, такъ что ему *вырѣзы-
 вали* эту пулю. Въ то же время, это былъ одинъ
 изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи, дружный съ
 Жуковскимъ, знакомый съ Пушкинымъ, Карамзи-
 нымъ и всѣми интеллигентными членами ихъ кружка,
 (Пушкинъ, во время приѣзда своего въ Оренбургъ,
 остановился прямо у Перовскаго). Все это, вмѣстѣ
 съ легендою о таинственномъ происхожденіи моло-
 дого генерала, производило на окружающихъ боль-
 шое обаяніе. Но нѣкоторыхъ лицъ изъ мѣстной слу-
 жебной аристократіи сильно смущалъ некрупный чинъ
 новаго корпуснаго командира, и изъ-за этого чина
 вышелъ даже, на первыхъ же порахъ, слѣдующій
 инцидентъ, еще болѣе поднявшій престижъ новаго
 губернатора.

Начальникомъ расположенной тогда въ Оренбургѣ
 28-й пѣхотной дивизіи былъ генераль-лейтенантъ

Жемчужниковъ, а начальникомъ бригады — старый генераль Стерлихъ. Будучи чинами старше Перовскаго, дивизионный генераль, а по его примѣру и бригадный, не поѣхали представиться, а ожидали, что Перовскій, какъ вновь пріѣзжій, сдѣлаетъ имъ визитъ первый, чего этотъ, однако, не сдѣлалъ. Тогда генераль Жемчужниковъ обратился въ Петербургъ съ конфиденціальнымъ письмомъ къ военному министру, испрашивая указаній, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ?.. Изъ Петербурга не замедлилъ, однако, придти весьма печальный для генерала Жемчужникова отвѣтъ: ему предлагалось отправиться немедленно къ своему начальнику, корпусному командиру, ~~свиту~~ Е. В. генераль-маіору Перовскому, и доложить ему, что онъ, генераль-лейтенантъ Жемчужниковъ, за нарушеніе правилъ обычной военной подчиненности, получилъ предложеніе подать въ отставку... Къ чести престарѣлаго и заслуженнаго генерала ~~Жемчужникова~~ слѣдуетъ прибавить, что онъ не исполнилъ этого предложенія, а просто отправилъ прошеніе объ отставкѣ, въ которую тотчасъ же и былъ уволенъ, съ выслуженною имъ ранѣ пенсією. Перовскій же послѣ этой исторіи былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты съ назначеніемъ генераль-адъютантомъ.

Оренбургскіе Татары, составлявшіе въ то время большинство населенія края и самаго города Оренбурга, встрѣтили новаго губернатора съ большимъ

почетомъ и уваженіемъ; а ихъ бывший мурза Тимашевъ предложилъ даже къ услугамъ генерала Перовскаго свой домъ, лучший въ городѣ, на Николаевской улицѣ.

Въ первые же годы своей службы въ Оренбургѣ, молодой губернаторъ съумѣлъ достаточно ориентироваться въ новомъ для него краѣ и ко многому присмотрѣться. При этомъ, его всего болѣе поразилъ и сталъ мучить слѣдующій, крайне оскорбительный для самолюбія каждаго русскаго человѣка фактъ: онъ узналъ, что кочующіе сейчасъ же за Ураломъ, вблизи города, Киргизы, числящіеся въ нашемъ подданствѣ, забираютъ, при малѣйшей оплошности, русскихъ людей въ плѣнъ и тотчасъ же продаютъ ихъ въ Хиву, въ вѣчную неволю, что промыселъ этотъ составляетъ любимое, удалое занятіе киргизовъ и что они ведутъ это дѣло совершенно свободно; во время же рекогносцировокъ за Уралъ казачьихъ конныхъ отрядовъ и при погоняхъ изъ укрѣпленій, хищники эти, на своихъ быстрыхъ и неутомимыхъ коняхъ, безнаказанно уходятъ въ степь; что всѣхъ такихъ «плѣнныхъ» находится въ Хивѣ, по свѣдѣніямъ отъ караванъ-башей, болѣе 500 человѣкъ... На генерала Перовскаго особенно, говорятъ, повліялъ рассказъ о происшествіи, случившемся въ Оренбургѣ въ 1825 году, какъ разъ наканунѣ пріѣзда въ городъ императора Александра I.

Вдова одного казачьяго офицера, узнавъ о предстоящемъ прибытіи въ городъ Государя, рѣшилась

нарочно прїѣхать въ Оренбургъ, чтобы повидать царя, котораго ранѣе никогда не видала; она при этомъ взяла съ собою и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, чтобы кстати и имъ взглянуть на царя. Прїѣхавъ въ городъ наканунѣ прибытія въ него Государя, любопытная офицерша не нашла на постоянныхъ дворахъ и въ гостиницахъ ни одной уже свободной комнаты, и велѣдствіе этого рѣшилась остановиться, съ дѣтьми, прислугою и своими лошадьми, бивуакомъ и ночевать въ тарантасѣ, на которомъ прїѣхала; она расположилась на этомъ берегу Урала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится, въ настоящее время, архіерейскій садъ и гдѣ въ то время росли еще нѣкоторыя деревья, остатки бывшаго лѣса. Вдругъ, ночью, бивуакъ вдовы окружила конная шайка тихо подкравшихся Киргизовъ, схватили офицершу въ одной сорочкѣ, связали ее по рукамъ и ногамъ, кинули поперекъ лошади на сѣдло, поскакали къ Уралу и бросились черезъ него вплавь... Ни дѣтей ея, ни бывшую съ нею брѣвостную прислугу, кучера и горничную дѣвушку киргизы не взяли. Пока оторопѣлые и испуганные люди подняли тревогу, пока дали знать властямъ, а власти подняли на ноги казаковъ, совсѣмъ разсвѣло, а хищниковъ и слѣдъ простылъ: они были уже далеко въ степи по дорогѣ на Эмбу, направляясь къ Хивѣ... Когда доложили объ этомъ происшествіи прибывшему на другой день въ Оренбургъ Государю, то императоръ Александръ Павловичъ былъ, говорятъ, глубоко огорченъ

этимъ несчастнымъ событіемъ, приказалъ взять дѣтей «на особое попеченіе», а вдову, во что бы ни стало, выкупить отъ Хивинцевъ, за его, государевъ, счетъ, что и было впослѣдствіи исполнено.

Фактъ этотъ, понятно, сильно поразилъ Перовскаго, какъ онъ могъ поразить и всякаго иного свѣжаго человека, пріѣхавшаго въ Оренбургъ... Въ самомъ дѣлѣ: Русскій царь долженъ былъ выкупать вдову своего офицера, взятую въ плѣнъ въ мирномъ, повидимому, городѣ, наканунѣ пріѣзда въ него самого Государя, взятую, главное, его же подданными, кочующими за Ураломъ «мирными» киргизами!..

Вотъ какой порядокъ вещей созданъ былъ различными неумѣлыми правителями въ Оренбургскомъ краѣ ко времени пріѣзда въ него В. А. Перовскаго. Какъ человекъ, имѣвшій въ Петербургѣ, въ высшихъ сферахъ, большія связи, Перовскій рѣшился возбудить ходатайство о необходимости новаго военного похода на Хиву...

Въ Петербургѣ, на первыхъ порахъ, ходатайство генерала Перовскаго не встрѣтило сочувствія ни въ военныхъ сферахъ, ни въ придворныхъ: уязвляли на трудности похода по безводнымъ пескамъ и пустынямъ; вспоминали трагическую судьбу отряда гв. Бековича-Черкаскаго, хотя и преодолевшаго походъ и дошедшаго до самой Хивы, но затѣмъ все-таки погибшаго; выставляли на видъ и большія денежные затраты, необходимыя на снаряженіе экспедиціи, за-

траты, которыя не окупятся малыми, сравнительно, выгодами, въ случаѣ даже успѣха... Тогда генераль Перовскій отправился въ Петербургъ лично; тамъ, благодаря своимъ придворнымъ связямъ, онъ сильно подвинулъ впередъ задуманное имъ дѣло. Одинъ только военный министръ, графъ Чернышовъ продолжалъ оппонировать Перовскому. Наконецъ, на одномъ изъ придворныхъ баловъ, когда императоръ Николай Павловичъ подошелъ къ гр. Чернышову и о чемъ-то заговорилъ съ нимъ, генераль Перовскій, проходившій въ это время вблизи (вѣроятно, умышленно) былъ тоже подозванъ Государемъ. Разговоръ начался о Хивинскомъ походѣ... Военный министръ возражалъ противу похода, Перовскій сталъ горячо доказывать необходимость освободить Русскихъ плѣнныхъ, томящихся въ неволѣ у Хивинцевъ... Николай Павловичъ внимательно слушалъ обоихъ спорящихъ, давая имъ полную свободу высказаться...

— Государь, я принимаю эту экспедицію на свой страхъ и на свою личную отвѣтственность, — заявилъ, наконецъ, рѣшительнымъ тономъ Перовскій, и эта его рѣшимость повліяла на Государя на столько, что онъ тутъ же сказалъ Перовскому: — Когда такъ, то съ Богомъ! — и отошелъ отъ графа Чернышова и Перовскаго къ другимъ лицамъ *).

---

*) Эта сцена записана здѣсь со словъ Г. Н. Зеленина, слышавшаго о ней отъ капитана генеральнаго штаба Никифорова, лица, какъ увидимъ ниже, очень близко стоявшаго въ то время

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, ^и ставленъ былъ, по приказанію Государя, особый комитетъ изъ вице-канцлера, военнаго министра и генерала Перовскаго. Въ засѣданіи комитета 12 марта 1839 г. и рѣшенъ былъ походъ на Хиву; но при этомъ положено было «содержать истинную цѣль предпріятія въ тайнѣ, дѣйствуя подъ предлогомъ посылки одной только ученой экспедиціи къ Аральскому морю». Въ случаѣ удачи похода и взятія Хивы, предположено было «смѣстить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ Кайсацкимъ, упрочить по возможности порядокъ (нашихъ сношеній съ Хивою), освободить всѣхъ плѣнныхъ и дать полную свободу торговлѣ нашей». Затѣмъ, въ томъ же засѣданіи комитета, опредѣлено было «на предпріятіе это» 1.698,000 руб. асс. и 12 т. черв., снабдить отрядъ орудіями и снарядами изъ мѣстныхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ складовъ и присвоить начальнику экспедиціи генералу Перовскому, на время похода, власть командира отдѣльнаго корпуса въ военное время (т. е. главнокомандующаго).

Добившись подписанія этого журнала графомъ Чернышовымъ и утвержденія его Государемъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, 17 марта 1839 года, въ сопровожденіи штабсъ-капитана Никифорова, своей,

---

къ генералу Перовскому. Объ этомъ своемъ разговорѣ съ императоромъ Николаемъ Перовскій передалъ, впослѣдствіи, уже по приѣздѣ въ Оренбургъ, и другимъ лицамъ, въ той же редакціи.

идя сказать, правой руки, выехал из Пестербурга в Оренбург и, тотчас же по приезде, стал готовиться к походу на Хиву.

Но главный вопрос, отъ удачнаго ршенія котораго зависѣлъ успѣхъ или гибель дѣла, былъ еще не ршенъ: надо было опредѣлить время похода, т. е. зимою или лѣтомъ выступить изъ Оренбурга...

За выступленіе зимою было большинство генераловъ и комайди ровъ отдѣльныхъ частей, находившихся тогда въ Оренбургѣ; энергичнѣе всѣхъ стоялъ за зимній походъ начальникъ Башкирскаго войска генералъ-майоръ Станиславъ Цюлковскій, имѣвшій на молодого губернатора большое вліяніе. Во-первыхъ, по словамъ Цюлковскаго, экспедиціонный отрядъ избавлялся отъ страшной жары, доходящей въ пескахъ, предъ Усть-Уртомъ, до 58° по Реомюру; во-вторыхъ, отрядъ, который предположено было сформировать изъ 5 слишкомъ тысячъ человекъ, болѣе чѣмъ при десяти тысячахъ верблюдовъ, могъ бы, идя зимою, по безводчымъ пустынямъ и сыпучимъ пескамъ, имѣть вездѣ воду, которую легко было бы добывать, собирая и оттаивая снѣгъ. Меньшинство было за выступленіе раннею весною; главнымъ противникомъ зимняго похода былъ начальникъ штаба Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса баронъ Рокасовскій (бывшій внослѣдствіи Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ) и генералъ-наго штаба штабсъ-капитанъ Нийефоровъ: они доказывали генералу Цюлковскому, что если только зима

будеть снѣжная и суровая, то весь отрядъ неминуемо погибнетъ, такъ какъ въ степи нельзя будетъ достать топлива для варки горячей пищи, а главное, все время люди надутъ отъ бескормицы, не будучи въ силахъ добывать кормъ изъ-подъ глубокаго снѣга. Брать же съ собою, навьючивая на спины тѣхъ же верблюдовъ, топливо и кормъ, на все 1,500 верстъ до Хивы было немислимо...

Въ то время Киргизская степь, а главное, возвышенная плоскость Усть-Урта и самый путь въ Хиву были совершенно неизслѣдованы и почти неизвѣстны для русскихъ военныхъ людей, а самая Хива была для насъ, въ полномъ смыслѣ слова, terra incognita; знали только, что Киргизская степь до Эмбы была маловодна, а дорога далѣе по Усть-Урту, вплоть до Аму-Дарьи, была совсѣмъ безводна. Но и эти скудные свѣдѣнія имѣлись, главнымъ образомъ, отъ тѣхъ русскихъ людей, которые, проживая въ Хивѣ плѣнниками, уловчались бѣжать оттуда и благополучно добраться до Оренбурга; но свѣдѣнія, добытыя отъ этихъ несчастныхъ, были до того сбивчивы и разнорѣчивы, что на нихъ, очевидно, нельзя было серьезно положиться и основываться. Имѣлись, правда, нѣкоторыя свѣдѣнія на этотъ счетъ, составленныя полковникомъ генеральнаго штаба *Ф. Ф. фонъ-Вергомъ* (впоследствии графъ и генераль-фельдмаршалъ), бывшимъ начальникомъ маленькой экспедиціи, снаряженной въ зиму 1825—1826 гг. для изслѣдованія

пути изъ Оренбурга къ Аральскому морю. По этимъ свѣдѣнiямъ, на Хиву было *два* пути: первый путь шёлъ по восточную сторону Аральскаго моря, а второй на Куны-Ургенчъ, по западную; первымъ путемъ до Хивы было 1,400 верстъ, а вторымъ 1,320 верстъ. Этотъ послѣднiй путь рекомендовался изслѣдователемъ какъ лучшiй и болѣе удобный, и на немъ, въ случаѣ похода на Хиву, были намѣчены, тѣмъ же Бергомъ, два пункта для постройки укрѣпленiй: первый при впаденiи въ р. Эмбу рѣчки Аты-Джаксы (или Аты-Ялши) и второй у Акъ-Булака—оба, какъ оказалось впоследствии, крайне неудобные: первый по отсутствию вблизи корма, а второй по своей нездоровой водѣ. И вотъ, эти-то роковыя свѣдѣнiя, составленныя, какъ бы нарочно, фонъ-Бергомъ, и заставили генерала Перовскаго предпочесть именно второй путь и позаботиться объ устройствѣ на немъ, въ намѣченныхъ мѣстахъ, двухъ укрѣпленiй. Для этого, были отправлены въ степь, до Усть-Урта, весной 1839 г., два съемочные отряда, снабженные людьми, верблюдами, деньгами, инструментами и проч., подъ командою полковника генеральнаго штаба Геке *). На эти отряды, кромѣ обязанности топографической съемки, было возложено порученiе устроить по пути на Усть-Уртъ, въ пунктахъ, рекомендованныхъ Бер-

*) Полковникъ Геке, впоследствии наказанный атаманъ Уральскаго казачьяго войска, состоялъ въ то время чиновникомъ особыхъ порученiй при Перовскомъ.

гомъ, два укрѣпленія, въ которыхъ и заготовить для отряда двѣ главныя вещи зимняго похода въ степи — топливо (изъ камышей степнаго бурьяна) и кормъ верблюдамъ. Такія два укрѣпленія, дѣйствительно, и были полковникомъ Геке устроены: одно было возведено на рѣкѣ Эмбѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Аты-Якши, въ 500, примѣрно, верстахъ отъ Оренбурга, а другое за 170 верстъ отъ перваго, въ 12 верстахъ отъ подъема на Усть-Уртъ; оно называлось *Акъ-Булакъ* — Бѣлый Ключъ — по цвѣту имѣвшейся здѣсь въ изобиліи холодной, частию бѣловатаго цвѣта, воды. Укрѣпленіе это имѣло и другое, тоже мѣстное названіе — *Чушка-Куль*, т. е. Свиное Озеро, по множеству водившихся здѣсь, въ камышахъ, дикихъ кабановъ.

Полковникъ Геке, воротаясь изъ командировки, доложилъ генералу Перовскому, что хотя онъ и исполнилъ съ буквальною точностію возложенное на него порученіе, но, тѣмъ не менѣе, считаетъ избранный путь въ Хиву крайне неудобнымъ, такъ какъ вся мѣстность отъ Эмбы до Чушка-Куля (или Акъ-Булака) «состояла изъ солончаковой низменности и изъ самой бѣдной, нагой, илистой почвы, почти безводной». Но было уже поздно выбирать иной путь; съ походомъ въ Хиву торопились, полагаясь, болѣе всего, на русское «авось» и волю Вождю... Въ укрѣпленія были тотчасъ же отправлены изъ Оренбурга нѣсколько каравановъ съ овсомъ, сухарями и всякими иными

продовольственными припасами, при сильныхъ и вооруженныхъ отрядахъ, которые, затѣмъ, и остались въ названныхъ двухъ укрѣпленіяхъ, въ видѣ гарнизоновъ, занимаясь заготовкою для отряда сѣна; а съемочные отряды вернулись въ Оренбургъ. Такимъ образомъ, было предположено, что экспедиціонный отрядъ, раздѣленный на нѣсколько колоннъ, выступить изъ Оренбурга въ половинѣ ноября; на Эмбинское укрѣпленіе прибудетъ въ первыхъ числахъ декабря, а въ Чушка-Кульское — въ половинѣ декабря. Оттуда было предположено послать легкой рекогносцировочный отрядъ для выбора болѣе удобнаго подъема на Усть-Уртъ и для изслѣдованія, есть ли снѣгъ на плоскости Усть-Урта; въ случаѣ, если бы не оказалось снѣга, рѣшено было ждать его въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи; а тѣмъ временемъ, къ ближайшему береговому пункту Каспійскаго моря, находящемуся въ 100 верстахъ отъ Чушка-Куля, должны были подойти десять большихъ парусныхъ судовъ съ различными запасами и новымъ продовольствіемъ для отряда, которыя имѣли выйти изъ Астрахани осенью же, нѣсколько ранѣе выступленія отряда изъ Оренбурга. Затѣмъ, какъ только снѣгъ на Усть-Уртѣ упадетъ, и явится такимъ образомъ возможность добыванія воды, немедленно двинуться въ дальнѣйшій походъ, подняться на Усть-Уртъ и пройти форсированнымъ маршемъ все безводное пространство до Аральскаго моря; а тамъ уже, слѣдуя берегомъ моря,

по плоскости Усть-Урта, легко было, по показаніямъ бывшихъ въ Хивѣ плѣнныхъ, найти воду вездѣ. Тѣ же бывшіе плѣнники дали и еще одно весьма важное показаніе, именно, что снѣгъ на Усть-Уртѣ выпадаетъ не ранѣе конца декабря или даже въ январѣ, и что случаются зимы, когда снѣгъ не выпадаетъ вовсе.

Вотъ всѣ тѣ предварительныя приготовленія, что были сдѣланы, и тѣ свѣдѣнія, которыя были добыты предъ началомъ несчастнаго похода Русскихъ войскъ въ Хиву въ 1839 году. Затѣмъ, было приступлено къ сформированію экспедиціоннаго отряда и къ изготовленію для него вьючныхъ и перевозочныхъ средствъ, транспортовъ, парка, къ покупкѣ лошадей и найму нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ, и пр...

Рѣшено было сформировать всего четыре отдѣльныя колонны, въ составъ коихъ должны были войти: 4 линейныхъ баталіона, одинъ полкъ Оренбургскихъ и одинъ Уральскихъ казаковъ, конно-казацкая артиллерійская батарея съ 6-ти фунтовыми орудіями, 8 горныхъ 10-ти фунтовыхъ единороговъ и два батарейныхъ орудія, взятые изъ мѣстной крѣпостной артиллеріи, такъ какъ не знали, собственно, что такое городъ Хива? крѣпость ли это, или только городъ, обнесенный стѣною, съ цитаделью внутри, и придется ли штурмовать его прямо пѣхотными колоннами, или же, при осадѣ, потребуются тяжелыя осадныя орудія—для бомбардированія и пробитія затѣмъ брени. При отрядѣ былъ, также, большой артиллерійскій

ларкъ, 250 ракетъ Шильдѣра, 500 ракетъ сигнальныхъ и 500 фальшвейеровъ; были гальваническіе и минныя снаряды, понтонная рота съ четырьмя разборными лодками *) по 35 футовъ длины въ каждой, 6 холщевыхъ понтоновъ, холщевыя лодки, 300 бурдюковъ и Уральскіе рыболовные челны, поставленныя на колеса. Эти морскія снасти брались для предполагаемаго на обратномъ пути изъ Хивы обозрѣнія Аральскаго моря. Затѣмъ, въ отрядъ назначенъ былъ еще одинъ сводный дивизионъ Уфимскаго конно-регулярнаго полка, составлявшаго, такъ сказать, личную гвардію генерала Перовскаго въ Оренбургѣ **). Всего въ отрядѣ было болѣе пяти тысячъ человекъ, и командованіе четырьмя колоннами было возложено

---

*) Лодки эти были разобраны по частямъ и навьючены на верблюдовъ; ими не пришлось воспользоваться, такъ какъ отрядъ не дѣшелъ до Аральскаго моря. При отступленіи, Перовскій разрѣшилъ пользоваться этими лодками, какъ топливомъ, для варки щипи.

**) Уфимскій конно-регулярный полкъ былъ сформированъ по особому ходатайству генерала Перовскаго изъ рослыхъ и красивыхъ нижнихъ чиновъ различныхъ кавалерійскихъ полковъ и изъ офицеровъ, лично извѣстныхъ генералу Перовскому. Это было нѣчто въ родѣ его личной гвардіи. Содержаніе этого полка обходилось казнѣ довольно дорого. Ту же декоративную ватѣю, 40 лѣтъ спустя, устроилъ въ Оренбургѣ покойный генералъ-губернаторъ Крыжановскій, настоявшій на сформированіи особаго регулярнаго Башкирскаго полка, командованіе коимъ было перучено сыну Крыжановскаго, совсѣмъ еще молодому человѣку, въ чинѣ подполковника. Полкъ этотъ, стоявшій казнѣ тоже очень недешево, былъ послѣ крушенія, постигнувшаго г-ла Крыжановскаго (по обнаруженіи извѣстнаго хищенія Башкирскихъ вещей), распущенъ и упраздненъ.

генераломъ Перовскимъ наследующихъ лицъ. Начальникомъ 1-й колонны былъ назначенъ командиръ Башкирскаго войска генераль-маіоръ Цюлковскій. «Войско» это, въ дѣйствительности Башкирское племя, какъ расположенное въ районѣ тогдашней Оренбургской губерніи (заключавшей въ себѣ и нынѣшнюю Уфимскую), было подчинено, какъ и Оренбургское же казачье войско, власти Оренбургскаго военнаго губернатора. Цюлковскій, полякъ по происхожденію, былъ человекъ злой, мстительный и крайне жестокосердный; офицеры его ненавидѣли, солдаты боялись и тряслись при одномъ его приближеніи. Командиромъ 2-й колонны былъ назначенъ командующій конно-казачьею артиллерійскою бригадою полковникъ Кузьминскій. Командиромъ 3-й колонны былъ назначенъ начальникъ 28-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Толмачевъ, и, наконецъ, 4-ю колонною командовалъ бывшій впоследствии наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска генераль-маіоръ Молоствовъ. Эта послѣдняя колонна считалась главною и въ ней находился начальствующій всеѣмъ экспедиціоннымъ отрядомъ генераль-адъютантъ Перовскій съ своимъ штабомъ, во главѣ котораго стоялъ невидимый его начальникъ и правая рука генерала, штабъ-капитанъ Прокофій Андреевичъ Никифоровъ; видимымъ же начальникомъ «походнаго штаба» Перовскаго былъ подполковникъ Иванинъ; дежурнымъ штабъ-офицеромъ—гвардіи капитанъ Дебу. Кромѣ

того, при Перовскомъ была масса различныхъ лицъ: чиновниковъ особыхъ порученій, штабъ-офицеровъ, адъютантовъ, гвардейскихъ оберъ-офицеровъ и проч., словомъ, былъ весь тотъ хвостъ военныхъ «навлиновъ» и трутней, отъ которыхъ несвободенъ былъ на Руси ни одинъ военачальникъ, начиная съ фельд-маршала Суворова и кончая генераломъ Черняевымъ въ Сербіи... При штабѣ Перовскаго было также нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба для предполагавшихся геодезическихъ и этнографическихъ работъ въ Хивѣ и дорогою; затѣмъ, были офицеры корпуса топографовъ и 12-ть топографовъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Какъ великъ былъ обозъ этой главной колонны, можно судить по одному тому, что подъ кухонными лишь припасами, винами, консервами, предназначенными собственно для стола генераль-адъютанта Перовскаго, было 140 вьючныхъ верблюдовъ. Всѣхъ же верблюдовъ было въ отрядѣ 12,450, такъ что приходилось, въ общемъ, по два слишкомъ верблюда на каждого человѣка.

III.

Выступление отряда изъ Оренбурга — Штабъ-капитанъ Никифоровъ. — Его роль въ отрядѣ и близость къ ген. Перовскому. — Первая неурядица въ отрядѣ съ навьючкою верблюдовъ. — Наступленіе страшныхъ морозовъ и недостатокъ топлива. — 6-е Декабря.

Экспедиціонный отрядъ, раздѣленный, какъ сказано, на четыре колонны, началъ свое выступленіе

ставленію генерала Перовскаго, прикомандированъ къ генеральному штабу, а вскорѣ и совсѣмъ зачисленъ въ него, не будучи никогда въ военной Академіи. Въ 1839 году онъ былъ уже штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, имѣлъ нѣсколько отличій и состоялъ при Перовскомъ «для особыхъ порученій», не имѣя при этомъ никакой опредѣленной должности, но распоряжаясь, въ то же время, рѣшительно всѣмъ, хотя и отъ имени своего патрона и начальника. Главное, чѣмъ дорожилъ Перовскій къ Никифоровѣ, это былъ его слогъ: онъ такъ хорошо владѣлъ перомъ, что никто, кромѣ его, не могъ въ этомъ отношеніи угодить молодому и капризному губернатору; перу же Никифорова принадлежали и всѣ представленія въ Петербургъ о необходимости похода на Хиву.

Распоряженія штабсъ-капитана Никифорова породили, на первыхъ же порахъ похода, различныя недоразумѣнія въ колоннахъ и даже неудовольствія среди начальствующихъ ими лицъ: оказывалось, что начальники колоннъ лишались собственной инициативы, и всѣ распоряженія и дѣйствія направлялись изъ штаба генерала Перовскаго рукою Никифорова. Главное, что особенно не понравилось въ тѣ времена командирамъ колоннъ, это замѣчательное безкорыстіе Никифорова и его зоркій надзоръ за тѣмъ, чтобы до солдатъ доходило рѣшительно все, что имъ отпускалось и полагалось.

Съ перваго же дня выступленія въ походъ, Перов-

скій поставилъ себя къ начальникамъ колоннъ въ отношенія довольно ненормальныя: онъ держался очень изолировано и недоступно. На остановкахъ и дневкахъ, въ кибитку его рѣшительно никто, даже начальникъ походнаго штаба, не имѣлъ права войти безъ особаго доклада; исключеніемъ былъ одинъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, входившій къ генералу Перовскому во всякое время. Это предпочтеніе особеннѣе не правилось «штабу» Перовскаго и начальникамъ колоннъ, изъ коихъ трое были генералами.

Вслѣдствіе неумѣлости главныхъ распорядителей, неурядица въ отрядѣ началась еще въ Оренбургѣ— съ навьючкою верблюдовъ. Въ каждой колоннѣ было около 3 тысячъ верблюдовъ; въ главной, 4-й колоннѣ, ихъ было почти 4 тысячи. Передъ выступленіемъ колоннъ и при остановкахъ на ночь, всѣ эти 12¹/₂ тысячъ верблюдовъ приходилось навьючивать и развьючивать. При каждахъ десяти верблюдахъ былъ нанятъ всего одинъ Киргизъ, для котораго требовалось нѣсколько часовъ времени всякій разъ; тогда, въ помощь Киргизу-поводарю стали назначать по пяти линейныхъ солдатъ, взявшихся за дѣло очень охотно, но неумѣло. Въ результатѣ явилась масса заболѣвшихъ верблюдовъ, у которыхъ спины были протерты вплоть до костей; ихъ стали развьючивать и раздѣлять въюби на остальныхъ, здоровыхъ, обременяя

такимъ образомъ этихъ послѣднихъ непосильною ношей...

Походное движеніе колоннъ было направлено изъ Оренбурга такимъ образомъ: первыя двѣ колонны были направлены на Куралинскую линію *), а третья и четвертая—на крѣпость Илецкую-Защиту. За послѣднимъ, Григорьевскимъ форпостомъ, въ степи, есть такъ называемое Караванное озеро; тутъ и предназначено было сойтись всеѣмъ четыремъ колоннамъ и, затѣмъ, слѣдовать до Эмбы въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, останавливаясь на ночлегъ не далѣе, то же, одной или двухъ верстъ другъ отъ друга, съ такимъ расчетомъ, чтобы каждая колонна видѣла сосѣднюю, такъ что, въ случаѣ тревоги, всеѣ колонны могли бы быстро сосредоточиться въ пунктъ нападенія и оказать взаимную другъ другу помощь. На ночлегъ предписано было ставить колонны въ каре, и на этотъ предметъ выданы даже были каждому начальнику колонны особые планы и инструкціи, отъ которыхъ предписано было не отступать ни въ какомъ случаѣ. Послѣдствія показали, что это предрѣшеніе дѣйствій отдѣльныхъ начальниковъ колоннъ и, въ то же время, отнятіе у нихъ собственной инициативы дало весьма печальные результаты.

Самое движеніе въ степи экспедиціоннаго отряда шло черепашьимъ шагомъ. Главною причиною этой

*) Куралинская линія проходитъ немного лѣвѣе Илецкой-Защиты, но, въ концѣ, выходитъ то же на рѣку Илекъ.

медленности была неумѣлость солдатъ при навьючиваніи верблюдовъ: эти вьюки, то и дѣло, падали съ верблюдовъ; чтобы перевьючить, приходилось останавливать цѣлую колонну; иначе, отсталые верблюды растягивались бы въ хвостѣ колоннѣ, и арьергарду пришлось бы оставаться далеко позади отряда, въ степи... Такимъ образомъ, въ началѣ похода, колонны дѣлали не болѣе 10 верстъ въ день; и только тогда, когда солдаты достаточно навьючили верблюдовъ, колонны стали подвигаться быстрѣе. Но тутъ случилась новая бѣда: 24 Ноября выпалъ глубокій, выше колѣна, снѣгъ, а 27-го числа поднялся ужаснѣйшій степной буранъ при 26 градусахъ мороза... Озябшія отъ сильной стужи и вѣтра лошади, въ ночь на 28-е Ноября, сорвались съ коновязей и бѣжали въ степь—ради спасенія жизни, по инстинкту, чувствуя потребность бѣжать... Всѣ часовые отморозили въ эту ночь носы, руки или ноги; начались въ отрядѣ болѣзни; отмороженные части пришлось ампутировать въ холодныхъ, войлочныхъ кибиткахъ, на морозѣ, продолжавшемъ держаться около 25 градусовъ... Бѣжавшихъ лошадей надо было разыскивать... Сдѣлали лишнюю дневку, и часть пропавшихъ лошадей нашли въ другихъ колоннахъ; большая же часть ихъ исчезла въ степи безслѣдно, съѣденная волками.

Съ первыхъ чиселъ Декабря, вновь начались бураны; всю степь завалило снѣгомъ болѣе чѣмъ на аршинъ, и его поверхность отъ морозовъ покрылась

твердую ледяною корой; морозы перенли за 30 градусовъ и стали доходить, по утрамъ, до 40, при убійственномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ... Люди, измученные непривычною ходьбою по глубокому снѣгу, да еще съ ружьями, ранцами и патронташами на спинѣ, скоро изнемогали и, въ сильной испаринѣ, сажались на верблюдовъ, остывали и даже отмораживали себѣ тутъ же, сидя на верблюдахъ, руки и ноги... Всѣ поняли, что наступаетъ гибель; но никто еще не имѣлъ малодушія высказать это въ слухъ... Прежде всего, бѣдствіе постигло несчастныхъ верблюдовъ *). Ступая по снѣгу въ аршинъ глубиною и пробивая при этомъ ледяную кору, они рѣзали въ кровь ноги до коленъ и выше и, въ концѣ концовъ, падали и уже не могли подняться... Такихъ верблюдовъ бросали на мѣстѣ, на произволъ судьбы, умирать въ степи; а вьюкомъ съ упавшаго верблюда распоряжались уже аріергардные казаки: если это былъ овесъ или сухари, то казаки дѣлили добычу по горбамъ; если это былъ спиртъ, то казаки разливали его въ манерки, а боченокъ разбирали на топливо; если это была мука, то ее разсыпали по снѣгу, а куль отъ муки припрятавали на топливо же, въ которомъ, въ это тяжелое время, былъ такой страшный недостатокъ, что иногда на по-

---

- *) Большая часть верблюдовъ отряда была не куплена, а лишь нанята у Киргизовъ, равно какъ и ихъ хозьева поводыри. Впослѣдствіи, за погибшихъ верблюдовъ казна уплатила Киргизамъ все, что слѣдовало.

члегахъ, чтобы развести хоть маленькій огонь для вскипяченія чайника воды, приходилось жечь веревки отъ верблюжьихъ тюковъ...

Наступило 6-е Декабря 1839 года. Наканунѣ войска дошли до урочища Бишь-Тамакъ (Пять Устьевѣ), въ 250—270 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь, по случаю тезоименитства императора Николая Павловича, назначена была дневка, поставлена была съ вечера походная церковь и предполагено было, на другой день, отслужить литургію и молебень; но когда наступило утро 6-го Декабря и въ церковь стало собираться начальство и духовенство, то рѣшили, въ виду $32\frac{1}{2}^{\circ}$ мороза при страшномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, ограничиться лишь краткимъ молебномъ о здравіи государя. Холодъ, благодаря вѣтру, достигалъ до того, что внѣ большой походной кибитки, гдѣ была церковь, невозможно было вздохнуть полною грудью: у самыхъ крѣпкихъ людей захватывало духъ... Топлива не было и достать его было негдѣ: кругомъ была голая бѣлая пустыня, покрытая снѣгомъ на $1\frac{1}{2}$ аршина глубины... Тогда начальники колоннъ, собравшіеся было въ церковь для предполагавшейся литургіи, рѣшили идти къ главноначальствующему и раскрыть предъ нимъ гибельное положеніе отряда. Перовскій принялъ ихъ, внимательно выслушалъ и далъ разрѣшеніе употребить, для варки пищи, лодки, взятыя изъ Оренбурга для предполагавшагося плаванія по Аральскому мо-

рю, а также разломать и выдать на топливо же солдатамъ дроги, на которыхъ возились эти лодки, выдать всѣ факелы и канаты, приготовленные для флотилии, разрубить на части и выдать людямъ запасные кули, а также и всѣ опорожненные, рубить и выдавать всѣ запасныя веревки обоза; словомъ, выдать все, что можетъ горѣть и что возможно считать излишнимъ въ отрядѣ. Но увы!— всего этого хватило лишь на нѣсколько дней для пятидесячнаго отряда... Когда все было сожжено и доложено было объ этомъ вновь Перовскому, онъ приказалъ объявить войскамъ, что они сами должны отыскивать для себя топливо, что выдавать больше нечего...

IV.

Героическое мужество солдатъ. — Во что была одѣта нѣхота. — Картинка почлега отряда — Смертность и походные лазареты. — Казачье „стараніе“ — Гибель дивизиона Уфимскаго коннаго полка. — Положеніе офицеровъ отряда.

Для военнаго историка и лѣтописца походовъ русскихъ войскъ слѣдуетъ отмѣтить характерную особенность нашего солдата въ это гибельное для экспедиціи время. Пока были дрова и хоть какое-нибудь топливо, чтобы можно было развести огонь и сварить горячую пищу — хоть простую на водѣ гречневую кашницу, — до тѣхъ поръ солдаты отряда были бодры и веселы: никакой морозъ не имѣлъ вліянія на нрав-

сѣверное состояніе ихъ духа. Падали цѣлыми сотнями верблюды, обмораживались и затѣмъ умирали отъ антонова огня часовые, разбѣгались въ степь и поѣдались степными волками лошади, приходилось все время спать на мерзлой землѣ, прикрытой простыми кошмами, въ снѣжныхъ ямахъ, ограждаясь отъ сѣвернаго вѣтра лишь джуламейками, — все это солдаты переносили съ терпѣніемъ и христіанскою кротостію; но разъ прекратился огонь и горячая пища, — весь отрядъ упалъ духомъ, и всѣ заговорили уже вслухъ о совершенной неудачѣ похода.

Бѣдствія солдата увеличивались еще и отъ его обмундированія. Въмѣсто обыкновенныхъ русскихъ полушубковъ, въ которые необходимо слѣдовало бы одѣть весь отрядъ, онъ одѣтъ былъ Богъ вѣсть какъ — не только скаредно, но просто каррикатурно: людямъ, передъ самымъ выступленіемъ изъ Оренбурга, дали полушубки, сшитые изъ *чебаги*, сшитые самымъ примитивнымъ способомъ, практиковавшимся здѣшними номадами, въ отдаленныя времена, и сохранившимся лишь въ аулахъ, у самыхъ бѣдныхъ Киргизовъ. Полушубки эти шились такъ: снимали весною съ барана шерсть, нашивали и наклеивали ее на толстый холстъ и затѣмъ кроили и шили изъ этой «чебаги» для солдатъ полушубки; овечья шерсть грѣла конечно, но скоро сваливалась въ неровный войлокъ, а верхняя холщевая часть такихъ полушубковъ холодѣла отъ мороза; солдатскія же шинели, сшитыя въ натяжку,

по мундирамъ, не влѣзали на полушубки. Сверхъ черныхъ суконныхъ шароваръ, солдатамъ приказано было надѣвать для чего-то холщевыя (надо полагать, въ предохраненіе отъ износа, въ видахъ экономіи), но холстъ тоже страшно накалялся на тридцатиградусномъ морозѣ; вдобавокъ шаровары эти надо было закидывать въ узкія голенища сапогъ, такъ что не только ступня, но и щиколотка ноги у солдата была ничѣмъ не защищена отъ холода. Одиѣ лишь солдатскія шапки были примѣнены къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ. Онѣ были подбиты телячьимъ мѣхомъ, и къ нимъ были придѣланы особые назатыльники изъ такого же мѣха; но такъ какъ шапки эти были единственною теплою одеждою, практически сшитую, то и выходило вотъ что: голова у солдата была постоянно въ теплѣ, а ноги и вся нижняя часть тѣла въ холодѣ, т. е. какъ разъ наоборотъ какъ бы слѣдовало... Не распорядились даже измѣнить обувь солдатъ—сапоги на валенки. И вотъ въ такой-то одеждѣ и обуви, спитыхъ «на перекоръ стихіямъ», пройдетъ солдатъ въ день, по колѣно въ снѣгу, верстъ 15, а иногда и болѣе, неся на своей спиѣ ранецъ съ вещами, ружье и 40 боевыхъ патроновъ въ патронташѣ и приходитъ, наконецъ, на ночлегъ. Отъ усталости и изнеможенія, солдаты тотчасъ же полягутъ на снѣгъ, какъ попало, подложивъ лишь подъ себя войлочные кошмы, и только тѣ изъ нихъ, которые послабѣе, начинаютъ разставлять войлочные джуды-

мейки *), а другіе идутъ рыть коренья степныхъ травъ для варки пищи; а чтобы добыть эти коренья, нужно сначала разгрести твердый снѣгъ, лежавшій на землѣ слоемъ 1 1/2 аршина, а затѣмъ рубить землю мотыгами**), комья разбивать обухами топоровъ, — и изъ мелкой земли, разбитой такимъ тяжкимъ трудомъ, выбирать окоченѣвшими пальцами мелкіе коренья травъ—для разведенія огня... А пока все это совершается, то-есть пока одна часть еще не свалившихся солдатъ ставить и налаживаетъ джуламейку, а другая часть добываетъ коренья, слабые солдаты лежатъ на снѣгу и простуживаются... На другой день они идутъ въ лазаретъ, а оттуда дня черезъ три «на выписку», въ могилу... На бѣду походные лазареты помѣщались въ длинныхъ, сквозныхъ фургонгахъ, на колесахъ, устроенныхъ такъ въ предположеніи, что всю дорогу до Эмбы отрядъ совершить по безснѣжной степи. Фургоны эти были до того холодны и съ такими сквозняками, что

*) *Джуламейка* въ переводѣ на русскій языкъ—*дорожный домъ*. Это небольшая войлочная палатка, имѣющая форму стога, устраивается изъ тонкихъ палокъ, связанныхъ веревками и обтянутыхъ, затѣмъ, кошмами, т. е. войлоками. Ставятъ ее прямо на снѣгъ, въ ней стелятъ кошмы же, и такимъ образомъ получается защита если не отъ холода, то, по крайней мѣрѣ, отъ вѣтра. Въ сущности, джуламейка—это киргизская кибитка въ миниатюрѣ, такъ какъ настоящая кибитка едва умѣщается на спшны двухъ верблюдовъ.

**) *Мотыги*—это особаго рода желѣзный инструментъ, замѣняющій отчасти топоръ, желѣзную лопату и пешню. Инструментъ этотъ мѣстный, употребляемый обыкновенно въ степи киргизами

губили совѣмъ даже здоровыхъ солдатъ, посылаемыхъ въ лазаретъ вслѣдствіе одной лишь усталости ногъ, «для отдыха»: черезъ два-три дня такіе солдаты простуживались, схватывали тифозную горячку и отправлялись на вѣчный отдыхъ... Затѣмъ, когда всѣ фургоны были уже переполнены, больныхъ вляли на особо устроенныя койки и подвѣшивали на верблюдовъ, по одному человѣку съ каждой стороны; непривычныхъ къ такому передвиженію несчастныхъ больныхъ сильно било и заколачивало, иногда, до безчувствія. Хоронили покойниковъ обыкновенно тутъ же въ степи, въ неглубокихъ ямахъ, вырубаемыхъ мотыгами въ мерзлой землѣ.

Не мало людей начало умирать отъ скорбута, цинги, антонова огня (вслѣдствіе обмороженія конечностей), а главное отъ изнеможенія и истощенія силъ, вслѣдствіе отсутствія горячей пищи. Эта смертность и почти ежедневно происходившія въ отрядѣ похороны имѣли неизбѣжное деморализующее вліяніе не только на слабыхъ и молодыхъ солдатъ, но на старыхъ и здоровыхъ, даже на унтеръ-офицеровъ. Ропоту, конечно, не было и быть не могло: не таковъ русскій человѣкъ, чтобы роптать на волю Божью, ниспославшую такую снѣжную и жестокую зиму, какую не могли запомнить 70-ти-лѣтніе старики! Но у всего отряда, въ виду его ежедневнаго таянія, явилось опасеніе, что погибнетъ неминуемо вся пѣхота, до послѣдняго человѣка...

Положеніе кавалеріи было во многомъ лучше; казаки были одѣты гораздо теплѣе и практичнѣе, чѣмъ пѣхотинцы: подъ шинелями у нихъ были настоящіе мѣховые полушубки, а это было самое главное. Въ началѣ похода, правда, наблюдалась извѣстная форма въ одеждѣ; но затѣмъ, когда наступили страшные морозы и поднялись бураны, то казаки сверхъ шинелей стали надѣвать взятые ими въ походъ, про всякій случай, собственные, саксаچی, длинно-руныхъ черныхъ овецъ, тулупы, а на ноги валенки—и имъ было тепло. На ночлегахъ, когда отрядъ, обыкновенно, устраивался въ каре, солдаты-пѣхотинцы занимали передній и задній фасы, а по бокамъ каре клались тюки съ продовольствіемъ и прочими запасами, а за этими уже тюками, подъ ихъ защитою отъ вѣтра, ставились джуламейки казаковъ.

Относительно продовольствія, казаки и ихъ лошади поставлены были тоже въ болѣе благопріятныя условія. Мы уже говорили выше, какъ ловко пользовались казаки въ аріергардѣ всевозможными вьюками, которые они снимали съ падавшихъ отъ изнеможенія верблюдовъ. Впрочемъ, казаки (особливо Уральскіе) не брезгали даже и обыкновеннымъ воровствомъ, при добываніи разнаго рода продовольствія, такъ что, на примѣръ, у пѣхотныхъ офицеровъ отряда были похищены казаками всѣ тюки съ консервами, чаемъ и сахаромъ, даже чемоданы съ бѣльемъ и мундирами. Не менѣе ловко поступали казаки и тогда,

когда имъ надо было добыть лишняго корму для своихъ коней: не смотря на голую, снѣжную пустыню, окружавшую отрядъ, они и тутъ ухитрились достать то, что имъ было нужно. Дѣло въ томъ, что въ началѣ похода на каждую лошадь выдавалось овецъ лишь по 2 1/2 гарнца, сѣна же не выдавалось вовсе, такъ какъ снѣгъ былъ не глубоокъ, и лошадей, часа на два въ день, выгоняли на *тебеневку* (т. е. на пастбу), гдѣ онѣ и добывали себѣ, роя копытами, подножный кормъ; но потомъ, когда снѣгъ сталъ глубокимъ, такая тебеневка стала, конечно, невозможною; а между тѣмъ, казаки очень любили и берегли своихъ лошадей, которыя, какъ извѣстно, были ихъ собственностью. И вотъ, вольные сыны Урала начали «стараться» и пустились на слѣдующую хитрость. Такъ какъ ночью казачьи джуламейки устраивались вблизи вьюковъ и всевозможныхъ мѣшковъ съ провіантомъ и продовольствіемъ, то, какъ только наступала глухая пора ночи, изъ казачьей джуламейки осторожно выползалъ какой-нибудь ловкій паренъ и выслѣживалъ часового. Едва тотъ прятался отъ холода гдѣ-нибудь за тюками, какъ казачь всаживалъ въ одинъ изъ тюковъ съ овецъ особаго рода крючекъ на крѣпкой бичевѣ, конецъ которой былъ протянутъ въ самую джуламейку; исполнивъ это, казачь тихонько уползалъ вновь въ джуламейку, а спустя нѣсколько минутъ кулъ съ овецъ начиналъ медленно подвигаться по снѣгу и вѣзжалъ въ ту же джула-

мейку, къ ожидавшимъ его казакамъ, которые тотчасъ и же и разсыпали овесъ по сакмъ, а куль сжидали. Такимъ образомъ, казачьи лошади были всю дорогу сыты, а у самихъ казаковъ не переводились ни сухари, ни водка, ни мясо; оттого и смертность между ними была значительно меньше, и лошади ихъ падали весьма рѣдко. Случалось, конечно, что часовой замѣчалъ самодвижущійся куль съ овсомъ; но въ такихъ случаяхъ увеличивались лишь ночныя мученія несчастнаго часового: къ страданіямъ отъ стужи и вѣтра присоединялось еще и мученіе отъ страха и ужаса—въ виду несомнѣнной чертовщины, происходящей предъ его глазами... Уже много позже, когда отрядъ добрался до Эмбы, эти казачьи продѣлки стали извѣстны всему отряду.

Но далеко не вся кавалерія отряда благоденствовала такъ, какъ казачьи полки: взятый генераломъ Перовскимъ сводный дивизионъ Уфимскаго конно-регулярнаго полка бѣдствовалъ едва ли не болѣе, чѣмъ пѣхота. Люди этого дивизиона, набранные, какъ и весь полкъ, изъ другихъ полковъ регулярной кавалеріи, расположенной въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, были непривычны къ суровому Оренбургскому климату; ихъ щегольская форма, пригодная для блестящихъ парадовъ, была совсѣмъ неудобна для похода въ тридцати-градусный морозъ, въ снѣговой пустынь. То же было и съ ихъ лошадьми: красивыя, рослыя и грузныя заводскія лошади этого дивизиона

едва ступали по глубокому снѣгу и, какъ и верблюды же, сильно рѣзали себѣ ноги о ледяную кору, покрывавшую снѣгъ, а главное, ничего не могли подѣлать на тебеневкѣ, т. е. не умѣли добывать себѣ подножный кормъ, такъ что всю дорогу, отъ самаго Оренбурга, не ѣли сѣна и травы; выдаваемый же въ скромной порціи 2¹/₂ гарнцевъ на день овесъ не могъ, конечно, накормить лошадь досыта, и онѣ начали падать... Въ концѣ похода въ этомъ дивизионѣ не осталось ни одной лошади; послѣднею пала, подъ Эмбою уже, красавица «Пѣна», бѣлая лошадь у трубача, сильно имъ любимая. Очевидецъ, Г. Н. Зеленинъ, такъ передавалъ мнѣ этотъ случай. Лошадь шла по тропѣ, протоптанной ранѣе оставшимися верблюдами; на ней гордо сидѣлъ молодчина-трубачъ, окруженный всего человѣками 20—25, нижними чинами, остававшимися въ живыхъ изъ всего дивизиона, идущими теперь цѣшкомъ вблизи своего трубача... Вдругъ Пѣна спотынулась обо что-то, сильно вздрогнула—и упала; трубачъ быстро соскочилъ съ нея и сталъ было помогать ей подняться; но лошадь затрясла головой и медленно перевалилась на бокъ... Солдатики стали хлопотать около своей любимицы, отпустили ей подпруги; но это ей не помогло: лошадь стала медленно и тяжело дышать и слегка биться... Солдатики рѣшили, что она «изведется»... Тогда трубачъ сбѣгалъ къ идущимъ въ аріергардѣ казакамъ, добылъ тамъ нѣсколько гарнцевъ овса, при-

несъ лошади и насыпалъ его на чистое полотенце, вблизи ея головы; потомъ, разсѣдлавъ лошадь и разнуздаль; затѣмъ сталъ передъ ней, поклонился ей въ землю, зарыдалъ какъ ребенокъ—и медленно пошелъ, снѣговую тропою догонять «землячковь-товарищей»... Въ Оренбургъ вернулось изъ этой гвардіи генерала Перовскаго около 20 человекъ; трубачъ, оплакавшій красавицу Пѣну, тоже умеръ въ походѣ, на обратномъ уже пути изъ Чушка-Куля. Когда окончился этотъ несчастный походъ и Перовскій уѣхалъ за границу, весь Уфимскій конно-регулярный полкъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, былъ отправленъ (въ 1841 году) на контонирь-квартиры, въ одну изъ Сѣверо-Западныхъ губерній, для поправленія здоровья солдатъ, сильно страдавшихъ въ Оренбургѣ обычною болѣзнию для всѣхъ немѣстныхъ уроженцевъ — изнурительною, перемежающеюся лихорадкою. Страданія и лишенія офицеровъ въ этотъ тяжкій походъ мало чѣмъ разнились отъ нижнихъ чиновъ. Правда, каждому изъ нихъ былъ предоставленъ въ распоряженіе отдѣльный верблюдъ а нѣкоторымъ два, три и болѣе; у многихъ были собственныя лошади и экипажи—мѣстные тарантасы, съ полозьями въ запасѣ, для зимняго пути; были и разныя другія исключительныя удобства и приспособленія. Но все это было лишь въ началѣ похода... Затѣмъ для всѣхъ почти офицеровъ отряда наступили тѣ же лишенія: верблюды ихъ пали, равно, какъ и лошади, экипажи

брошены или сожжены; вскипятить мѣдный чайникъ съ водою было, тоже, не всегда возможно, какъ и болдатамъ не всегда удавалось похлевать горячей кашницы. Исключенія въ удобствахъ имѣлись лишь у начальниковъ отдѣльныхъ частей: начальники колоннъ, баталіонные и полковые командиры и батарейные находились, конечно, въ иныхъ условіяхъ, лучшихъ, изъ коихъ главныя были два: теплая одежда и горячая пища. Все это, понятно, было у командировъ; но самага-то главнаго—теплаго угла, гдѣ бы можно было обогрѣться и, порою, обсушиться и уснуть раздѣвшись, этого ни у кого не было. У самаго Перовскаго ставилась въ кибиткѣ переносная, желѣзная печь; но, тѣмъ не менѣе, температура была тамъ (6-го, напримѣръ, декабря) слѣдующая: на полу кибитки было 15° холоду; а на столѣ, гдѣ писалъ Перовскій, 4° морозу же, по Реомюру.

V.

Облегченіе караульной службы.—Случай съ часовымъ.—Смертная казнь надъ нимъ.—Начало ропота противу генерала Цюлковскаго.—Независть Цюлковскаго къ русскимъ солдатамъ и его жестокость.—Истязаніе фельдфебеля Есырева.—Усиленіе въ отрядѣ ропота противу Цюлковскаго.—Смѣщеніе его съ должности начальника колонны.

Еще въ началѣ декабря, когда отрядъ только что подходилъ въ урочищу Бишъ-Тэмакъ, главноначальствующій, въ виду наступившихъ тридцати-градус-

ныхъ морозовъ и частыхъ бурановъ, отъ которыхъ гибли по ночамъ часовые, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ночные часовые на постахъ смѣнялись черезъ каждый часъ, а не черезъ два, какъ было обыкновенно установлено. Къ сожалѣнію, это гуманное распоряженіе генерала Перовскаго не всегда исполнялось въ точности, по той простой причинѣ, что на гауптвахтахъ, гдѣ былъ главный караулъ, не всегда и не у всѣхъ начальниковъ караула были часы, составлявшіе въ то время нѣкоторую роскошь у армейскихъ офицеровъ. Такимъ образомъ, часовымъ приходилось иногда выстаивать на своихъ постахъ долѣе даже двухъ часовъ; если въ это время былъ сильный морозъ, да еще съ метелью, часовой, по чувству простого самосохраненія и самозащиты, прятался отъ бурана и вьюги за тюки. И вотъ, произошелъ однажды въ колоннѣ генерала Цюлковскаго слѣдующій печальный случай. Около тюковъ съ провіантомъ стоялъ, ночью, часовой, еще молодой солдатъ, зырянинъ Архангельской губерніи. Поднялся страшный буранъ... проходитъ часъ, проходитъ другой... совсемъ заоченѣли у часового руки, а смѣны нѣтъ какъ нѣтъ... Поставилъ несчастный солдатикъ ружье къ тюку, а самъ присѣлъ у ружья на корточки, спрятавъ замерзшія руки подъ полшубокъ, да и прикурнулъ немножко... Въ это время проходилъ патруль; вмѣсто того, чтобы разбудить прозябшаго солдата, или поскорѣе смѣнить его, унтеръ-офицеръ полякъ

взялъ тихонько ружье часового и ушелъ съ нимъ; когда, спустя всего нѣсколько минутъ, солдатикъ проснулся и увидаль, что ружья нѣтъ, онъ страшно перепугался—зналъ, что отъ неумолимаго и безжалостнаго генерала Ціолковскаго его постигнетъ жестокое наказаніе. И вотъ, опасаясь, что съ минуты на минуту придетъ смѣна и его найдутъ безъ ружья, часовой рѣшается на слѣдующій необдуманнѣйшій поступокъ: оглядывая безконечную бѣлую степь, онъ увидѣлъ, что не въ далекаѣ стоитъ на ночлегѣ другая колонна; не долго думая, часовой бросается туда, тихо подходитъ къ плацформѣ, гдѣ въ козлахъ стояли ружья, и видитъ, что часовой отъ стужи спрятался за тюками и дремлетъ... солдатикъ взялъ одно ружье и быстро возвратился къ своему посту. Когда пришелъ къ нему тотъ же патрульный и съ нимъ смѣна, то увидѣли, что солдатъ стоитъ съ ружьемъ...

— Чье у тебя ружье?—спросилъ патрульный.

— Мое, сударь,—отвѣчалъ часовой.

Тогда у солдатика спросили номеръ его ружья и при этомъ показали ему собственное ружье... Отпираться стало невозможно, и виновный повинился во всемъ.

Генераль Ціолковскій сильно сталъ раздувать это дѣло—просто, по жестосердію своему... О проступкѣ часового доложено было главноначальствующему отрядомъ, и генераль Перовскій приказалъ наказать солдатика и тѣмъ покончить дѣло. Но генераль-май-

орь Ціолковскій, въ качествѣ колоннаго начальника, сталъ настаивать, чтобы часовой за свой проступокъ былъ подвергнутъ, въ примѣръ прочимъ, разстрѣлянiю, что его преступленіе—де очень важное: сонъ на посту, утрата ружья, самовольная, безъ разводящаго ефрейтора, отлучка съ часовъ и, наконецъ, кража оружія въ сосѣдней колоннѣ... Начальникъ колонны такъ энергично настаивалъ на своемъ безсердечномъ желаніи и сослался на такой сильный аргументъ (что онъ, генералъ Ціолковскій, въ случаѣ помилованія виноватаго, не отвѣчаетъ за сохраненіе дисциплины въ своей колоннѣ, въ такое смутное и тяжелое для отряда время), что генералъ Перовскій вынужденъ былъ, наконецъ, уступить и отдалъ приказъ судить часового полевымъ военнымъ судомъ, въ 24 часа. Часовой былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ разстрѣлянiе, и приговоръ этотъ былъ, на другой же день, надъ нимъ исполненъ, въ присутствіи всей 1-й колонны и при нѣсколькихъ стахъ людей изъ другихъ колоннъ, нарочито командированныхъ для присутствованія при смертной казни.

Случай этотъ вызвалъ сильный говоръ во всѣхъ колоннахъ... Всѣ обвиняли генерала Ціолковскаго въ безчеловѣчности и ненужной жестокости. Указывали на то, что нужно снисходить къ нижнимъ чинамъ, безропотно, зачастую, замерзающимъ на часахъ; что, скорѣе, слѣдовало бы генералу Ціолковскому установить болѣе правильную смѣну часовыхъ въ своей ко-

лоннѣ, чѣмъ виушать патрульнымъ унтеръ-офицерамъ, изъ ссыльныхъ поляковъ, похищать у измученныхъ и задремавшихъ часовыхъ ружья... что отрядъ далеко еще не дошелъ до Эмбы; а пока дойдетъ до Хивы, то этакъ, пожалуй, придется разстрѣлять всѣхъ тѣхъ, кто не замерзнетъ... и т. д.

Въ силу военной дисциплины, ропотъ этотъ или, скорѣе, «говоръ», какъ называютъ его находящіеся и теперь въ живыхъ военные люди, участники похода, былъ, конечно, тихій, сдержанный, и лишь теперь, спустя полвѣка, сѣдые ветераны похода, припоминая смертную казнь зырянина, разстрѣляннаго при 30-ти-градусномъ морозѣ, въ бѣлой непроглядной вьюгѣ, передавали мнѣ, понижая голосъ, что послѣ этой казни «въ отрядѣ былъ сильный говоръ»... И если бы въ отрядѣ не знали, кто истинный виновникъ ненужной жестокости, то «говоръ» могъ бы разростись... И хотя Цюлковскій старался потомъ всячески выгородить себя изъ этого дѣла, сваливая назначеніе военно-полевого суда на главноначальствующаго, но эта политика плохо удалась ему въ степи: шт.-капитанъ Никифоровъ, не стѣсняясь, говорилъ съ офицерами въ слухъ о закулисной сторонѣ всего этого несчастнаго дѣла...

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о личности начальника 1-й колонны генералъ-маіора Станислава Цюлковскаго. Онъ, по рассказамъ, попалъ въ Оренбургъ вѣкорѣ послѣ польскаго мятежа 1831 г.,

въ качествѣ ссыльнаго полковника польскихъ войскъ, сильно скомпрометированный. Вскорѣ же по прїѣздѣ генерала Перовскаго въ Оренбургъ, полковникъ Цюлковскій сбумѣлъ вкратцѣ къ новому военному губернатору въ такое довѣріе, такъ заискать передъ нимъ и расположить его къ себѣ, что походъ 1839 г. засталъ его командиромъ Башкирскаго войска, въ чинѣ уже генераль-маіора. Существуетъ весьма основательное свѣдѣніе, что государь Николай Павловичъ, прощаясь съ Перовскимъ въ началѣ 1839 г. въ Петербургѣ и хорошо, повидимому, зная о томъ недобромъ вліяніи, какое имѣлъ Цюлковскій на молодого Оренбургскаго губернатора, настоятельно совѣтовалъ ему не допускать къ себѣ этого ссыльнаго полка *). Тѣмъ не менѣе, Цюлковскій попалъ все-таки въ экспедицію, и сталъ, затѣмъ, злымъ геніемъ отряда и всего похода.

При самомъ выступленіи своемъ изъ Оренбурга, генераль Цюлковскій отдалъ приказъ по своей колоннѣ, чтобы навьючка верблюдовъ начиналась съ двухъ часовъ ночи, а въ походъ выступать не позже 6 или 7 часовъ утра; солдатамъ, слѣдовательно, приходилось спать ночью не болѣе 3¹/₂ часовъ, а большую часть ночи заниматься навьючкой верблюдовъ; затѣмъ, выступать въ походъ въ совершенной тем-

---

*) Подтвержденіе этого довелось слышать П. И. Бартевѣ отъ покойнаго Дала и отъ А. М. Жемчужникова, передававшего это со словъ своего дяди, В. А. Перовскаго.

ночь (такъ какъ въ 6 и даже въ 7 часовъ утра въ Ноябрь и Декабрь, какъ извѣстно, совсѣмъ темно) и, вдобавокъ, усталыми уже и измученными, и идти въ потьмахъ, до наступленія разсвѣта, болѣе часу... Вслѣдствіе этихъ порядковъ, въ колоннѣ генерала Цюлковскаго начались сильныя заболѣванія нижнихъ чиновъ, а затѣмъ появилась и смертность, такъ что въ одной его колоннѣ умирало въ день, почти столько же, сколько во всѣхъ остальныхъ трехъ колоннахъ. У него же въ колоннѣ, у перваго, начали падать верблюды... Усиленный падежъ верблюдовъ совпалъ какъ разъ съ смертною казнью зырянина, и все это, взятое вмѣстѣ, съ присоединеніемъ ежедневныхъ рассказовъ о звѣрствѣ и жестокостяхъ генерала Цюлковскаго, породило усиленный «говоръ» въ отрядѣ, что «этотъ полякъ отравливаетъ верблюдовъ»... что онъ, будто бы, посылаетъ, по ночамъ, своего деньщика, поляка же Евтихія Сувчинскаго (вышедшаго впоследствии въ люди), разбрасывать около лежащихъ верблюдовъ отравленные хлѣбныя пилюли... Это тяжкое обвиненіе, по нашему глубокому убѣжденію, едва-ли справедливо. Генерала Цюлковскаго можно было обвинять въ другихъ преступленіяхъ, не менѣе, пожалуй, серьезныхъ, но только не въ отравленіи верблюдовъ: управляя, напимѣръ, Башкирами, онъ сильно притѣснялъ ихъ и наживался на ихъ счетъ, вызывая противу себя постоянный ропоть и жалобы этихъ полудикихъ и довольно терпѣ-

ливыхъ людей; незадолго до похода, онъ пріобрѣлъ, за безцѣноу, у тѣхъ же Башкиръ прекрасный участокъ земли, гдѣ и устроился помѣщикомъ; теперь, во время похода, онъ умысленно изнурялъ людей своего отряда, доводя ихъ, прямо, до повальной смертности; при тѣлесныхъ наказаніяхъ, онъ часто наказывалъ солдатъ такъ жестоко, что они обыкновенно долго хворали въ походномъ лазаретѣ послѣ наказанія; онъ особенно мучилъ и истязалъ заслуженныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, имѣвшихъ извѣстный серебряный крестъ за взятіе Варшавы; когда началась гибель отряда, то генералъ Цюлковскій былъ единственнымъ человѣкомъ, не умѣвшимъ или не желавшимъ скрыть своего злорадства... Но обвинять этого ужаснаго человѣка въ отравленіи верблюдовъ, это, пожалуй, возможно было тогда, 60 лѣтъ назадъ, при той всеобщей ненависти, какую питали къ Цюлковскому въ отрядѣ, но не теперь, когда забытъ и этотъ несчастный походъ, и когда почти всѣ его участники спятъ непробуднымъ сномъ въ могилахъ.

Генералъ Цюлковскій отлочно, повидимому, зналъ о той ненависти, какую питаютъ къ нему солдаты всего отряда вообще, а его колонны въ особенности. Съ наступленіемъ сумерокъ, онъ почти никогда не выходилъ изъ своей кибитки, а если и случалось, то въ сопровожденіи ординарца и вѣстового: онъ, видимо, боялся нападенія; кибитку его всю ночь сторо-

жили двое часовыхъ, изъ числа лично ему извѣстныхъ и имъ избираемыхъ солдатъ. Онъ особенно сталъ остороженъ послѣ одной безчеловѣчной расправы, учиненной имъ подѣ самую уже Эмбою, надѣ заслуженнымъ фельдфебелемъ Есыревымъ. Дѣло это (какъ изложено оно въ имѣющихся у меня отрывочныхъ запискахъ Г. Н. Зеленина) происходило такъ. Однажды, въ половинѣ Декабря, когда отрядъ былъ уже подѣ Эмбою, въ 6 часовъ утра, въ полной еще темнотѣ, генераль-майоръ Цюлковскій обходилъ свою колонну въ сопровожденіи своего адъютанта и ординарца. Вьючка верблюдовъ, начавшаяся, какъ и всегда, съ двухъ часовъ, почти уже кончалась, и всѣ кибитки и джуламейки были затючены (упакованы въ тюки); лишь одна чья-то незатюченная джуламейка стояла въ сторонѣ... Едва увидѣлъ ее генераль Цюлковскій, какъ громко закричалъ:

— Чья это джуламейка? Какого быдла (скота)?!

Оказалось, что неубранная джуламейка принадлежала фельдфебелю Есыреву, который самъ находился при навьючкѣ верблюдовъ, въ аріергардѣ, чтобы приглядывать тамъ за порядкомъ и торопить дѣло навьючиванія съ такимъ расчетомъ, дабы, по введенному начальникомъ колонны порядку, выступить съ ночлега въ 6 часовъ. Но Есырева задержало въ аріергардѣ что-то неожиданное, а находящійся при немъ вѣстовой не распорядился почему-то убирать джуламейку безъ хозяина; и вотъ, желая успѣть въ

одномъ мѣстѣ и избавиться отъ наказанія за опозданіе при выступленіи, Есыревъ проштрафился въ другомъ... Ціолковскій приказалъ немедленно найти виновнаго и привести его предъ свои очи.

— Какъ ты смѣлъ оставить свою джуламейку не навьюченною, когда, давнымъ-давно, навьючена даже моя?! — накинулся начальникъ колонны на несчастнаго фельдфебеля, едва тотъ появился предъ нимъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство! Я не виноватъ: я находился въ арьергардѣ, при навьючкѣ тюбовъ... сегодня въ ночь пало шесть верблюдовъ; надо было разобрать тюби и...

— Ты еще смѣешь разеуждать, каналья! Не исполнять моихъ приказаній и оправдываться!.. Нагаежь!!.— съ пѣной у рта, тряся нижнею челюстью, закричалъ Ціолковскій...

Тотчасъ явились казаки, раздѣли заслуженнаго, отбывшаго нѣсколько кампаній фельдфебеля Есырева почти до-нага, несмотря на 35-ти-градусный морозъ, оставивъ его, буквально, въ одной рубашкѣ, положили на шинель, взяли за руки и за ноги, и началось истязаніе... Генераль Ціолковскій закурилъ сигару и сталъ ходить взадъ и впередъ... Когда два рослыхъ Оренбургскихъ казака, хлеставшіе несчастнаго съ обѣихъ сторонъ толстыми, лошадиными нагайками, видимо измучились, то «человѣкъ-звѣрь» приказалъ смѣнить ихъ новыми палачами по-неводѣ... Вся рубашка Есырева была исполосована въ клѣчья,

взмокла и побагровѣла отъ крови, а его все еще хлестали... Стала отлетать на свѣтъ, мелкими кусками, кожа несчастнаго мученика, а его продолжали истязать... Наконецъ, несмотря на свое крѣпкое, почти атлетическое тѣлосложеніе, Есыревъ совсѣмъ пересталъ даже вздрагивать тѣломъ и кричать, а сталъ лишь медленно зѣвать, какъ зѣваютъ иногда умирающіе... Взглядъ его большихъ голубыхъ глазъ совсѣмъ потухъ, и они какъ бы выкатились изъ орбитъ... Прогуливаясь вблизи казни, чтобы, стоя на мѣстѣ, не озябнуть, Ціолковскій случайно взглянулъ въ это время на Есырева—и приказалъ прекратить наказаніе. Несчастнаго, едва дышащаго фельдфебеля, прикрыли снятою съ него, ранѣе, одеждой и отнесли замертво въ походный лазаретъ, на той шинели, на которой онъ лежалъ во время истязанія... По запискамъ подполковника Зеленина, Есыреву было дано болѣе 250 нагаекъ; между тѣмъ, какъ за самыя тяжкія уголовныя преступленія (напр., за отцеубійство) суровые законы того времени присуждали виновныхъ лишь къ 101 удару кнутомъ. Фельдфебель Степанъ Есыревъ поступилъ въ службу изъ мѣщанъ города Углича, служилъ, затѣмъ, въ войскахъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, участвовалъ въ штурмѣ Варшавы и былъ произведенъ за это въ унтеръ-офицеры; при укомплектованіи, передъ Хивинскимъ походомъ, Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, Есыревъ, въ числѣ лучшихъ унтеръ-офицеровъ, былъ

переведенъ въ 5-й линейный баталіонъ, расположенный въ г. Верхнеуральскѣ и тамъ назначенъ фельдфебелемъ; «ростомъ былъ очень высокій, бравый и дородный мужъ» (по запискамъ Г. Н. Зеленина).

Ко всеобщему изумленію, фельдфебель Есыревъ остался живъ; онъ пролежалъ лишь болѣе шести недѣль въ лазаретѣ. На его счастье, отрядъ былъ, въ это время, въ нѣсколькихъ всего переходахъ отъ Эмбенскаго укрѣпленія; по прибытіи туда, несчастнаго положили въ настоящій уже лазаретъ, въ теплыя комнаты, и тамъ, благодаря хорошему уходу и всеобщей заботливости о немъ, а главное, благодаря своему атлетическому тѣлосложенію, Есыревъ избѣжалъ смерти, отдѣлавшись лишь утратою, навсегда, своего богатырскаго здоровья.

Послѣ страшнаго наказанія Есырева, ропотъ въ отрядѣ вообще, а въ колоннѣ Цюлковскаго въ особенности, настолько усилился, что сталъ громкимъ и почти открытымъ; солдаты, не скрываясь, говорили: «первая пуля ему», т. е. въ первомъ дѣлѣ съ неприятелемъ Цюлковскій долженъ быть застрѣленъ, какъ бы во время сраженія... Когда узналъ обо всемъ этомъ генераль Перовскій, то рѣшилъ, наконецъ, смѣстить этого варвара, и начальникомъ 1-й колонны былъ назначенъ полковникъ Гекке, состоявшій чиновникомъ особыхъ порученій въ походномъ штабѣ Перовскаго.

VI.

Положеніе въ отрядѣ военныхъ топографовъ.—Ночныя страданія отъ морозовъ.—Практическій совѣтъ Киргиза.—Появленіе скорбута.—Въ солдатской джуламейкѣ.—Какъ раздавали нижнимъ чинамъ спиртъ и топливо.—Прибытіе отряда на Эмбу.—Устройство понтонныхъ мостовъ на сухомъ пути

Для предполагавшихся военно-топографическихъ съемокъ мѣстности по дорогѣ въ Хиву и самой Хивы, въ отрядѣ, въ каждой изъ четырехъ колоннъ, находились топографы, подъ командою особо назначенныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, подъ общимъ начальствомъ капитана генеральнаго же штаба Рейхенберга. На каждого офицера и двухъ топографовъ унтеръ-офицерскаго званія полагалась особая джуламейка, деньщикъ, 2 верблюда съ особымъ при нихъ Киргизомъ и 2 лошади; а такъ какъ Киргизъ ничего, кромѣ верблюдовъ, не хотѣлъ знать, а деньщикъ зналъ лишь своего барина, то на долю молодыхъ людей, поступившихъ въ топографы по больше части изъ дворянскихъ дѣтей Оренбургской губерніи (чтобы избѣжать службы въ линейныхъ баталіонахъ), выпадали не только обычные труды по ихъ специальному дѣлу, но и тяжелые физическія—по уборкѣ джуламейки, разведенію огня, и проч.; а чтобы убрать джуламейку или поставить ее, необходимо снять или поднять вверхъ главную кошму, а эта работа была подъ силу лишь четыремъ взрослымъ человѣкамъ, а не тѣмъ юнбе-

рамъ, почти дѣтямъ, на которыхъ выпадало это занятіе. Специальные же труды топографовъ, во все время этого неудачнаго похода, ограничились выборомъ мѣстъ для ночлеговъ, затѣмъ разстановкою жалонеровъ и указаніемъ каждой отдѣльной части ея мѣста въ каре. Офицеры, обыкновенно, выбирали лишь мѣсто для ночлега колонны; разстановка же жалонеровъ и распредѣленіе отдѣльныхъ частей по ихъ мѣстамъ—все это лежало на обязанностяхъ молодыхъ людей, такъ что по приходѣ колонны на мѣсто, имъ надо было работать еще болѣе часа, пока, наконецъ, всѣ части и верблюды, перепутавшіеся походомъ, займутъ свои мѣста. При этомъ, всѣ недовольные своими мѣстами, т. е. понавшіе подъ вѣтеръ, вымещали, обыкновенно, свое зло на молодыхъ топографахъ, ругая ихъ, прямо въ глаза, неприличными словами; особенно грубостью въ этихъ случаяхъ выдавались казачьи офицеры, мало отличавшіеся, по своему образованію, отъ простыхъ казаковъ.

Этими трудами и ограничились всѣ занятія ученыхъ топографовъ въ экспедиціонномъ отрядѣ, такъ какъ съемоку дѣлать имъ не пришлось: мѣстность до Эмбы и до Акъ-Булака была, какъ сказано выше, изслѣдована еще лѣтомъ, полковникомъ Гекке, а дальше Акъ-Булака или Чушка-Кюля, отряду не суждено было двинуться...

Въ находящихся у меня запискахъ Г. Н. Зеленина, имѣвшаго въ то время всего 19 лѣтъ, страда-

нiя молодыхъ топографовъ изложены такъ правдиво и естественно, что я позволяю себѣ здѣсь нѣсколько остановиться.

Разставивъ колонну на ночлегъ, измучившись и наслушавшись вдоволь ругательства и оскорбленiй, молодые люди приходили, наконецъ, къ своей джуламейкѣ и принимались за устройство для себя ночлега, такъ какъ ихъ начальникъ и компанiонъ по джуламейкѣ, офицеръ, уходилъ, обыкновенно, на вечеръ ночевать къ кому-нибудь изъ знакомыхъ офицеровъ, у которыхъ давно уже раскинута была кибитка. Топографы разгребали прежде всего снѣгъ и кое-какъ ставили джуламейку. Складныхъ желѣзныхъ кроватей, заведенныхъ для похода, по настоянiю генерала Перовскаго, рѣшительно всѣми офицерами *), у молодыхъ людей не было, и имъ приходилось спать прямо на снѣгу, подставлявъ лишь подъ себя коншмы, спать не раздѣваясь, во всей той одеждѣ и обуви, въ которыхъ они шли походомъ, днемъ; у нихъ даже «силы не хватало, чтобы очистить снѣгъ до земли, потому что изнемогали отъ усталости, а снѣгу было нанесено много». Кое-какъ кипятили воду и устраивали чай; затѣмъ, спѣшили улечься на отдыхъ, накрываясь сверху савсачьимъ тулупомъ. Но морозъ

---

*) Предполагалось, конечно, быть въ Хивѣ и возвращаться изъ нея лѣтомъ, когда въ степи кишатъ скорпионы и тарантулы, гораздо легче могущiе укусыть людей, спящихъ на полу, чѣмъ на кроватяхъ.

бралъ свое, и ноги, обутыя въ теплыя чулки, кошечныя (войлочныя) валенки и, затѣмъ, въ кожаные сапоги для удобства ходьбы дорогою, все-таки забыли ночью такъ сильно, особенно въ морозы болѣе 30°, что приходилось вскакивать съ постели и бѣгать вокругъ джуламейки, чтобы разогрѣть ихъ; это нужно было продѣлывать въ продолженіе ночи нѣсколько разъ. То же самое дѣлали и остальные топографы и все офицеры, такъ что ко многимъ другимъ лишениямъ и страданіямъ похода прибавлялась еще и бессонница. Иногда, въ джуламейку молодыхъ топографовъ приходилъ почевать деньщикъ начальствовавшего надъ ними офицера и Киргизъ, приставленный къ ихъ верблюдамъ. Молодыхъ людей сильно удивляло то обстоятельство, что Киргизъ спитъ мертвымъ сномъ всю ночь и ни разу не вскочитъ погрѣться, хотя спитъ въ однихъ сукованныхъ онучахъ и одѣтъ, вообще, менѣе тепло, чѣмъ они. Рѣшили спросить объ этомъ Киргиза. Тотъ разсмѣялся, да и говоритъ:

— У васъ всегда будутъ ноги забнута .

— Да почему же это?—сталъ спрашивать Георгій Николаевичъ.

— Вотъ почему, — отвѣчалъ Киргизъ. — Если вы не будете снимать съ ногъ, на ночь, кожаные сапоги, то вамъ не будетъ тепло: сапоги ваши днемъ, во время похода, промерзаютъ насквозь, отъ нихъ и ногамъ холодно; а вы оставайтесь на ночь въ однихъ войлочныхъ сапогахъ, будете спать вѣрно и спокойно.

Въ слѣдующую же ночь топографы исполнили совѣтъ Киргиза, сняли кожаные сапоги, а ноги, обутыя въ кошемные, мягкіе сапоги окутали шубой и крѣпко проспали всю ночь, и ноги у нихъ не озябли. О своемъ открытіи молодые люди сообщили Рейхенбергу, и тотъ сталъ дѣлать то же самое.

Болѣе всѣхъ страдали ночью отъ кожаной обуви солдаты, которымъ воспрещалось разуваться въ предположеніи тревоги: намучившись отъ ходьбы по снѣговой пустынѣ, солдаты засыпали крѣпкимъ сномъ, а на утро оказывалось, что у нихъ были озноблены ноги... Начинался скорбуть, появлялись на ногахъ раны, а затѣмъ ноги сводило, и въ концѣ-концовъ, отъ изнуренія, постояннаго холода и нахожденія въ лазаретномъ сквозномъ фургонѣ, больные умирали... Большая часть солдатъ своднаго дивизіона Уфимскаго полка погибли именно такимъ образомъ. «Только Всевышній Создатель, располагающій жизнью человека, не допустилъ насъ до гибели! Вѣроятно, отцы и матери наши усердно молились въ это время за наше спасеніе!..» говоритъ Георгій Николаевичъ Зеленинъ въ томъ мѣстѣ своихъ записокъ, гдѣ приводятся бѣдствія отряда отъ стужи, во время ночлеговъ.

Бѣлья солдаты не мѣняли вовсе; и вотъ, если имъ удавалось достать гдѣ-нибудь хоть немножко топлива, то огонь обыкновенно разводили въ серединѣ джумайки. Обсадутъ солдаты, на корточкахъ, вокругъ

огня, и когда онъ разгорится, то начинаютъ одинъ по одному снимать съ себя сорочки и держать ихъ передъ пыломъ, поворачивая во все стороны; когда огонь порядочно нагрѣетъ рубашку, то ее слегка потряхиваютъ, и въ это время въ костеръ сыплются наськомые, производя весьма своеобразный трескъ и запахъ... А въ это же время, на огнѣ стоятъ солдатскіе котелки, манерки, а у кого и чайники, и снѣгъ превращается въ горячую воду, въ которой размачиваются куски закорузлыхъ и затхлыхъ черныхъ сухарей, замѣняющихъ иногда и обѣдъ, и ужинъ.

А вотъ, на примѣръ, какъ раздавали солдатамъ отряда порціи «спирту». Когда фельдфебель получить его на роту, то сначала отнесетъ его къ ротному командиру, который отольетъ себѣ часть цѣльнаго спирта и подѣлитъ имъ съ субалтернъ-офицерами; затѣмъ, фельдфебель приказываетъ принести этотъ спиртъ въ свою джуламейку, отдѣлитъ часть себѣ, а также и всемъ капральнымъ унтеръ-офицерамъ; потомъ уже позоветъ артельщика, тотъ разбавитъ оставшееся количество спирта теплою водою и эту смѣсь выдаютъ каждому солдату «по чаргѣ».

Точно также дѣлилось и топливо, добываемое за Бишъ-Тамакомъ исключительно солдатскими руками, изъ мерзлой земли. Вырытые корни степныхъ травъ попадали, какъ и спиртъ, сначала къ начальству, а затѣмъ уже въ джуламейки солдатиковъ. Когда въ воскресные и праздничные дни раздавали на роты

мясо и приказывали солдатамъ готовить себѣ горячую пищу, то котель не могъ вскипѣть болѣе одного, много двухъ разъ; мясо не уваривалось, и въ такомъ полусыромъ видѣ поглощалось солдатскими желудками... Появилась дизентерія... заболѣвающе отправлялись въ ледяные фургоны, а оттуда въ землю.

Вотъ такимъ-то порядкомъ, въ декабрѣ 1839 г., шель несчастный отрядъ русскихъ войскъ по безконечной стени, въ тридцати-градусные морозы, среди леденящихъ бурановъ, по колѣно въ снѣгу, безъ теплой одежды и горячей пищи, оставляя за собою роковой страшный слѣдъ—въ видѣ невысокихъ снѣговыхъ холмовъ-могилъ надъ умершими людьми и круглыхъ горокъ нанесеннаго метелями снѣга надъ навшими верблюдами!..

19-го декабря отрядъ достигъ, наконецъ, Эмбенскаго укрѣпленія, употребивъ на этотъ переходъ (отъ Оренбурга до Эмбы) 34 дня. Между тѣмъ рассчитывали, что это пространство, около 500 верстъ, будетъ пройдено не болѣе, какъ дней въ 15-ть!

Какой страдальческій и, по истинѣ, героическій былъ этотъ переходъ, можно судить уже по одному тому, что изъ всѣхъ 34-хъ дней похода до Эмбы было лишь 15-ть безъ бурановъ и только 13 дней, когда морозъ былъ ниже 20°. Обиліе же снѣга было такъ велико, что положительно всѣ овраги, даже са-

мые глубокіе, были занесены имъ до верху, такъ что приходилось употреблять самыя невѣроятныя усилія, чтобы перевести черезъ такіе овраги тысячи верблюдовъ и лошадей съ ихъ выюбами и колесными фурами... А чтобы переправлять черезъ эти снѣговья бездны пушки, приходилось накладывать поперхъ снѣга понтонныя мосты и по нимъ уже перевозить орудія...

VII.

Положеніе генерала В. А. Перовскаго во время похода.—Дѣйствія Хивинскаго хана Алла-Кула и высланный имъ двухъ-тысячный отрядъ Туркменъ-Юмудовъ.—Неудачная атака Хивинцами Чушка-Кульскаго укрѣпленія.—Убіенство нашего почтальона-Киргиза.—Гибель Хивинцевъ отъ морозовъ и буряновъ.—Отдыхъ отряда въ Эмбенскомъ укрѣпленіи.—Отчаяніе главноначальствующаго.—Разговоръ солдатъ, спасшіи генерала Перовскаго.—Дѣль партіи въ отрядѣ.—Приказъ о сформированіи особой колонны и о выступленіи на Чушка-Куль.—Прібытіе на Эмбѣ султана Айчувакова.

Страдали въ отрядѣ всѣ, конечно. Но былъ въ немъ одинъ человекъ, страданія котораго были гораздо болѣе мучительны: это былъ главный начальникъ всей экспедиціи генераль-адъютантъ В. А. Перовскій... Онъ хорошо зналъ и понималъ, что вся неудача похода ляжетъ на него одного; что не любившій его военный министръ поставитъ ему на видъ и на счетъ все: и гибель людей, и потраченныя на походъ крупныя суммы денегъ, и ту потерю послѣдняго вліянія нашего въ Хивѣ, которое могло суще-

ствовать до этого несчастнаго предпріятія... Были и другія опасенія и мысли, увеличивавшія страданія Перовскаго: онъ помнилъ, что взялъ экспедицію предъ Государемъ на свою личную отвѣтственность... Нечего и говорить, конечно, что его могло мучить и оскорбленное самолюбіе, и то злорадство, которое онъ сталъ уже замѣчать здѣсь, въ стени, со стороны, напримѣръ, генерала Цюлковскаго, выражавшагося въ кругу своихъ приближенныхъ прямо словами бани, что синица-де моря не зажгла...

До похода на Хиву, губернаторъ Перовскій прослужилъ въ Оренбургѣ шесть лѣтъ, и за это время его успѣли узнать близко и хорошо. Всѣ увидѣли, что подъ наружною суровостью и холоднымъ, какъ бы отталкивающимъ взглядомъ таилась добрая душа человѣка, не утратившаго еще вѣру въ людей, способнаго любить ихъ и довѣрять имъ. Имѣя обширныя полномочія и права командира отдѣльнаго корпуса въ военное время, В. А. Перовскій крайне неохотно предавалъ суду служащихъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновниковъ, и положительно отказывался утверждать смертныя приговоры, къ которымъ присуждали иногда солдаты полевые военные суды *).

---

*) Исключеніемъ было лишь одно дѣло—объ убійствѣ тремя нижними чинами, съ цѣлью ограбленія, коменданта Орской крѣпости полковника Недоброва; всѣ трое убійцъ были приговорены полевымъ военнымъ судомъ къ смертной казни; Перов-

Изъ Оренбурга, генераль-адъютантъ Перовскій выѣхалъ въ походъ при 4-й колоннѣ, верхомъ. Всѣ полагали тогда, что онъ пересядетъ вскорѣ же въ свой экипажъ, слѣдовавшій за колонною. Но вышло иначе. Отъ самаго Оренбурга вплоть до Эмбы, на разстояніи 500 верстъ, главноначальствующій ѣхалъ верхомъ, выступая съ колонною одновременно, когда начинало разсвѣтать, и слѣзая съ коня лишь тогда, когда останавливалась и колонна на привалахъ и ночлегахъ. Въ утреннемъ полусвѣтѣ часто видѣли генерала верхомъ на бѣлой, а иногда на сѣрой лошади, ѣдущаго позади колонны, шагомъ, съ опущенною, по привычѣ, головою на грудь... Въ 11 часовъ, ежедневно, генераль Перовскій начиналъ объѣзжать всѣ колонны, здороваясь, на походѣ, съ людьми и оглядывая ихъ; въ этихъ объѣздахъ его сопровождалъ лишь одинъ казакъ. Линія отряда, состоявшая изъ 4-хъ колоннъ, растягивалась, обыкновенно, на 8 и болѣе верстъ; тѣмъ не менѣе, несмотря ни на какую погоду и морозъ, главноначальствующій объѣзжалъ всю эту линію два раза—отъ 4-й колонны до 1-й и обратно. Часто, ночью, главноначальствующій самъ повѣрялъ исправность цѣпи и бдительность часовыхъ, особенно съ того времени, когда узнали, что въ степи рекогносцируетъ двухъ-

---

скій утвердилъ этотъ приговоръ, и виновные были разстрѣляны. одинъ въ Оренбургѣ, другой въ Орскѣ и третій въ Верхнеуральскѣ

тысячный конный отрядъ Хивинцевъ. Однажды, въ ночь подъ 22 Декабря, на Эмбѣ, генераль едва не былъ заколотъ часовымъ: ему какъ-то удалось, въ одиночку, проѣхать за цѣпь, обманувъ бдительность часового въ одномъ мѣстѣ; но когда онъ возвращался обратно, былъ замѣченъ и желалъ проѣхать чрезъ цѣпь насильно, то часовой, послѣ троекратнаго приказанія «стой!» взмахнулъ уже штыкомъ, и только во время произнесенный пароль спасъ Перовскаго отъ новой раны. Когда начались бѣдствія отряда и стали, затѣмъ, прогрессивно увеличиваться, генераль-адъютантъ Перовскій сталъ рѣже и рѣже объѣзжать колонны; его красивая голова стала, какъ казалось всѣмъ, опускаться все ниже и ниже, а взглядъ становился еще болѣе суровымъ и строгимъ... Такимъ образомъ, не слѣзая съ коня, доѣхалъ главный начальникъ экспедиціи до Эмбы; но затѣмъ, въ дальнѣйшемъ походѣ отряда, его никто не видѣлъ на лошади: онъ ѣхалъ въ зимнемъ возкѣ, видимо сталъ избѣгать встрѣчъ съ людьми и всячески старался быть незамѣченнымъ...

Когда отрядъ пришелъ въ Эмбенское укрѣпленіе, то здѣсь узнали, что Хивинскій ханъ Алла-Куль, освѣдомившись отъ своихъ подданныхъ, занимавшихся торговлею въ Оренбургѣ, что Русскіе собираются идти на Хиву и выстроили уже для этой цѣли, по

дорогѣ на Усть-Уртѣ, два укрѣпленія, отобралъ болѣе двухъ тысячъ испытанныхъ и крѣпкихъ джигитовъ (батырей) изъ племени Туркмень-Томудовъ, и велѣлъ имъ ѣхать на самыхъ лучшихъ лошадяхъ, а грузнымъ всадникамъ о-двуконь, безъ всякихъ запасовъ, даже безъ джуламеекъ, ѣхать быстро и не останавливаясь, стараясь достигнуть какъ можно скорѣе до русскихъ укрѣпленій, пока не подошелъ къ нимъ главный отрядъ, идущій съ Перовскимъ изъ Оренбурга; взять, пользуясь малочисленностью гарнизоновъ, оба укрѣпленія (Чушка-Кульское и Эмбенское), перебить всѣхъ русскихъ до послѣдняго человѣка, а ихъ отрѣзанныя головы, въ видѣ трофеевъ, выслать въ Хиву; затѣмъ, идти на встрѣчу главному отряду, слѣдовать по его пятамъ, безпокоя людей днемъ и ночью и, если можно, сдѣлать на него, въ самую темную и бурную ночь, отчаяннѣйшее нападеніе въ рукопашную. Начальствовать этимъ отборнымъ отрядомъ вызвался самъ Кушъ-Беги (военный министр), который пообѣщалъ хану привести въ Хиву людей обоихъ гарнизоновъ (изъ Чушка-Куля и Эмбы) живьемъ, для смертныхъ казней въ самой Хивѣ.

Хивинцы могли исполнить только начало этого грознаго приказа. Они быстро добрались до перваго, стоявшаго на ихъ пути, Чушка-Кульскаго укрѣпленія. 18-го декабря напали на него, но были самымъ позорнымъ образомъ отбиты и прогнаны, потерявъ болѣе десяти человѣкъ убитыми, трупы которыхъ

такъ и лежали подъ укрѣпленіемъ на снѣгу всю зиму. Въ укрѣпленіи, въ это время, было на лицо: здоровыхъ 130 человекъ и больныхъ 164 человекъ, которые тоже взялись кое-какъ за оружіе. Команду принялъ на себя горный инженеръ Ковалевскій, случайно поавшій за три дня передъ этимъ въ Чушка-Куль и оказавшійся старшимъ въ чинѣ; помощникомъ его былъ поручикъ Гернгросъ. Хивинцы дѣлали четыре отчаянныя атаки и были отбиты единственно при помощи пушекъ: громъ выстрѣловъ и свистящая картечь производили въ ихъ рядахъ паническій страхъ, котораго они не могли преодолѣть, несмотря на всю свою храбрость. Ружей они не особенно боялись, такъ какъ имѣли и свои фитильныя, стрѣлявшія съ подставокъ, которыя, однако, попадали иногда довольно далеко и мѣтко. Отбитые отъ Чушка-Куля, Хивинцы направились на Эмбенское укрѣпленіе. По дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Акъ-Булака, они встрѣтили нашего Киргиза, ѣхавшаго съ почтой изъ Эмбы въ Чушка-Куль; на этомъ несчастномъ своемъ единовѣрцѣ разбойники и выместили всю злобу: обыскавъ его, они нашли пакеты съ печатами... улыка, слѣдовательно, была на лицо... Узнано было впоследствии, отъ нашихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы и потомъ въ самой Хивѣ *), что Киргиза этого Хивинцы подвергли са-

*) Въ 1842 году было отправлено изъ Оренбурга въ Хиву особаго рода посольство съ полковникомъ Данилевскимъ во

мымъ ужаснымъ истязаніямъ и мукамъ и, въ концѣ, разрубили его пополамъ, поперекъ живота, и поставили въ снѣгу съ двухъ сторонъ степной тропы, такъ что ноги съ половиною живота стояли и замерзли въ снѣгу особо, а верхняя часть туловища вкопана въ снѣгу отдѣльно; ротъ несчастнаго былъ набитъ мелкими кусочками изорванныхъ бумагъ везенной почты и сургучными печатами отъ конвертовъ...

Эта конная партія Хивинцевъ имѣла съ нашими войсками, позже, еще одно дѣло, о которомъ будетъ говорено ниже; теперь же слѣдуетъ сказать, что домой въ Хиву, въ свои аулы, изъ этихъ двухъ тысячъ отборныхъ всадниковъ вернулось лишь 700 съ чѣмъ-то человекъ: всѣ остальные погибли въ степи, между Чушка-Кулемъ и Эмбенскимъ укрѣпленіемъ и на Усть-Уртѣ отъ страшныхъ въ ту зиму морозовъ и частыхъ бурановъ; гибли, также, отъ изнуренія, вслѣдствіе отсутствія пищи, а главное потому, что не взяли съ собою джуламеекъ, могущихъ защитить ихъ, хотя отчасти, отъ морозовъ и степныхъ мятелей: ханъ такъ торопилъ ихъ выступленіемъ и маршемъ, что не позволилъ взять даже верблюдовъ, на

главѣ; и вотъ тогда-то, живя цѣлое лѣто въ Хивѣ, наши офицеры и узнали приводимыя въ настоящей статьѣ подробности о событіяхъ 1839 года, поскольку эти событія касались Хивинцевъ и неудачныхъ дѣйствій ихъ двухъ-тысячнаго коннаго отряда. Обо всемъ этомъ рассказывалъ офицерамъ нѣкто Сергѣй-Ага, бывший фейерверкеръ, дезертиръ съ Кавказа, очень любимый ханомъ.

которых можно бы было навьючить эти джуламейки. Необыкновенная суровость зимы 1839—40 года сохранилась въ памяти у Хивинцевъ надолго: Сергѣй-Ага рассказывалъ, въ 1842 году, нашимъ офицерамъ, что въ Хивинскихъ оазисахъ померзли въ ту зиму корни виноградныхъ лозъ, а въ самой Хивѣ погибли рѣшительно всѣ молодые телята и ягнята и даже часть новорожденныхъ верблюжатъ.

Эмбенское укрѣпленіе, куда пришелъ 19-го декабря несчастный экспедиціонный отрядъ, было построено на правой сторонѣ рѣчки Аты-Якли, не вдалекѣ отъ ея впаденія въ Эмбу; кругомъ, на далекое разстояніе была плоская равнина. И вотъ, на этой-то равнинѣ, вблизи самаго укрѣпленія, и расположились въ раскинутыхъ джуламейкахъ всѣ четыре колонны. Больныхъ изъ всѣхъ колоннъ тотчасъ же положили въ Эмбенскій госпиталь, устроенный въ теплыхъ и хорошо освѣщаемыхъ землянкахъ изъ воздушнаго кирпича *), и они стали понемногу поправляться. Гарнизонъ жилъ тоже въ хорошо устроенныхъ землянкахъ, освѣщаемыхъ сверху, гдѣ горизонтально, наравнѣ почти съ крышею, лежали оконныя рамы. Въ такихъ точно землянкахъ помѣща-

*) Изъ такого воздушнаго кирпича (смѣсь глины, земли и навоза) строятся иногда въ Оренбургской губерніи, за неимѣніемъ лѣса, крестьянскія избы.

лись въ укрѣпленіи солдатскія кухни и хлѣбопекарни; пришедшіе солдаты, съ особымъ удовольствіемъ, лакомились теперь печенымъ чернымъ хлѣбомъ, котораго не пробовали болѣе мѣсяца... Всѣ нижніе чины всѣхъ четырехъ колоннъ ходили, чередуясь, обѣдать и ужинать на кухни, въ теплыя землянки, и тутъ два раза въ день вполне отогрѣвались. Уцѣлѣвшія лошади и верблюды тоже вздохнули здѣсь свободно; такъ какъ сѣна и овса заготовлено было здѣсь въ достаточномъ количествѣ, то лошадямъ стали отпускать по 4 гарнца овса въ день и по 10 фунтовъ сѣна; верблюдамъ, тоже, давали сѣна и бурьяну вдоволь, и они, какъ и лошади же, стали отдыхать и поправляться. Отрядъ простоялъ, такимъ образомъ, въ Эмбенскомъ укрѣпленіи болѣе двухъ недѣль, отдыхая и собираясь съ силами для дальнѣйшаго похода—впередъ или назадъ, все равно: всѣ сознавали лишь одно, что, не будь на дорогѣ этого теплаго укрѣпленія съ его теплыми землянками, печенымъ хлѣбомъ и горячею пищею, погибъ бы въ этихъ снѣговыхъ пустыняхъ весь отрядъ, до послѣдняго человѣка...

Но главнокомандующій отрядомъ, генераль-адъютантъ Перовскій созналъ уже и въ душѣ рѣшилъ, что экспедиція не достигнетъ намѣченной ею цѣли, что она закончена; что идти впередъ и рассчитывать взять Хиву съ ничтожнымъ остаткомъ отряда немислимо, что можно лишь и должно идти назадъ...

Въ этому тяжелому рѣшенію генераль Перовскій пришель окончательное велѣдствіе сдѣланной, по приходѣ уже на Эмбу, рекогносцировки въ сторону Чушка-Кульскаго укрѣпленія. Предполагалось, что чѣмъ дальше къ Югу, тѣмъ снѣгу будетъ меньше; между тѣмъ оказалось, что снѣгъ въ сторону Чушка-Куля былъ также глубокъ, какъ и на пройденномъ пространствѣ. Это извѣстіе поразило, какъ громомъ, весь отрядъ и болѣе всего, конечно, опечалило генерала Перовскаго: онъ вдругъ сильно затосковалъ, осунулся и исхудалъ въ какіе-нибудь два-три дня до неузнаваемости, совсѣмъ пересталъ выходить изъ своей кибитки и не принималъ рѣшительно никого, кромѣ штабсъ-капитана Никифорова... Въ душѣ генераль-адъютантъ Перовскій сознавалъ, конечно, что онъ—главный виновникъ того факта, что экспедиція состоялась; что въ гибели нѣсколькихъ тысячъ людей виноватъ все-таки онъ, творецъ экспедиціи и главный руководитель всего этого несчастнаго похода... Онъ это сознавалъ—и въ слѣдствіе этого страшно мучился и страдалъ нравственно... Болѣе всего Перовскаго мучила мысль, что этотъ неудачный походъ и его имя стануть предметомъ насмѣшекъ всей Европы, что походъ «осрамилъ Россію», что отрядъ деморализованъ, что офицеры и солдаты упали духомъ, что всѣ его проклинаяють и ненавидяють... И вотъ, какъ только ему въ голову попали эти несчастныя мысли, въ душѣ его созрѣло какое-то роковое рѣшеніе: онъ,

подъ разными предлогами, пересталъ принимать пищу...

Но промыселъ Божій и тутъ пришелъ на помощь къ изнеможенному духомъ чловѣку — въ лицѣ легендарнаго чудо богатыря, Русскаго солдата. Однажды, поздно вечеромъ, выйдя изъ своей кибитки и проходя джуламейками 4-й колонны, онъ улышалъ въ одной изъ нихъ разговоръ о настоящемъ положеніи отряда и свое имя... Перовскій невольно остановился и сталъ прислушиваться... Говорилъ кто-то поучительнымъ, докторальнымъ тономъ: очевидно, ундеръ или, быть можетъ, самъ капраль...

— Все это не бѣда! (говорилъ голосъ): морозы стали полегче, бурановъ совѣмъ нѣтъ... кашница горячая есть. А вотъ, плохо: самъ-то онъ, орелъ-то нашъ черноокій, захирѣлъ... вотъ это, братцы, такъ бѣда!..

— Мы, вчерась, узнавали потихоньку (отвѣчаль, въ полголоса, другой солдатикъ): отъ пищи, сказываютъ, отсталъ—ни ѣсть, ни-пить ничего и никого до себя не допускаетъ...

— Да-а-а, вотъ это бѣда!.. повторилъ опять первый солдатъ, упавшимъ голосомъ, и громко вздохнулъ при этомъ:— Если *самъ* помретъ, пропадутъ тогда и наши головунки!..

Генералъ Перовскій, какъ онъ самъ передавалъ объ этомъ въ тотъ же вечеръ штабсъ-капитану Никифорову, набожно перекрестился три раза, и бодрый,

веселый, быстро направился въ свою кибитку... Здѣсь онъ тотчасъ же послалъ за Никифоровымъ... Когда тотъ пришелъ, генераль сталъ подробно разспрашивать его о положеніи отряда, а главное, о нравственномъ духѣ офицеровъ и солдатъ. Штабсъ-капитанъ Никифоровъ не скрылъ ничего и откровенно доложилъ главноначальствующему, что въ отрядѣ, среди офицеровъ, образовались, собственно, двѣ партіи: одна, во главѣ которой стоитъ генераль-маіоръ Цюлковскій, доказываетъ необходимость немедленнаго отступленія и срытія укрѣпленій; другая же партія, съ генераль-маіоромъ Молоствовымъ, напротивъ, указываетъ на то, что отрядъ прошелъ всего лишь одну треть пути, что возвратиться обратно въ Оренбургъ, ни съ чѣмъ, не изслѣдовавъ даже Усть-Урта— *«дѣло будетъ постыдное для русскаго человека»* и останется неизгладимымъ пятномъ въ исторіи походовъ русскіхъ войскъ... *«что нужно испытать все до послѣдней крайности, и если окажется, что идти дальше невозможно, тогда только возвратиться обратно»*...

Генераль Перовскій крѣпко поцѣловалъ Никифорова и передалъ ему разговоръ солдатъ въ джуламейѣ 4-й колонны. Затѣмъ, въ тотъ же вечеръ, былъ составленъ и отданъ по отряду приказъ о сформированіи «отдѣльной колонны», которая должна была отправиться къ Чушка-Кульскому укрѣпленію,

за 170 верстъ, и, дойдя туда, выслать отъ себя особую рекогносцировочную партію для выбора и изслѣдованія болѣе удобнаго подъема на Усть-Уртъ—и, затѣмъ, ожидать въ укрѣпленіи прибытія главноначальствующаго и дальнѣйшихъ, сообразно обстоятельствамъ, распоряженій.

На другой день весь отрядъ встрепенулся и зашевелился, и загудѣлъ, словно сильный рой пчелъ, согрѣтый лучами весенняго теплаго солнца... Честь отряда была спасена; всѣ бѣдствія похода забыты разомъ!..

Къ вечеру того же дня «явился въ отрядъ на поклонъ» родоначальникъ киргизовъ Назаровцевъ, султанъ Айчуваковъ, съ сотней Кайсаковъ, при нѣсколькихъ стахъ верблюдахъ, которые и были у него тутъ же наняты.

VIII.

Загадочная болѣзнь генерала Молоцова — Обострившіяся отношенія генераловъ Перовскаго и Цюлковскаго. — Отказъ Киргизовъ-верблюдовожатыхъ слѣдовать съ отрядамъ. — Разстрѣляніе трехъ Киргизовъ — Недобрый вѣсти изъ Чумка-Кульскаго укрѣпленія. — Отправка туда роты и сотни баязетовъ. — Нападеніе двухъ тысячъ конныхъ Хивинцевъ. — Барабанщикъ, спасшій отрядъ. — Вой съ Хивинцами. — Отбитые атаки. — Отступление Хивинцевъ. — Сожженіе нашего плѣннаго солдата. — Награды.

Въ то время, когда формированіе «отдѣльной колонны» *) подвигалось уже къ концу и опредѣленъ

*) Здѣсь слѣдуетъ оговориться, въ виду довольно крупнаго

былъ день ея выступленія, заболѣлъ, совершенно неожиданно и безпричинно, генераль-маіоръ Молоствовъ, назначенный начальникомъ этой колонны. Въ отрядѣ стали ходить весьма странные слухи о причинахъ внезапной болѣзни очень любимаго солдатами генерала... къ его болѣзни стали примѣшивать имя генераль-маіора Цюлковскаго. Но этому тяжкому обвиненію вѣрили лишь немногіе, и оно всего болѣе создано было, повидимому, тою ненавистью, которую питали въ отрядѣ къ этому ужасному человѣку. Известно было лишь одно, что генераль Молоствовъ заболѣлъ тотчасъ же, какъ только вернулся въ свою кибитку отъ генерала Цюлковскаго, у котораго онъ пилъ кофе.

Отношенія главноначальствующаго къ генераль-маіору Цюлковскому были, въ это время, крайне обострены: уволенный за звѣрское обращеніе съ нижними чинами отъ должности начальника 1-й колонны, Цюлковскій, понятно, питалъ въ душѣ большую злобу противъ генерала Перовскаго; а этотъ, въ свою очередь,

---

разнорѣчія, при опредѣленіи числа колоннъ, вышедшихъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія къ Чушка-Кулю. Въ однихъ официальныхъ сообщеніяхъ упоминается о *нѣсколькихъ* колоннахъ, въ другихъ говорится лишь о *двухъ* колоннахъ (генерала Цюлковскаго и полковника Гекке), въ запискахъ же у меня имѣющихся и въ частныхъ письмахъ говорится лишь *объ одной* колоннѣ, и это послѣднее сообщеніе является, повидимому, болѣе вѣроятнымъ и правдоподобнымъ, такъ какъ, разъ мысль идти на Хиву была оставлена, то не было сдѣлательно и надобности высылать изъ Эмбы къ Чушка Кулю, для изслѣдованія подъема на Усть-Уртъ, *нѣсколько* отрядовъ.

узнавъ отъ штабсъ-капитана Никифорова — какую «шартію» сформировалъ вокругъ себя въ отрядѣ главный генералъ, давшій совѣтъ идти въ Хиву зимою, не могъ, конечно, чувствовать къ нему за все это особой пріязни... Но случилось, однако, такъ, что, когда заболѣлъ Молоствовъ, старшимъ въ отрядѣ, послѣ генералъ-адъютанта Перовскаго, очутился генералъ-маіоръ Ціолковскій, такъ какъ генералъ-лейтенантъ Толмачевъ заболѣлъ еще раньше и ѣхалъ въ возкѣ, отъ самаго урочища Биншъ-Тамакъ, не владѣя простуженными ногами. Согласно принятымъ правиламъ, Ціолковскаго никакъ нельзя было обойти, тѣмъ болѣе теперь, когда, влѣдствіе неудачъ, главноначальствующій сознавалъ, что его престижъ въ Петербургѣ поколебленъ... И вотъ, скрѣпя сердце и подавляя свое личное неудовольствіе, Перовскій, приказомъ по отряду отъ 9-го января 1840 г., назначилъ начальникомъ «отдѣльной колонны» Ціолковскаго.

Второе непріятное обстоятельство случилось въ отрядѣ 31-го декабря, всего за день до выступленія отдѣльной колонны изъ Эмбенскаго укрѣпленія къ Чушка-Кудю. Ночью, нѣсколько десятковъ Киргизовъ, которые должны были идти съ этою колонною, сговорились и ушли тихонько изъ отряда въ степь, въ свои аулы, вмѣстѣ съ принадлежащими имъ верблюдами. Когда доложено было объ этомъ проишествіи главноначальствующему, онъ велѣлъ собрать

ближайшаго къ нему ослушника... Киргизъ пошелъ безъ всякаго сопротивленія: онъ лишь простился, по-киргизски, съ товарищами. Его поставили къ столбу и на-скоро привязали... Офицеръ командовалъ «пли!»—и Киргизъ былъ разстрѣлянъ. Живо разрѣзали веревки, и онъ упалъ въ яму...

— Слѣдующаго!—крикнулъ Перовскій.

Повторилась та же исторія съ другимъ Киргизомъ... Едва онъ кувырнулся въ яму, какъ генералъ крикнулъ вновь:

— Слѣдующаго!..

Разстрѣляли и третьяго Киргиза... Едва спустили его въ яму и стрѣлки зарядили вновь ружья, какъ вся тысячная масса Киргизовъ упала на колѣни и закричала: — Алла! Алла!. Пойдемъ, бачка, пойдемъ!

Они, оказалось послѣ, были вполне увѣрены, что генералъ Перовскій не имѣетъ права ихъ разстрѣлять и не можетъ этого сдѣлать; оттого у нихъ и была такая самоувѣренность и рѣшимость уйти и бросить отрядъ.

Генералъ Перовскій, прекративъ экзекуцію, приказалъ сказать имъ, что если кто-нибудь изъ нихъ осмѣлится уйти изъ отряда самовольно, ночью, то будетъ настигнутъ и разстрѣленъ; а если даже и удастся ему избѣжать погони, то будетъ, все равно, разысканъ въ аулѣ и казненъ въ Оренбургѣ, по возвращеніи отряда изъ похода.

Эта угроза и видъ трехъ разстрѣленныхъ товарищей такъ напугали Киргизовъ, что ни одинъ изъ нихъ въ послѣдствіи не рѣшился самовольно бросить отрядъ—и всѣ дошли съ нимъ до Оренбурга. Тѣмъ не менѣе, въ виду крупной убыли верблюдовъ, было тогда же послано въ Оренбургъ распоряженіе немедленно нанять или купить у Киргизовъ нѣсколько сотъ свѣжихъ верблюдовъ, которыхъ тотчасъ же и доставить въ Эмбенское укрѣпленіе.

Пока шли эти окончательные сборы «отдѣльной колонны», задерживаемой въ Эмбенскомъ укрѣпленіи такими случайными обстоятельствами, какъ внезапная болѣзнь генерала Молостова и открытое неповиновеніе верблюдовожатыхъ Киргизовъ, на Эмбу, изъ Чушка-Куля, прибылъ второй нарочный и привезъ печальное извѣстіе, что тамъ, послѣ благополучнаго отбитія приступа Хивинцевъ, пришлось, все-таки, во избѣжаніе внезапнаго вторичнаго штурма, усилить сторожевую и форпостную службу, въ особенности ночью,—и, благодаря этому обстоятельству, а также и отъ дурной воды озера, близъ котораго возведено было Чушка-Кульское укрѣпленіе, тамъ появилась такая масса больныхъ дизентеріей, скорбутомъ и цынгой, что ихъ положительно некуда было помѣщать... Тотчасъ же, по распоряженію главноначальствующаго, была снаряжена рота пѣхоты численностью въ 140 человекъ, на саняхъ, запряженныхъ верблюдами, съ сотнею казаковъ, изъ

коихъ только 40 были верхами, подъ начальствомъ ротнаго командира поручика Ерофеева, которому поручено было идти въ Чушка-Куль какъ можно скорѣе, забрать оттуда всѣхъ больныхъ и привезти ихъ на Эмбу. Къ отряду прибавлено было еще 230 верблюдовъ съ овсомъ, сухарями, крупю и прочими запасами.

Отрядъ этотъ, идя форсированнымъ маршемъ, прошелъ почти уже весь путь благополучно; но однажды, около полудня, всего въ 20-ти верстахъ отъ Акъ-Булака, его застигъ страшнѣйшій буранъ, свойственный лишь здѣшнимъ необозримымъ степямъ, когда, среди бѣлаго дня, не видно бываетъ свѣту Божьяго... Идти въ такую непроглядную метель не было никакой возможности и отрядикъ рѣшилъ остановиться не надолго, чтобы переждать вьюгу. Мѣста, конечно, не выбирали для остановки—какъ это дѣлалось въ обыкновенное время, когда намѣчается мѣсто болѣе или менѣе безопасное отъ внезапнаго нападенія,—а гдѣ застигъ буранъ, тутъ и задумали остановиться. При этомъ не принимали еще и никакихъ мѣръ предосторожности: не выставили передовыхъ постовъ, не заняли находившуюся вблизи возвышенность, даже ружья у казаковъ находились въ чахлахъ, а у солдатъ были затюкованы въ возахъ, и каждый заботился лишь объ одномъ: какъ бы укрыться отъ вьюги и потеплѣе устроиться, что, однако, было не легко, такъ какъ отрядъ этотъ, въ виду спѣшности дѣла и небольшого

разстоянія, которое предстояло пройти—всего 170 верстъ—не взявъ съ собою джуламеекъ.

И вотъ, едва только поуспокоились въ отрядѣ и прикурнули, какъ съ лѣвой стороны, изъ-за пригорка, выскакала громадная конная партія Хивинцевъ и съ дикимъ гиканьемъ и крикомъ «алла» бросились на отрядъ. Передніе всадники были вооружены пиками, остальные шанками, и лишь у очень немногихъ виднѣлись за спинами длинные карабины, изъ которыхъ Хивинцы стрѣляютъ не иначе, какъ установивъ ихъ на особыя подставки.

Къ великому счастью для атакованныхъ, число которыхъ вмѣстѣ съ офицерами было не болѣе 250 человекъ, на самомъ краю бивуака, обращеннаго къ пригорку, находился ротный барабанщикъ, который, увидѣвъ несущихся Туремень, живо выхватилъ свои палки и ударилъ тревогу. Эта находчивость не растерявшагося молодца-барабанщика и спасла маленькій отрядъ отъ неминуемой гибели и смерти: едва только лошади Хивинцевъ подскакивали къ отряду, какъ, слышавъ трескъ невѣдомаго имъ дотолѣ инструмента, быстро, на всемъ скаку, сворачивали въ бокъ, или же взвивались отъ страха на дыбы, сбрасывая съ себя всадниковъ... Все это произошло въ какія-нибудь двѣ, много три минуты... А тѣмъ временемъ, казаки опомнились, выхватили изъ чахловъ ружья и дали залпъ, а пѣхота живо достала ихъ изъ тыковъ и стала заряжать... Хивинцы круто повернули своихъ

Когда дымъ отъ выстрѣловъ разсѣялся, то увидѣли, что на снѣгу лежатъ нѣскольکو Хивинцевъ и барахтаются раненныя лошади, а всѣ уцѣлѣвшіе всадники мчатся назадъ, на бугоръ... Тамъ они остановились и начали о чемъ-то толковать между собою; при этомъ такъ громко спорили и кричали, что въ нашемъ отрядѣ хорошо слышенъ былъ ихъ крикъ... Наконецъ, крики стихли, Хивинцы раздѣлились на двѣ части и стали обскакивать отрядъ съ двухъ сторонъ, рассчитывая, что наши солдаты, разбившись пополамъ, не въ силахъ будутъ противостоять двумъ коннымъ отрядамъ, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ, атакующимъ одновременно... Но и тутъ Хивинцы ошиблись въ своихъ расчетахъ: каре защищалось со всѣхъ четырехъ сторонъ, а солдаты и казаки стрѣляли очень ловко и мѣтко, укладывая ружья, по прежнему, на тюки и на кули съ продовольствіемъ... Эта третья атака была столь же неудачна, Хивинцы заплатились за свою дерзость еще болѣе: на снѣгу лежало ихъ около тридцати человѣкъ, и еще болѣе было убитыхъ и раненыхъ лошадей; а многія лошади, очевидно, раненыя жѣ, носились по степи одиѣ, безъ всадниковъ...

Вновь вся эта туча безпорядочной конницы взвѣхала на возвышенность, вновь поднялся страшнѣйшій крикъ и шумъ... Наконецъ, Хивинцы прини должно быть къ такому выводу: всѣ ихъ атаки не удались потому, что онѣ были конныя, что лошади пугаются

выстрѣловъ и страшнаго барабанщика; а если, напротивъ, атака будетъ пѣшая, то она удастся навѣрняка, такъ какъ численность атакующихъ почти въ десять разъ болѣе нашего отряда. Для этой цѣли половина отряда спѣшилась и отдала своихъ коней другой половине всадниковъ; а чтобы защитить себя отъ мѣткихихъ русскихъ пуль, спѣшенные Хивинцы тихо погнули передъ собой только что отбитыхъ у насъ верблюдовъ, а за ними подвигались и сами. Изъ оставшагося же коннаго отряда, выдѣлилась партія человекъ въ двѣсти, съ пиками въ рукахъ, рассчитывая нагонять и прикалывать разбитаго и затѣмъ бѣгущаго непріятеля—т. е. нашихъ солдатиковъ...

Эту атакующую колонну отрядъ риснулъ подпустить къ каре, какъ пѣшую, ближе, чѣмъ предыдущія двѣ атаки, и когда Хивинцы были не болѣе какъ въ двухъ-стахъ шагахъ, по нимъ открытъ былъ убійственный батальный огонь всеѣмъ отрядомъ, такъ что стрѣляли даже и офицеры... Въ отрядѣ, ободрившемся вслѣдствіе только-что отбитыхъ двухъ атакъ, явилась уже крѣпкая увѣренность въ своей силѣ и такая смѣлость, что на счетъ нападавшихъ Туркменъ сыпались, со стороны солдатъ, шутки и остроты...

Когда батальный огонь не много перервался вслѣдствіе заряженія ружей, то глазамъ атакующимъ представилась такая картина: штукъ двадцать верблюдовъ лежали въ снѣгу убитыми или издыхающими, а остальные, будучи ранены, разбѣжались во все

стороны.. Положеніе Хивинцевъ на этотъ разъ явилось несравненно худшимъ, чѣмъ въ первыя атаки: они очутились въ отрядѣ гораздо ближе и, вдобавокъ, пѣшіе... Раздался залпъ, и Хивинцы дрогнули и побѣжали... а такъ какъ бѣжали они плотною, тысячною толпою, въ безпорядочно-сомкнутомъ строѣ, то посылаемыя имъ въ догонку пули производили порядочное опустошеніе... Съ громкими воплями понеслась, наконецъ, эта куча людей, насколько можно было быстро, стараясь убѣжать изъ-подъ выстрѣловъ и укрыться за пригорокъ..»

А въ русскомъ маленькомъ отрядѣ, въ это время, поручикъ Ерофеевъ скомандовалъ: «на молитву!» Всѣ обнажили головы и принесли горячее благодареніе Богу за избавленіе отъ лютой смерти...

Время подходило къ вечеру, и вскорѣ наступили сумерки. Хивинцы совсѣмъ скрылись за возвышенностью, и не было видно ни одного изъ нихъ. Тогда часть отряда осталась на флангахъ каре, для наблюденія за непріателемъ, а остальные принялись за варку пици. Наконецъ, совсѣмъ стемнѣло. Внутри каре ярко пылали костры, а у огня расположились солдаты и казаки; всѣ хлопотали о горячемъ ужинѣ, шель громкій и веселый говоръ о только-что прекратившемся боѣ... Вдругъ, со стороны непріателя раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и четвертый... И только одинъ не попалъ въ цѣль: остальными тремя выстрѣлами былъ убитъ одинъ казакъ на повалъ, а

двое тяжело ранены... Поручикъ Ерофеевъ, прежде всего, приказалъ затунить всѣ огни, что и было немедленно исполнено: костры живо закидали снѣгомъ... Затѣмъ стали обдумывать и соображать — откуда могли быть эти выстрѣлы?.. Ночь была хотя не свѣтлая, но безъ тучъ и звѣздная; стали всматриваться въ окружающую мѣстность, и вотъ, въ полутьмѣ, зоркій глазъ одного казачьяго урядника замѣтилъ, шагахъ не болѣе во ста отъ каре, что снѣгъ въ одномъ мѣстѣ былъ взрытъ кругомъ и что изъ него устроено было нѣчто въ родѣ бруствера, за которымъ, несомнѣнно, и скрывались Хивинцы, стрѣлявшіе на огонь въ людей, хорошо освѣщаемыхъ кострами; отъ того-то и выстрѣлы ихъ были такъ удачны. Поручикъ Ерофеевъ вызвалъ охотниковъ, желающихъ выбить Хивинцевъ изъ ихъ засады; сейчасъ же явилось десять человѣкъ солдатъ и одинъ унт.-офицеръ, которые, моментально, и бросились на заваль, такъ что Туркменскіе стрѣлки, ничего подобнаго не ожидавшіе, обмерли отъ изумленія и страха, когда наши молодцы, съ крикомъ «ура», вскочили на ихъ импровизованный снѣжный брустверь... Нѣсколько Хивинцевъ бросились на утекъ, трехъ солдаты тутъ же завололи, а четвертаго захватили живьемъ и привели въ отрядъ; поручикъ Ерофеевъ хотѣлъ оставить его «для языка», т. е. допросить обо всемъ, что ему могло быть извѣстно; но подбѣжавшіе казаки, товарищи убитаго ихъ станичника, такъ разсвирѣѣли,

что тутъ же, на глазахъ у всѣхъ, приняли плѣннаго Туркмена въ шапки и въ нѣсколько секундъ изрубили его...

Наступившая, затѣмъ, ночь прошла для отряда въ крайне тревожномъ состояніи, такъ что никто не могъ сомкнуть глазъ: всѣ, ежеминутно, ожидали нападенія, зная, что азіаты любятъ дѣлать атаки ночью, когда, въ потьмахъ, не можетъ быть правильной по нимъ стрѣльбы. Вздохнули свободно лишь тогда, какъ стало разсвѣтать; тогда увидѣли, что Хивинцы сѣли на коней, постояли немного въ виду отряда и, затѣмъ, спустились съ возвышенности и скрылись за нею вовсе; они не рѣшились даже подобрать трехъ своихъ товарищей, заколотыхъ съ вечера, на снѣговомъ завалѣ, а также и тѣхъ убитыхъ, которые пали во время атакъ. Въ недоумѣніи, отрядъ простоялъ такъ, ничего не предпринимая, часа два... Наконецъ, приказано было всѣмъ казакамъ сѣсть на коней и въѣхать на пригорокъ, чтобы посмотрѣть, по какому направленію поѣхали Хивинцы? не на Эмбу-ли?... Оказалось, что они пошли обходнымъ движеніемъ, на Хиву... Болѣе этотъ конный отрядъ Туркменъ-Юмудъ не имѣлъ уже нигдѣ и никакихъ стычекъ съ нашими войсками, и всѣ ихъ дѣйствія, слѣдовательно, ограничились лишь неудачной атакой Чушка-Кульскаго укрѣвленія и столь же неудачнымъ нападеніемъ на отрядъ поручика Ерофеева. О послѣдующей судьбѣ этого Хивинскаго воинства было ска-

заво выше: третья лишь часть ихъ вернулась на родину; остальные погибли отъ голода и морозовъ... Нашего плѣннаго солдата эти звѣри, какъ оказалось при осмотрѣ оставленной ими стоянки, сожгли, на медленномъ огнѣ, живого... Всего отрядъ нашъ потерялъ убитыми 5 человекъ и ранеными 13.

Отрядъ поручика Ерофеева пошелъ въ тотъ же день дальше, къ цѣли своего назначенія и вскорѣ наткнулся на разрубленнаго пололама и врытаго въ снѣгъ Киргиза, везшаго почту въ Чуска-Куль и выѣхавшаго изъ Эмбы всего двумя днями ранѣе, чѣмъ отрядъ Ерофеева. Это былъ подвигъ отступившаго Хивинскаго отряда...

Поручикъ Ерофеевъ вызвалъ послѣ боя двухъ охотниковъ-казаковъ на сытыхъ и быстрыхъ лошадяхъ, чтобы отправить къ генералу Перовскому на Эмбу подробное донесеніе о только что происшедшемъ славномъ для насъ дѣлѣ, а также и предупредить генерала на тотъ случай, если Хивинцы измѣнятъ направленіе и пойдутъ на Эмбу. Посланные казаки добрались до укѣвленія благополучно и передали донесеніе. Главноначальствующій остался чрезвычайно доволенъ этимъ, но истинъ блестящимъ дѣломъ, въ которомъ на одного Русскаго солдата приходилось десять Хивинцевъ. Онъ собственноручно навѣсилъ смѣлымъ вѣстовщикамъ по Георгіевскому кресту; тотъ же солдатскій «Егорій» онъ далъ молодцу барабанщику и всѣмъ одиннадцати охотни-

камъ, участвовавшимъ въ ночной вылазкѣ, а унтеръ-офицера представилъ еще и къ чину прапорщика. Поручикъ Ерофеевъ получилъ Владимира 4-й степени съ бантомъ (тогда мечей на крестахъ еще не было) и былъ, кромѣ того, представленъ къ слѣдующему чину. Эти представленія къ чинамъ на Высочайшее имя были не болѣе какъ особою деликатностью или, скорѣе, скромностью со стороны генералъ-адъютанта Перовскаго: ему, по должности командира отдѣльнаго корпуса и по званію главноначальствующаго экспедиціоннымъ отрядомъ, были Высочайше предоставлены всѣ права и прерогативы главнокомандующаго, такъ что онъ могъ собственною властью награждать отличившихся чинами, до майора включительно. Но генералъ Перовскій въ зимній походъ 1839 г. ни разу не воспользовался этимъ правомъ жаловать чины — по той причинѣ, что отрядъ не вступилъ въ Хивинскіе предѣлы и никакихъ собственно серьезныхъ сраженій съ войсками хана Алла-Кула не было.

IX.

Выступление изъ Эмбы отдѣльной колонны. — Первое донесеніе о походѣ въ Петербургъ. — Трудности новаго пути на Чунка-Куль. — Начавшаяся смертность верблюдовъ. — Польская слѣсъ Цюлковскаго и его новыя жестокости. — Бѣдствія офицеровъ въ колоннѣ. — Дороговизна у маркизанта Зайчикова. — Какъ онъ нажился и чѣмъ занимался до похода.

Спустя нѣсколько дней по выступленіи изъ Эмбы маленькаго отряда поручика Ерофеева, выступила

въ походъ и «отдѣльная колонна» подѣ начальствомъ генераль-маіора Цюлковскаго, въ составѣ двухъ линейныхъ баталіоновъ и одного полка казаковъ при 4 тысячахъ верблюдовъ и нѣсколькихъ орудіяхъ. Весь остальной отрядъ съ генераль-адъютантомъ Перовскимъ остался въ Эмбенскомъ укрѣпленіи. Отсюда, проводивъ колонну и успокоившись немного духомъ, главноначальствующій поручилъ штабсъ-капитану Никифорову составить подробное донесеніе въ Петербургъ о происшедшихъ событіяхъ. Въ томъ же донесеніи излагалась и программа будущихъ дѣйствій экспедиціоннаго отряда. По словамъ генерала Перовскаго, посланная имъ отдѣльная колонна, дойдя до Чушка-Куля и выбравъ подъемъ на Усть-Уртъ, должна была немедленно дать знать объ этомъ въ Эмбенское укрѣпленіе, откуда, достаточно уже отдохнувъ и оправившись отъ болѣзней,* выступить къ Чушка-Кулю все, оставшіяся въ живыхъ, наличныя силы отряда и, соединившись тамъ съ первою колонной и находившимся ранѣе гарнизономъ, двинутся однимъ общимъ отрядомъ далѣе на Хиву. Въ случаѣ же неудачи, т. е. при неудобствѣ, по случаю зимы, подъема на Усть-Уртъ, или при наличности на самомъ Усть-Уртѣ такого же глубокаго снѣга, неѣ должны были возвратиться обратно на Эмбу, провѣсти тутъ остатокъ зимы, пополнить людьми изъ Оренбурга составъ отряда, возобновить все продовольственные запасы, нанять новыхъ верблюдовъ и,

раннею весною, идти все-таки въ Хиву. Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ...

Выступление отдѣльной колонны изъ Эмбенскаго укрѣпленія совершилось въ большомъ безпорядкѣ или, вѣрнѣе, въ томъ «порядкѣ», какой существовалъ въ первой колоннѣ генераль-маіора Ціолковскаго во все время отъ Оренбурга до Эмбы. Люди, измученные съ вечера разными приготовлениями и походными сборами, не успѣли, какъ слѣдуетъ, выспаться; подняли ихъ ночью въ 2 часа, а въ 5, т. е. въ совершенной темнотѣ, колонна выступала уже изъ укрѣпленія... Такіе ночные марши очень хороши лѣтомъ; а тутъ они дали печальные результаты. Въ первый день колонна могла пройти всего 9 верстъ: не выспавшіеся люди и верблюды, пройдя въ потьмахъ, до разсвѣта, по глубокому снѣгу болѣе двухъ часовъ, измучились прѣждевременно, такъ что въ 12 часовъ дня колонна не могла уже идти далѣе и должна была остановиться... Снѣгъ за Эмбою оказался еще глубже, а его ледяная кора отъ морозовъ, бывшихъ постоянно болѣе 20°, еще толще... На первомъ же переходѣ, послѣ пройденныхъ лишь 9 верстъ, пришлось оставить 10 верблюдовъ... Снѣгъ, покрытый ледяною корой, не выдерживалъ верблюдовъ, и они ежеминутно скользили или падали; а потому, для протоптанія дороги, посланъ былъ впередъ казачій полкъ раздѣленный на ряды; но чрезъ нѣсколько часовъ, переднія лошади стали сбивать себѣ щиколотки до крови,

и ихъ пришлось замѣнять задними лошадьми; за ними, растаявшіе «нитками» же, шли верблюды, и такимъ порядкомъ подвигалась эта колонна впередъ... Вскорѣ отъ безкормицы верблюды до того обезсились, что если случалось какой-нибудь изъ нихъ не попадалъ ногою въ лошадиную тропу, то проваливался въ снѣгъ и тотчасъ же падалъ; и поднять его на ноги не было уже никакой возможности, такъ что этотъ верблюдъ бросался совсѣмъ на произволъ судьбы: шедшіе въ арьергардѣ на раненыхъ лошадяхъ казаки развьючивали такого верблюда, а продовольственные запасы разбирали—какъ они дѣлали это и во время похода до Эмбы—по своимъ саквамъ... Затѣмъ, несчастные верблюды стали падать все болѣе и болѣе, такъ что оставались на мѣстахъ ночлеговъ цѣлыми десятками... Вновь заговорили въ колоннѣ объ отравленіи верблюдовъ, по ночамъ, дѣньщикомъ генерала Цюлковскаго Сувчинскимъ...

Это тяжкое обвиненіе порождалось всего болѣе самымъ же начальникомъ колонны, т. е. тѣми неправильными отношеніями, въ которыя онъ поставилъ себя, на первыхъ же дняхъ похода, къ офицерамъ и солдатамъ. На первомъ же переходѣ генералъ Цюлковскій приказалъ измѣнить даже внѣшній порядокъ разстановки джуламеекъ: свою кибитку онъ приказалъ ставить не только выше всѣхъ прочихъ кибитокъ, но много выше бывшей кибитки Перовскаго, въ самомъ центрѣ каре, съ длиннымъ флаштовомъ,

на которомъ укрѣплялся особый значекъ съ Польскими національными цвѣтами и гербомъ. Рядомъ съ его кибиткой поставили-было походную кибитку оберъ-квартирмейстера, но Цюлковскій приказалъ поставить ее позади, а взамѣнъ ея — походную кибитку-буфетъ, въ которую и приглашалъ, изрѣдка, штабъ-офицеровъ... Словомъ, польская спѣсь и тутъ выступила наружу при первомъ же удобномъ случаѣ.

Затѣмъ, Цюлковскій установилъ такую систему шпіонства въ колоннѣ, что офицеры могли говорить откровенно между собою развѣ только шепотомъ... Должность оберъ-шпіона занялъ унтеръ-офицеръ изъ ссыльныхъ поляковъ Антоній Завадскій, уроженецъ Виленской губерніи, называвшій себя «юнкеромъ» и вкравшійся въ полное довѣріе офицеровъ. Этотъ Завадскій, равно какъ и 17 человекъ другихъ поляковъ, состоявшихъ въ колоннѣ большею частью въ унтеръ-офицерскомъ же званіи *), были постоянными гостями генерала Цюлковскаго, обѣдали у него, ужинали, пили чай; иногда, въ видѣ особой милости, генералъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ кого-нибудь изъ штабныхъ офицеровъ, или штабъ-офицеровъ, командировъ баталіоновъ, которые и попадали, такимъ образомъ, въ довольно своеобразное общество,

---

*) Всѣ эти господа, произведенные въ унтеръ-офицеры Цюлковскимъ, попали въ Оренбургскіе линейные баталіоны послѣ матажа 1831 года, изъ Польскихъ войскъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ состояли офицерами — и затѣмъ были разжалованы и разосланы частію на Кавказъ, частію въ Оренбургъ.

говорившее, къ тому же, исключительно на польскомъ языкѣ. Генераль Ціолковскій, боявшійся, ранѣе, злого языка прямодушнаго штабсъ-капитана Никифорова, теперь уже не стѣнялся никѣмъ и ничѣмъ: онъ позволялъ себѣ на этихъ обѣдахъ открыто порицать дѣйствія главноначальствующаго, обвиняя генераль-адъютанта Перовскаго «въ необдуманности похода»; онъ прямо высказывалъ мысль, что генераль Перовскій не нынче-завтра долженъ-де быть уволенъ и отозванъ въ Петербургъ и что, по всей вѣроятности, онъ самъ догадается вернуться изъ Эмбенскаго укрѣпленія обратно въ Оренбургъ... что онъ, генераль Ціолковскій, въ качествѣ старшаго генерала въ отрядѣ, долженъ будетъ принять главную команду — и постарается тогда взять Хиву... При этомъ, онъ не разъ успокоивалъ обѣдавшихъ съ нимъ поляковъ унтеръ-офицеровъ, что всѣ они, за походъ, будутъ непременно произведены въ офицеры. Такъ какъ эти и многія другія рѣчи начальника колонны сильно отдавали обычною польскою болѣзнью, политическимъ хвостовствомъ, то приглашаемые штабные стали, подъ разными предлогами, уклоняться отъ званыхъ обѣдовъ въ штабной кибиткѣ; затѣмъ, пересталъ ихъ приглашать и самъ генераль Ціолковскій.

Къ солдатамъ начальникъ колонны поставилъ себя въ отношенія еще болѣе худшія: точно онъ мстилъ имъ за то, что они, нѣсколько недѣль назадъ, когда онъ былъ уволенъ отъ должности начальника 1-й ко-

лонны, открыто радовались его увольненію. И вотъ, теперь, на остановкахъ отряда, передъ обѣденною порою, когда люди приходили измученные и обезсиленные, генераль Цюлковскій садился на лошадь (ѣхалъ онъ дорогою въ возгѣ) и спокойно начиналъ объѣзжать колонны. Его сопровождали при этомъ нѣсколько казаковъ, верхами же, съ нагайками. Рѣдкій день обходился безъ того, чтобы наказано было, и притомъ жестоко, менѣе 25-ти человекъ, а иногда число наказанныхъ доходило до 50 человекъ; достаточно было малѣйшаго повода (ружья, не поставленное въ козлы, а прислоненное къ тюку, оторванная на шинели пуговица, лошадь не въ нутахъ, поставленная косо джудамейка, и т. под.), чтобы началось истязаніе несчастныхъ солдатъ... Казаковъ генераль наказывалъ рѣже, солдатъ изъ поляковъ, т. е. простыхъ, рядовыхъ солдатъ, никогда. Оканчивались эти истязанія, обыкновенно, въ кибиткѣ-буфетѣ, гдѣ генераль, послѣ каждаго обѣда, наказывалъ своего крѣпостнаго повара, который впоследствии, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, жестоко отомстилъ своему мучителю.

Офицеры этой колонны бѣдствовали такъ же сильно, какъ и во время марша до Эмбы. Большинство строевыхъ офицеровъ въ Оренбургскихъ линейныхъ баталіонахъ были люди очень небогатые, жившіе тѣмъ скромнымъ жалованьемъ, которое они получали. Въ

тѣ годы не было ни «столовыхъ», ни «добавочныхъ», ни «наградныхъ», а было лишь одно жалованье, получаемое по третямъ, то-есть три раза въ годъ: прапорщикъ, напр., получалъ 18 р. съ копѣйками въ мѣсяцъ, капитанъ не много болѣе 35-ти... На такое-то жалованье надо было существовать въ безлюдной, снѣжной пустынѣ, продовольствуясь всёмъ у маркиганта и платя за все самыя невѣроятныя цѣны. Маркигантомъ отряда былъ купецъ Михаилъ Зайчиковъ*), и вотъ какія бралъ онъ съ офицеровъ деньги: фунтъ баранокъ, стоившій въ Оренбургѣ три копѣйки, Зайчиковъ продавалъ по 50 коп., четвертка Жукова табаку, вмѣсто 15 к., продавалась по рублю; бутылка водки стоила рубль и 1 р. 50 коп. ассигнаціями, а въ городѣ она стоила тогда 35 коп. асс. или 10 к. на серебро. Когда офицеры окончательно истратились, то Зайчиковъ, съ разрѣшенія генераль-адъютанта

---

*) Этотъ самый купецъ Зайчиковъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, былъ судимъ въ Оренбургской Уголовной Палатѣ за продажу русскихъ мужиковъ и женщинъ въ неволю въ Хиву. Дѣлалось это такъ: Зайчиковъ имѣлъ въ разныхъ мѣстностяхъ Оренбургскаго края и нынѣшней Уральской области нѣсколько тысячъ десятинъ земли и занимался хлѣбопашествомъ. Во время жнитва, прикащики Зайчикова, каждый разъ все разные, ѣздили въ Бузулукскій и Николаевскій уѣзды Самарской губерніи и по окраинамъ Оренбургскаго уѣзда и нанимали людей, давая имъ хорошія цѣны и выдавая крупныя задатки; затѣмъ, людей этихъ заставляли жать хлѣбъ, укладывая на ночь спать въ отдѣльные сараи. Въ одну изъ ночей Киргизы, по заранѣ условленному плану, обуржжали со всѣхъ сторонъ сарай, связывали плѣнными руки и гнали ихъ передъ собою, какъ скотъ, въ Хиву, для продажи... Приказчики уюхра оказывались, тоже, связанными

Перовскаго, которымъ онъ заручился еще на Эмбѣ, сталъ отпускать всѣ припасы для офицеровъ въ кредитъ, и такимъ образомъ, приобрѣлъ, за время похода, большія деньги, да еще былъ награжденъ, потомъ, золотою медалью на шею, съ надписью «за усердіе»...

Х.

Неожиданное прибытіе Перовскаго и принятіе начальства надъ колонною.—Прекращеніе жестокостей и польскихъ сходовищ.—Окончательная гибель верблюдовъ.—Всеобщее уныніе.—Прибытіе въ Чуска-Куль.—Празднованіе „побѣды“ у Хивинцевъ.

На восьмой день похода отдѣльной колонны, рано утромъ, арьергардные казаки увидѣли, что по дорогѣ изъ Эмбенскаго укрѣпленія, по направленію къ отряду, быстро подвигается какая-то длинная черная полоска... Одинъ изъ казаковъ поскакалъ впередъ, нагналъ от-

по рукамъ и ногамъ, и все дѣло сваливали на хищниковъ-Киргизовъ. По рѣшенію палаты, купецъ Зайчиковъ и его главный приказчикъ Филатовъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ; главными обвинителями выступили противу нихъ многіе изъ плѣнныхъ, вернувшихся лѣтомъ 1840 г. изъ Хивы въ Оренбургъ. Затѣмъ, Зайчиковъ, слѣдуя въ Сибирь, обмѣнялся имениемъ съ обыкновеннымъ ссыльнымъ, приговореннымъ лишь на житье въ Сибирь, на известное количество лѣтъ и, отживъ этотъ срокъ, вернувшись, подъ своимъ уже новымъ именемъ, Дѣва, въ Оренбургъ... Совѣсть не давала ему покоя: онъ выстроилъ храмъ, богадѣльню и занялся вообще дѣлами благотворительности... Но это не спасло его ни отъ народной ненависти при жизни, ни отъ всеобщихъ проклятій послѣ смерти. О богатствѣ этого Зайчикова, такъ несправедно нажитомъ, ходятъ въ Оренбургѣ и понынѣ легенды.

рядъ и доложилъ объ этой полоскѣ начальнику колонны генераль-маіору Цюлковскому, сладко спавшему въ это время въ своемъ дорожномъ возкѣ... Тотъ въ началѣ разсердился было, но потомъ приказалъ остановить колонну, вышелъ изъ возка и велѣлъ подать себѣ подзорную трубу. Но какъ ни старались найти на горизонтѣ и рассмотреть движущійся предметъ, это не удалось, такъ какъ отрядъ только что спустился передъ этимъ съ невысокой, но довольно обширной возвышенности. Въ это время изъ арьергарда прискакалъ второй казакъ съ извѣстіемъ, что черная, быстро движущаяся полоска представляетъ собою дорожный возокъ, запряженный тройкою лошадей, гуськомъ... Генераль Цюлковскій не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ, обратился къ стоявшему рядомъ съ нимъ командиру казачьяго полка и сталъ съ нимъ о чемъ-то разговаривать... Въ это время на возвышенности показался возокъ и сталъ быстро спускаться подъ гору. Еще десять минутъ, и экипажъ вѣхалъ въ середину колонны, остановился, и изъ него вышелъ главноначальствующій отрядомъ В. А. Перовскій, въ сопровожденіи штабсъ-капитана Никифорова... Сухо поздоровавшись съ Цюлковскимъ и ни о чемъ его не спрашивая, Перовскій сталъ обходить колонну и здоровался съ каждою ротой и сотней отдѣльно. Измученные люди подбодрились и весело его привѣтствовали. Затѣмъ, въ отрядѣ узнали, что главноначальствующій, отправивъ въ Петербургъ все нужныя до-

несенія, а въ Оренбургъ распоряженія, выѣхаль, всего два дня назадъ, изъ Эмбенскаго укрѣпленія, на тройкѣ артиллерійскихъ лошадей, въ сопровожденіи десятка Оренбургскихъ казаковъ о дву-конь, съ небольшимъ запасомъ сѣна, овса и провизіи; по дорогѣ счастливо избѣжалъ всякихъ опасностей, а верстахъ въ 20-ти отъ колонны бросилъ свой эскортъ и уѣхаль впередъ одинъ, желая нагнать отрядъ какъ можно скорѣе.

Со дня прибытія къ колоннѣ главноначальствующаго тотчасъ же измѣнились всѣ порядки походнаго движенія, прекратилось бесполезное жестокое обращеніе съ несчастными солдатами, кибитка генерала Цюлковскаго опустилась значительно ниже, сходбища сѣльныхъ поляковъ въ штабномъ буфетѣ-кибиткѣ оборвались сразу... Въ тотъ же день вечеромъ, на ночлегѣ, генераль-адъютантъ Перовскій потребовалъ къ себѣ начальника колонны и около получаса говорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ. Бесѣда ихъ осталась тайной: о ней Перовскій не сказалъ ничего даже Никифорову. Офицерамъ колонны стало лишь извѣстно, на другой день, изъ отданнаго приказа, что главноначальствующій пожелалъ самъ вступитъ въ командованіе колонной; да потомъ, шепотомъ, офицеры передавали другъ другу со словъ часовыхъ у кибитки главноначальствующаго, что генераль Цюлковскій, уходя, сказалъ что-то на непонятномъ для часовыхъ языкѣ, раздраженнымъ и угрожающимъ тономъ, а начальникъ отряда отвѣтилъ ему по-русски,

въ дверяхъ самой кибитки:—Я не боюсь васъ, генераль: я вѣдь не пью кофе...

Съ того дня между генералами Перовскимъ и Цюлковскимъ установились довольно странныя отношенія: они не встрѣчались болѣе и не говорили между собою ни одного слова до самаго конца похода и возвращенія въ Оренбургъ. Цюлковскій совѣмъ ступшевался и сталъ всячески избѣгать встрѣчи съ главноначальствующимъ: такъ, напр., если Перовскій ѣхалъ впереди отряда, то возокъ Цюлковскаго ѣхалъ сзади, и на оборотъ. Свою войлочную кибитку бывшій начальникъ колонны приказывалъ ставить не въ ряду штабныхъ кибитокъ, а въ средѣ казачьихъ; при неизбѣжныхъ встрѣчахъ во фронтѣ соблюдался лишь внѣшній декорумъ: генераль Цюлковскій бралъ «подъ козырекъ», а главноначальствующій отвѣчалъ ему тѣмъ же краткимъ внѣшнимъ привѣтствіемъ.

Крайне тяжелое впечатлѣніе произвела на генерала Перовскаго дорога отъ Эмбенскаго укрѣпленія до колонны, которую онъ только что проѣхалъ: если бы пройденный колонною путь былъ весь занесенъ, степными метелями, то и тогда генералу съ его маленькимъ конвоемъ не надо было бы прибѣгать ни къ проводникамъ, ни къ компасу, ни къ солнцу и звѣздамъ для опредѣленія правильнаго направленія, а стоило бы только имѣть въ виду сотни труновъ вер-

блюдовъ, павшихъ дорогою и обгладываемыхъ теперь цѣлыми стаями голодныхъ волковъ. Какъ только снѣгъ и покрывавшая его ледяная кора вполнѣ омерзѣли, несчастные верблюды остались совсѣмъ безъ корма: никакія уже силы не могли докопаться до находящейся подъ снѣгомъ травы; надо было у каждаго верблюда поставить людей съ желѣзными мотыгами и употреблять для этого тѣ ночные часы отдыха, въ которыхъ сами солдаты нуждались не менѣе верблюдовъ; а эти животныя, къ ихъ несчастію, не обладаютъ, подобно лошадямъ, способностью разрывать снѣгъ ногами. Голодъ ихъ былъ такъ великъ, что они, во время слѣдованія, стали ѣсть тѣ рогожныя допоны, которыми Киргизы укрывали ихъ отъ холода взамѣнъ кошениныхъ (войлочныхъ) попонъ, бывшихъ на нихъ при выходѣ изъ Оренбурга и давно изорвавшихся: какъ только задній верблюдъ замѣчалъ на переднемъ рогожу, онъ нагонялъ его и начиналъ рвать зубами и ѣсть рогожу вмѣсто сѣна. На ночь, по приказанію уже нагнавшаго колонну генерала Перовскаго, верблюдовъ стали класть рядами, плотно одинъ къ другому, чтобы имъ было тепло лежать, и разстилали предъ ними циновки съ насыпаннымъ овсомъ; но они лишь понюхаютъ и не стануть ѣсть; пробовали всыпать имъ овесъ въ ротъ насильно, но они тотчасъ же его выплевывали, не проглотивъ ни одного зерна и гораздо охотнѣе теребили и жевали циновки, бесполезно разсыпая овесъ по снѣгу. Тогда, чтобы

спасти хотя десятую часть бывшихъ при колоннѣ верблюдовъ, прибѣгли къ послѣднему средству: генераль Перовскій приказалъ мѣсить изъ ржаной муки колобки и класть ихъ верблюдамъ въ ротъ. Но и это не помогло: колобки замѣшивались на холодной водѣ, а верблюдъ не можетъ ѣсть ничего холоднаго; а чтобы нагрѣвать воду для этого мѣсива, нужно было топливо, котораго едва-едва хватало для варки разъ въ день горячей пищи солдатамъ, да и это топливо добывалось такимъ тяжкимъ трудомъ, что немислимо было тратить его еще и для верблюдовъ.

Тогда начался повальный падежъ верблюдовъ и въ такомъ огромномъ количествѣ, что даже шедшіе въ арьергардѣ казаки, лакомые вообще до даровщинки, не стали пользоваться нѣкоторыми выюками съ павшихъ животныхъ, а поступали обыкновенно такъ: муку рассыпали по вѣтру, порохъ и соль топтали въ снѣгъ, свинець бросали въ глубокіе овраги, а спиртъ по своимъ манерамъ. Самыя главныя трудности и бѣдствія испытала колонна, встрѣтивъ на своемъ пути двѣ большія горы—Бакыръ (мѣдь) и Али: здѣсь оставили большую часть верблюдовъ, и лишь казачьи лошади и солдатскія руки втащили на эти горы артиллерію. Всего изъ четырехъ тысячъ верблюдовъ, взятыхъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія отдѣльной колонною, пало дорогою около двухъ тысячъ головъ, то-есть половина.

Вмѣстѣ съ верблюдами стали, наконецъ, гибнуть

и солдаты — отъ страшныхъ, все еще продолжавшихся морозовъ, а главное, вслѣдствіе отсутствія теплаго жилья: ежедневно, цѣлыми десятками, людей отправляли въ походные лазареты, откуда они возвращались очень рѣдко. Болѣзни были различныя: преимущественно цынга, скорбутъ, дизентерія и общій упадокъ силъ. Въ колоннѣ наступило всеобщее уныніе. Главнона начальствующій увидѣлъ, что возникли, наконецъ, непреодолимыя никакими человѣческими силами препятствія... Онъ ѣхалъ въ своемъ возкѣ мрачный и больной и всеѣмъ пересталъ показываться людямъ...

Но все имѣетъ свой конецъ. На пятнадцатый день по выступленіи изъ Эмбы, въ одинъ изъ морозныхъ солнечныхъ дней, вдали показалась сдѣланная изъ глины и занесенная снѣгомъ стѣна, а за нею какіе-то снѣжные бугры и холмики; — это и былъ Акъ-Булакъ или Чушка-Кульское укрѣпленіе, котораго достигла, уменьшившись болѣе чѣмъ на половину, несчастная «отдѣльная колонна».

Этою главою заканчивается мое повѣствованіе о скорбномъ пути, пройденномъ горстью Русскихъ войскъ отъ Оренбурга до Чушка-Кульскаго укрѣпленія — на разстояніи 670 верстъ. Путь этотъ, со всеми его лишеніями и бѣдствіями, пройденъ былъ, по истинѣ, съ тѣмъ героизмомъ, которому позавидовали бы закаленные въ походахъ войны Але-

ксандра Македонскаго и столь же достославные легионы Юлія Цезаря. Еще не суждено было русскому знамени развѣваться на стѣнахъ древней Хивы, и необычайная, по своей суровости, зима съ глубокимъ снѣгомъ явилась, на этотъ разъ, преградою на пути нашего отряда...

Когда изъ двухъ-тысячнаго рекогноспировочнаго отряда отборныхъ Туркменъ-Юмудовъ, высланныхъ противу нашихъ войскъ хивинскимъ ханомъ Алда-Куломъ, двѣ трети погибли отъ морозовъ и голода и въ Хиву вернулись лишь 700 человекъ и принесли извѣстіе о таковой же гибели, постигшей и русскій экспедиціонный отрядъ, то печаль хивинцевъ о погибшихъ батыряхъ была, по рассказамъ Сергѣй-Аги и нашихъ плѣнныхъ, очень небольшая. За то радость ихъ была неописанная: нѣсколько дней подрядъ шло у нихъ празднованіе «побѣды» и, въ концѣ, совершенно было великое поклоненіе праху ихъ святого Полваль-Аты, похороненнаго подъ громаднымъ камнемъ, въ одной изъ мечетей Хивы. По ихъ понятію, этотъ святой ниспослалъ такой великій снѣгъ и такіе морозы, которые не допустили русскихъ до Хивы *).

---

*) У Хивинцевъ существуетъ преданіе, что Хива оудеть затоплена водою, а Бухара занесена пескомъ; „Урусъ“ же никогда ихъ не возьметъ. Послѣ 1873 года въ преданіе это вѣроятно, утратилась вѣра.

XI.

Что случилось съ ротой поручика Ерофеева.—Усиленіе въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи дизентеріи, цынги и скорбута.—Общій упадокъ духа.—Исслѣдованіе подъема на Усть-Ургъ.—Приказъ объ обратномъ выступленіи.—Зимній оазисъ.—Озеро съ камышемъ.—Дороговизна топлива.—Тайна молодыхъ топографовъ.—Что значилъ чай.—Брошенный киргизами бульонъ.—Срытіе Чушка-Кульскаго укрѣпленія и взрывъ землянокъ.—Фейерверкъ.—Обратный походъ до Эмбы.—Выносливость Уральскихъ казаковъ.—Страшный буранъ, застигшій колонну.

Прибывшая колонна не имѣла самаго главнаго—теплаго жилья, и солдатамъ довелось жить въ войлочныхъ джудамейкахъ, такъ какъ землянки въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи оказались далеко не такъ удобны, какъ на Эмбѣ, гдѣ солдаты два раза въ день могли въ нихъ обогрѣваться: онѣ были и тѣсны, и темны; къ тому жь, въ нихъ лежала масса солдатъ, больныхъ скорбутомъ... Оказалось, что поручикъ Ерофеевъ никакъ не могъ увести больныхъ, согласно приказанію, изъ Чушка-Куля въ Эмбенское укрѣпленіе именно потому, что у него тоже не было корма для верблюдовъ, и всѣ больные непременно померзли бы дорогою въ саняхъ, такъ какъ некому было бы везти эти сани. Запасъ же сѣна въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи оказался самый ничтожный. Крайне нездоровая вода, бывшая въ укрѣпленіи, поспособствовала тому, что когда пришла въ Чушка-Куль отдѣльная колонна, то въ ротѣ Ерофеева четвертая часть солдатъ была уже больна дизентеріей, цынгою и тѣмъ же скорбутомъ; а люди гарнизона, заболѣв-

шіе ранѣ, лежали со сведенными ногами, и лишь немногіе изъ нихъ могли кое-какъ ползать по земляному холодному полу полутемныхъ землянобъ, замѣнявшихъ теперь лазаретныя палаты... Въ укрѣпленіи было тихо и мертво, какъ въ разрытой могилѣ: чувствовался общій упадокъ духа... Покойниковъ хоронили ежедневно; между ними приходилось уже хоронить и офицеровъ... Голодные степные волки окружали по ночамъ укрѣпленіе цѣлыми стаями, поднимали ужаснѣйшій вой, раскапывали могилы и съѣдали похороненныхъ людей... Въ отрядѣ днемъ и ночью стали происходить частыя пропажи; похищалось исключительно то, что могло горѣть: плохо лежавшая веревка, деревянная лопата, служившая для отгребанія снѣга и забытая у джуламейки и проч. — все это тотчасъ же исчезало...

Такъ прошло восемь дней. У генерала Перовскаго къ нравственнымъ и душевнымъ страданіямъ присоединились еще и физическія: у него открылась старая турецкая рана въ груди, и начались кромѣ того невыносимыя легочныя спазмы, послѣдствія удара, нанесеннаго ему, какъ говорили въ отрядѣ, огромнымъ полѣномъ по спинѣ, на Сенатской площади, 14 Декабря 1825 г.

Въ концѣ восьмого дня вернулся въ укрѣпленіе посланный генераломъ Перовскимъ, тотчасъ же до приходѣ въ Чуска-Куль, маленькій рекогносцировочный отрядъ подъ начальствомъ полковника Би-

зянова *), для обслѣдованія и выбора подъема на Усть-Уртъ, въ количествѣ 150-ти казаковъ, съ однимъ 3-хъ фунтовымъ орудіемъ при офицерѣ генеральнаго штаба Рейхенбергѣ, однимъ казачьемъ офицерѣ и двухъ топографахъ. Подъемъ на Усть-Уртъ былъ найденъ лишь въ одномъ мѣстѣ, по ущелью оврага Кынь-Каусъ; все остальное были отвѣсныя скалы, составлявшія когда-то, въ доисторическія времена, возвышенный берегъ моря. Снѣгъ на возвышенной плоскости Усть-Урта оказался на полъ-аршина глубже, чѣмъ на пройденномъ пути. Получивъ это рѣшающее извѣстіе, главноначальствующій пригласилъ въ свою кибитку генерала Цюлковскаго и всѣхъ наличныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, бывшихъ въ колоннѣ, объявилъ имъ о положеніи дѣла и приказалъ немедленно начать сборы къ выступленію изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія обратно на Эмбу.

— Сегодня же вечеромъ будетъ отданъ надлежащій приказъ по колоннѣ, — прибавилъ Перевскій, и когда всѣ етали выходить изъ кибитки, онъ попросилъ штабсъ-капитана Никифорова остаться.

— Сядьте и напишите приказъ объ отступленіи, — дрожащимъ отъ волненія голосомъ приказалъ онъ.

---

*) Полковникъ Бизяновъ въ-послѣдствіи былъ произведенъ въ генераль-майоры и назначенъ наказнымъ атаманомъ Уральскаго казачьяго войска.

Никифоровъ сѣлъ въ походному столику, на которомъ горѣли двѣ восковыя свѣчи, и наскоро написалъ слѣдующій «Приказъ по отряду войскъ Хивинской экспедиціи»:

Февраля 1-го дня 1840 года.

«Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолевая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокою зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, завалившихъ путь нашъ и всѣ корма. Намъ не было даже отрады встрѣтить неприятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, *люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны* (?). Одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсидены, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказать отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Гоеударя Императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. Миѣ утѣнительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго, при всѣхъ

перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и отецъ нашъ узнаеть обо всемъ».

— Дайте перо я подпишу, — попросилъ генераль Перовскій, когда Никифоровъ прочелъ ему этотъ приказъ.

— Но вѣдь это только черновая: позвольте, ваше высокопревосходительство, я прикажу сейчасъ же переписать бумагу на-бѣло...

— Ахъ, не мучьте меня ради Бога! Дайте перо поскорѣе! Неужели вы хотите, чтобы я еще разъ читалъ этотъ горькій и непріятный для меня приказъ?!.. — раздраженно проговорилъ главноначальствующій и, взявъ перо изъ рукъ Никифорова, быстро подписалъ бумагу...

«Такъ сей приказъ и былъ приложенъ къ дѣлу экспедиціи не перебѣленный», говорится въ Запискахъ Г. Н. Зеленина...

Утромъ на другой день, 2 Февраля, во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ колонны былъ прочитанъ отданный генераль-адъютантомъ Перовскимъ приказъ объ обратномъ выступленіи отряда на Эмбу... Приказъ этотъ произвелъ большое оживленіе въ колоннѣ: словно она получила разрѣшеніе выступить изъ зачумленнаго города...

Солдаты живо принялись разметывать глиняную стѣну и довольно солидный брустверь, сдѣланный

изо льда и снѣгу вокругъ всего укрѣпленія; затѣмъ, тщательно вынимали весь лѣсъ изъ землянокъ—рамы, дверные косяки, подпорины и пр., словомъ самый ничтожный кусочекъ дерева былъ бережно вынутъ и отложенъ для топлива во время предстоящаго обратнаго похода... Затѣмъ рассчитали, что можно взять съ собою на 2 т. уцѣлѣвшихъ еще верблюдовъ и что слѣдуетъ уничтожить. Болѣе 1,500 четв. ржаной муки и сухарей, т. е. 6-недѣльное продовольствіе всего отряда, было разсыпано по снѣгу и развѣяно по вѣтру; все излишнее желѣзо побросали въ Чушка-Бульское озеро. Бывшій въ плиткахъ бульонъ, болѣе 250 пудовъ, былъ частію розданъ людямъ на руки, а остальное рѣшили взять съ собою, наложивъ на верблюдовъ; но киргизы, при навьючкѣ и во время пути, бросали потихоньку бульонъ въ снѣгъ, такъ какъ они считали плитки эти ни къ чему негодными кирпичами, напрасно лишь отягчающими ихъ верблюдовъ, и когда впоследствии хватились этого бульона, не нашли въ обозѣ и стали требовать его отъ киргизовъ-верблюдовожатыхъ, то наивные сыны степей спокойно объявили, что они по прибытіи въ Оренбургъ, взаменъ этихъ маленькихъ кирпичей, обязуются доставить русскимъ войскамъ большіе, еще болѣе тяжелые, «настоящіе» глиняные кирпичи...

Вечеромъ 3 Февраля, наканунѣ выступленія, жгли всѣ сигнальныя ракеты и фальшвейеры; огонь и трескъ

отогнали далеко отъ укрѣпленія волковъ, сбравшихся цѣлыми стаями каждый вечеръ вблизи Чушка-Куля. Киргизы видѣли такой фейерверкъ въ первый разъ, и онъ имъ очень понравился. Передъ самымъ разсвѣтомъ колонна выступила въ обратный походъ, раздѣлившись, для удобства движенія въ пути, на четыре отдѣленія и устроивъ мины въ оставляемыхъ землянкахъ; когда вся колонна отошла отъ Чушка-Куля съ версту, зажженные фитили въ минахъ догорѣли, и начались взрывы... Киргизы въ суетвѣрномъ ужасѣ попадали на землю и долго тряслись какъ въ лихорадкѣ...

Въ день выступленія было 28° стужи, наканунѣ 30°, въ два послѣдующіе дня, т. е. 5 и 6 Февраля, было 27° при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ.

Обратный походъ изъ Чушка-Кульского укрѣпленія былъ рядомъ непрерывныхъ страданій и тяжелыхъ бѣдствій для отступающей колонны, таявшей съ каждымъ днемъ какъ воскъ на огнѣ... Несмотря на наступившій уже Февраль, морозы продолжали держаться все время отъ 26 до 29° по Реомюру, при сильныхъ вѣтрахъ и частыхъ буранахъ. На ночлегахъ колонна останавливалась иногда безъ всякаго порядка; какъ только слѣдовалъ сигналъ «стой,» то солдаты раскидывали свои джуламейки тамъ, гдѣ кого засталъ этотъ сигналъ... Единственными людьми, не

боявшимися морозовъ, были уральцы, выносливость коихъ была изумительна. Вотъ одинъ случай, происшедшій въ колоннѣ во время обратнаго похода на Эмбу. Денщикъ генерала Цюлковскаго Евтихій Сувчинскій повелъ, однажды, поить лошадей своего барина на озеро, попавшее на пути ночлега; прорубая ледъ желѣзнымъ ломомъ, онъ нечаянно уронилъ его въ воду; зная, что за эту оплошность придется заплатить спиною, Сувчинскій обратился къ Уральскимъ казакамъ, съ просьбою помочъ его горю, вытащить какъ-нибудь ломъ изъ воды...

— Почему не достать! — отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ: — достать можно; но только купи, братъ, полштофъ водки...

За этимъ конечно дѣло не стало: денщикъ сбѣгалъ къ маркитанту Зайчикову, купилъ водку и принесъ къ проруби. Казакъ преспокойно раздѣлся, его обязали веревкой, онъ спустился въ воду, нащупалъ ломъ, взялъ его въ руки и вынырнулъ на поверхность воды, въ проруби... Морозу въ это время было 31 градусъ. Казакъ накиннулъ на себя тупунъ и надѣлъ валенки, выпилъ съ меленькой передышкой весь полштофъ, схватилъ платье и побѣжалъ въ свою джуламейбу; тамъ уже онъ одѣлся какъ слѣдуетъ. Потомъ казакъ этотъ говорилъ пѣхотнымъ офицерамъ, видѣвшимъ всю эту исторію, что они, казаки, во время багренья рыбы на Уралѣ, часто упускаютъ въ воду свои пѣшни и достаютъ ихъ такимъ именно про-

стымъ способомъ, во время самыхъ сильныхъ морозовъ.

На упомянутое озеро отрядъ напалъ чисто случайно, уклонившись, во время бывшего наканунѣ бурана, съ стараго пути въ сторону. Озеро это было для колонны истиннымъ оазисомъ. Во-первыхъ, не надо было оттаявать снѣгъ для воды, для питья лошадамъ и верблюдамъ; а во-вторыхъ, по краямъ озера оказалась такая масса камня, что всѣ повеселѣли, развели огни, сварили себѣ горячую пищу и совершенно отогрѣлись. Уходя съ ночлега, всѣ очень жаждали, что за слабостію немногихъ, оставшихся въ живыхъ верблюдовъ, нельзя было захватить этого топлива съ собою въ запасъ... И дѣйствительно, до Эмбенскаго укрѣпленія въ колоннѣ никто почти не разводилъ огня ни для варки пищи, ни для того даже, чтобы немного отогрѣть заоченѣвшіе члены и согрѣть хотя одинъ чайникъ воды... Исключенія были очень рѣдки: если кому-нибудь изъ штабныхъ или имѣющихъ болѣе средствъ офицеровъ удавалось, съ помощію добычливыхъ уральцевъ, получить нѣсколько фунтовъ топлива, въ видѣ, напр., старой веревки, куска дерева или обломка доски и т. под., за все это платилось если не на вѣсъ золота, то почти на вѣсъ серебра.

Только въ одной джуламейкѣ молодыхъ топографовъ многіе замѣчали, что нѣсколько вечеровъ подъ рядъ горитъ тамъ соблазнительный огонекъ... Всѣ

удивлялись, откуда это у топографовъ завелись большія дѣньги на покупку топлива, и охотно пользовались радушнымъ приглашеніемъ молодыхъ людей выпить у нихъ стаканъ чаю... Тайна эта осталась въ то время не раскрытою, и лишь спустя 51 годъ, одинъ сѣдой, какъ лунь, 75-ти-лѣтній старикъ, отставной подполковникъ, добродушно улыбаясь, передавалъ мнѣ, что они жгли въ то время футляры и лубочные короба отъ имѣвшихся у нихъ различныхъ инструментовъ, астролябій, мензулъ, цѣпей и пр., а самые инструменты преспокойно укладывали въ холщевые мѣшки, которые были надѣты сверхъ этихъ футляровъ и коробовъ, избавляя такимъ образомъ себя отъ замерзанія, а верблюдовъ отъ лишней ноши.

Отъ замерзанія или, по крайней мѣрѣ, отъ болѣзни, происходящей вслѣдствіе продолжительнаго озанбанія тѣла, не спасали офицеровъ ни водка, ни спиртъ, ни ромъ, ни коньякъ; единственнымъ спасеніемъ былъ горячій чай. Пища у офицеровъ была немногимъ лучше, чѣмъ у солдатъ: запасы маркитанта Зайчикова были давно уже на исходѣ и продавались по баснословно дорогимъ цѣнамъ; никакихъ своихъ продовольственныхъ запасовъ у офицеровъ уже не было, и приходилось поэтому довольствоваться тѣми же сухарями, размоченными въ снѣговой водѣ... Оттого-то все и старались добыть хоть немножко топлива, чтобы имѣть возможность вскипя-

титъ чайникъ съ водой и напиться чаю. «Это необыкновенный напитокъ зимою», говорится въ одномъ частномъ письмѣ о походѣ въ Хиву; «по вышитіи двухъ стакановъ, тотчасъ разливается необыкновенная теплота по всему тѣлу, человѣкъ дѣлается свѣжѣе и бодрѣе, а усталость совершенно пропадаетъ»... По словамъ боевыхъ, заслуженныхъ офицеровъ, проведенныхъ все свои 35 лѣтъ службы въ степи. чай даже лѣтомъ, въ самый страшный жаръ, въ 2 и 3 часа дня, производитъ необыкновенно цѣлебное дѣйствіе: сначала появляется сильный потъ, а потомъ, когда тѣло обсохнетъ немного, то становится чрезвычайно легко, утомленіе проходить и человѣкъ дѣлается крѣпкимъ и свѣжимъ.

9-го февраля колонну застигнулъ въ пути необыкновенно жестокой, степной бурянь... Въ этотъ день, когда отрядъ выступалъ съ ночлега. было прекрасное, тихое утро съ небольшимъ, всего въ 4°, морозомъ; полагали, что днемъ, когда взойдетъ и начнетъ грѣть солнце, морозъ совсѣмъ исчезнетъ, или дойдетъ до поля; а потому, кто изъ офицеровъ имѣлъ тулупы, снялъ ихъ и велѣлъ убрать на верблюдовъ, валенки съ ногъ тоже все сняли, такъ какъ въ нихъ было очень тяжело идти по снѣгу. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ начался вѣтеръ, перешедшій въ скорѣ въ такой порывистый, что буквально свали-

валь пѣшихъ людей въ снѣгъ, а лошадямъ и верблюдомъ совѣмъ мѣшаль идти. Морозъ сталъ крѣпчать и дошелъ до 27°; замела такая вьюга, что въ десяти шагахъ ничего не было видно, и въ степи, среди бѣлаго дня, стало вдругъ такъ темно, какъ въ сумерки; словомъ, начался страшный буранъ, случающійся только въ здѣшнихъ необъятныхъ степяхъ, такъ прекрасно и вѣрно описанный въ «Капитанской Дочкѣ» Пушкина...

Генераль-адъютантъ Перовскій приказалъ остановить колонну, и всѣ, конечно, стали на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ захватила метель, такъ какъ идти, въ темнотѣ, было некуда. Верблюдовъ съ своими вьюками нашли въ этомъ адскомъ, степномъ хаосѣ, очень немногіе; джуламейки довелось раскинуть съ большими, самыми мучительными усиліями; обѣ огнѣ нечего, конечно, было и думать... Всю ночь свирѣпствовала эта разыгравшаяся снѣговая стихія; многіе готовились къ смерти. Вдругъ, на счастье отряда, къ утру буранъ сталъ стихать... Но когда совѣмъ разсвѣло, и надо было подняться съ ночлега, то прежде чѣмъ выступить въ походъ, довелось совершить печальный обрядъ нѣсколькихъ похоронъ разомъ... И лишь маленькіе снѣговые бугорки, образовавшіеся на мѣстѣ ночлега, могли повѣдать буйному вѣтру въ этой безлюдной степи о количествѣ жертвъ и о тѣхъ страданіяхъ, которыя выпали въ эту присно-памятную ночь на долю геройской горсти русскихъ воиновъ,

безмолвно и безропотно полагавшихъ животъ свой въ борьбѣ со стихійными силами...

ХІІ.

Возвращеніе на Эмбу.—Сага-темирскій лагерь.—Оффиціальныя и дѣйствительныя потери.—Двѣ новыя неудачи.—Желѣзная патура генерала Перовскаго.—Новая услуга султана Айчувакова.—Отъѣздъ генераловъ Перовскаго и Молостова въ Оренбургъ.—Прибытіе въ Оренбургъ.—Поляки и Татары и ихъ ожиданія.—Ходатайство о новой экспедиціи въ Хиву.—Отказъ изъ Петербурга.—Выступленіе отряда съ Эмбы.—Взрывъ укрѣпленія.

Между 15 и 17 февраля всѣ четыре отдѣленія колонны стали подходить къ Эмбенскому укрѣпленію, пройдя, слѣдовательно, 170 верстъ отъ Чушка-Куля въ 12—14 дней. Для нихъ, по распоряженію Перовскаго, были уже заготовлены особыя лазаретныя мѣста въ нѣсколькихъ верстахъ за Эмбой, по р. Сага-Темиру: для здоровыхъ людей поставлены новыя киргизскія кибитки, а для больныхъ просторныя камышевыя балаганы; лишніе котлы передѣланы на печи, и пр.; нѣсколько десятковъ уцѣлѣвшихъ верблюдовъ были отогнаны въ камыши, росшіе по берегамъ Сага-Темира, для самопрокормленія. Изъ двухъ тысячъ этихъ несчастныхъ животныхъ, взятыхъ колонною изъ Чушка-Куля, пало, за время 12—14 дней, 1780 годовъ, то-есть почти 90⁰/о...

Тотчасъ же по прибытіи въ Эмбу колонны, генераль-адъютантъ Перовскій отправилъ второе оффиціальное

донесеніе въ Петербургъ о неуспѣшномъ походѣ принятой экспедиціи въ Хиву. Къ сожалѣнію, это второе донесеніе также отступало отъ истины, какъ и приказъ, отданный въ Чушка-Кулъ объ обратномъ выступленіи отдѣльной колонны: какъ тамъ говорилось, что «люди свѣжи и бодры, лошади сыты, а запасы обильны», въ то время какъ люди мерли какъ мухи, а «запасовъ», на примѣръ, корма для верблюдовъ, сѣна и топлива, не было вовсе, такъ и въ этомъ донесеніи скрыта была истинная цифра погибшихъ людей. Даже и послѣ, по возвращеніи уже въ Оренбургъ всего отряда, когда, повидимому, трудно уже было скрыть потери, ихъ все-таки тщательно скрывали—съ очевидною, впрочемъ, цѣлью избѣжать гнѣва и упрековъ тогдашняго оффиціального Петербурга и его военного министерства, съ несимпатичнымъ и крайне пристрастнымъ военнымъ министромъ, гр. Чернышовымъ во главѣ. Такъ, объ умершихъ за послѣдніе три мѣсяца, т. е. со времени выступленія отряда изъ Оренбурга, показано было, что офицеровъ умерло 3, нижнихъ же чиновъ 758; а изъ Оренбурга, по возвращеніи всего отряда, донесено было, что умерло во время похода офицеровъ 5, нижнихъ же чиновъ 1054, да еще по прибытіи уже въ Оренбургъ, «исключительно цынготныхъ, умерло 609 человекъ». Слѣдовательно выходило, что умерло всего 5 офицеровъ и 1663 человека солдатъ; между тѣмъ, въ дѣйствительности умерло 11 офицеровъ и болѣе

трехъ тысячъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ изъ пяти-тысячнаго отряда, вышедшаго изъ Оренбурга, вернулось обратно менѣе двухъ тысячъ человекъ.

На Эмбу генераль-адъютантъ Перовскій прибылъ нѣсколькими днями ранѣе колонны, уѣхавъ впередъ послѣ бурана 10 февраля. Онъ пріѣхалъ едва живой: отрывшаяся еще въ Чушка-Кулъ рана въ груди мучила его страшно; ему нуженъ былъ безусловный покой, а онъ, какъ извѣстно, ѣхалъ за отрядомъ, хотя и въ возкѣ, но въ тѣ же двадцати и тридцати-градусные морозы. Плохою и изрытою дорогою его страшно било и качало; онъ даже не имѣлъ, во время послѣднихъ дней на пути къ Эмбѣ, ни теплой пищи, ни горячаго чая.

По прибытіи на Эмбу, генераль узналъ двѣ печальныя вѣсти. Первая состояла въ томъ, что десять парусныхъ судовъ, отправленныхъ въ октябрѣ 1839 года, изъ Астрахани на Ново-Александровскъ и далѣе съ различными запасами и продовольствіемъ для отряда, не могли, за противными вѣтрами, дойти до этого форта и вернулись обратно въ Астрахань. Слѣдовательно, на помощь съ этой стороны рассчитывать было нечего. Вторая печальная вѣсть, ожидавшая главноначальствующаго въ Эмбѣ, заключалась въ томъ, что нѣсколько сотъ свѣжихъ верблюдовъ, высланныхъ по его требованію изъ Оренбурга сюда, на Эмбу, были отхвачены въ степи Кайсаками; сопровождавшій же этихъ верблюдовъ корнетъ Аитовъ былъ

взять и переданъ (т. е. проданъ) тѣми же Кайсаками въ Хиву, въ неволю.

Но все это—и рана, и болѣзнь, и эти двѣ горькія вѣсти—въ счастію, не одолѣли атлетической природы генерала Перовскаго и его желѣзнаго здоровья, и по приходѣ въ Эмбу, десять дней спустя, онъ былъ настолько уже здоровъ, что сѣлъ на коня и отправился въ Сага-Темирскій лагерь посмотрѣть на остатки своихъ героевъ-солдатъ, изъ которыхъ, по его словамъ (сказаннымъ впоследствии военному министру), «каждый заслужилъ по золотому Георгію».

Въ началѣ марта; когда вернувшіеся изъ Чушка-Куля люди немного отдохнули, начались сборы и приготовленія къ обратному отступленію въ Оренбургъ. Но чтобы подняться и двинуться въ путь съ честью, т. е. не бросая артиллеріи, нужны были верблюды. Ихъ-то и не было почти въ отрядѣ. Тѣ, которые, вслѣдствіе крайняго изнуренія, оставались въ Эмбенскомъ укрѣпленіи, и тѣ, что недавно пришли съ колонной, не оправились еще, по неимѣнію подножнаго корма; къ тому же, всѣхъ-то ихъ осталось лишь около тысячи головъ отъ 10,450 штукъ, взятыхъ отрядомъ въ Оренбургъ. Но тутъ на помощь отряду явился все тотъ же султанъ Айчуваковъ и, по просьбѣ генерала Перовскаго, доставилъ, въ концѣ марта мѣсяца, 850 свѣжихъ и крѣпкихъ

верблюдовъ, вполнѣ пригодныхъ для пути. Изъ этого числа четыреста штукъ были опредѣлены для Перовскаго, его конвоя и штаба, а также и для всѣхъ тѣхъ больныхъ и изнуренныхъ офицеровъ, которые, по нездоровью своему, не могли оставаться долѣе въ Эмбенскомъ укрѣпленіи и нуждались въ серьезномъ и продолжительномъ лѣченіи. Весь остатокъ отряда, равно какъ и вся артиллерія, остались въ Эмбенскомъ укрѣпленіи до весны, или вообще до дальнѣйшихъ распоряженій изъ Оренбурга. Старшимъ въ оставшемся отрядѣ былъ назначенъ ген.-м. Толмачевъ, уже оправившійся отъ своей болѣзни; на Эмбѣ же были оставлены: ген.-л. Цюлковскій и полковники Бизяновъ, Кузьминскій, Геке и Мансуровъ. Отрядъ, оставленный въ укрѣпленіи, считался, по прежнему, состоящимъ изъ четырехъ колоннъ, и начальниками ихъ были назначены вышеназванные четыре полковника; генералъ же Толмачевъ былъ, такъ сказать, общимъ начальникомъ всего отряда, замѣнявшимъ отъѣзжающаго Перовскаго. Цюлковскому не было дано никакого назначенія.

1-го апрѣля 1840 года, генералъ-адъютантъ Перовскій, въ сопровожденіи совѣтъ больного, лежавшаго въ возкѣ безъ движенія, генерала Молоствова, а также и всѣхъ больныхъ офицеровъ и юнкеровъ, выступилъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія. Половина

400 верблюдовъ была запряжена по-парно и тройками въ кое-какъ сколоченныя сани и въ возки, гдѣ размѣщались больные офицеры, юнкера и нѣсколько десятковъ старыхъ, заслуженныхъ «кандидатовъ»; на остальныхъ двухстахъ верблюдахъ были въюки главноначальствующаго, его штаба, докторовъ, фельдшеровъ и больныхъ. Двадцать человекъ, участвовавшихъ отъ дивизиона конно-регулярнаго полка, были посажены на казачьихъ лошадей и состояли въ родѣ конвоя при генералѣ Перовскомъ; въ этомъ оригинальномъ караванѣ была лишь одна рота 2-го линейнаго баталіона—въ видѣ эскорта. Уѣзжая изъ укрѣпленія и прощаясь съ людьми, генералъ выразилъ надежду, что, быть можетъ, вскорѣ онъ вернется сюда съ новыми боевыми силами изъ Оренбурга—для новаго и болѣе удачнаго похода на Хиву; въ этихъ видахъ, какъ объяснилъ онъ людямъ, и остается пока въ укрѣпленіи вся артиллерія. Перовскій говорилъ это искренно: онъ надѣялся, что ему разрѣшатъ въ Петербургѣ двинуться еще разъ на Хиву.

Караванъ этотъ, сопровождаемый тѣмъ же услужливымъ султаномъ Айчуваковымъ, дошелъ, въ 12 дней, вполне благополучно, до нашей «линіи» по Ураду и остановился въ ближайшей на дорогѣ крѣпостцѣ Ильинской (нынѣ простая станица), расположенной всего въ 110 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь всѣ больные были помѣщены въ теплыя казачьи избы, которыхъ никто изъ отряда не видѣлъ болѣе 5-ти

мѣсяцевъ, и оставлены подъ наблюдениемъ сопровождавшихъ ихъ врачей и фельдшеровъ. Самъ же генераль Перовскій и весь его штабъ, равно какъ и генераль Молоствовъ, выѣхали въ Оренбургъ на почтовыхъ лошадяхъ, уже на колесахъ, такъ какъ садиный путь пропалъ и снѣгъ лежалъ лишь въ степи да по оврагамъ. Для Перовскаго и Молостова едва нашли въ станицѣ два дорожныхъ плетеныхъ тарантаса: въ одномъ помѣтился Молоствовъ съ докторомъ, въ другомъ Перовскій съ штабсъ-капитаномъ Никифоровымъ. Въ ночь съ 13 на 14 апрѣля эти два тарантаса въѣхали въ Оренбургъ.

Оренбургъ встрѣтилъ генераль-адъютанта Перовскаго еще менѣе привѣтливо, чѣмъ Парижъ, въ 1812 году, Наполеона I. Люди—«жрецы минутнаго, поклонники успѣха»—рѣшили уже, что карьера Перовскаго погублена навсегда, что дни его сочтены... что слѣдуетъ ожидать, со дня на день, отозванія его изъ Оренбурга... Съ особеннымъ, совсѣмъ уже не скрываемымъ злорадствомъ относились къ нему проживавшіе въ Оренбургѣ, въ довольно изрядномъ количествѣ, поляки, а за ними и татары: первые враждовали противъ генерала изъ-за его походныхъ отношеній къ Цюлковскому, о чемъ, конечно, давно уже знали въ Оренбургѣ изъ писемъ поляковъ, бывшихъ въ отрядѣ; татары же, надо пола-

гать, радовались собственно тому обстоятельству, что единовѣрная имъ Хива осталась во всей своей неприкосновенности, и гордыня ея не была и на этотъ разъ, сломлена.

На другой же день по возвращеніи Перовскаго въ Оренбургъ, отправлено было къ военному министру и на имя государя третье донесеніе о результатахъ «военнаго предпріятія въ Хиву». Въмѣстѣ съ донесеніемъ, генераль-адъютантъ Перовскій испрашивалъ высочайшаго соизволенія на новую экспедицію противу Хивы, которую предполагалъ начать съ конца мая мѣсяца. Отвѣтъ не замедлил себя ждать *): военный министръ гр. Чернышовъ сообщалъ Оренбургскому военному губернатору, что осуществленіе новаго похода въ Хиву не представляется возможнымъ и даже настоятельно необходимымъ... Такой отвѣтъ глубоко огорчилъ Перовскаго, тѣмъ болѣе, что онъ сопровождался письмомъ конфиденціального характера, писаннымъ какъ бы по порученію того же гр. Чернышова къ Перовскому однимъ изъ лицъ, близко въ то время стоявшихъ къ военному министру (Позеномъ). Въ письмѣ этомъ заключалась, между прочимъ, слѣдующая фраза, сказанная будто бы

---

*) Обыкновенная почта ходила изъ Оренбурга въ Петербургъ, въ то время, три недѣли; пакеты же, отправляемые съ фельдъ-егерями и курьерами, шли восемь дней.

княземъ Меншиковымъ въ отвѣтъ одному высокопоставленному лицу, на его вопросъ: слѣдуетъ ли предпринять новый походъ въ Хиву? Князь отвѣчалъ: — Для нынѣшняго царствованія довольно и одного такого неудачнаго похода *).

Получивъ отвѣтъ военнаго министра, Перовскій немедленно отправилъ приказаніе въ Эмбенское укрѣпленіе оставленному тамъ отряду прибыть въ Оренбургъ, взорвать на воздухъ стѣны и всѣ постройки въ укрѣпленіи. Вслѣдствіе этого распоряженія, генераль-лейтенантъ Толмачевъ выступилъ изъ Эмбы, всѣмъ отрядомъ, 18 мая, взявъ съ собою всю артиллерию и взорвалъ на воздухъ самое укрѣпленіе. Трескъ взлетѣвшихъ на воздухъ стѣнъ былъ послѣднимъ салютомъ немногимъ Русскимъ войнамъ, участвовавшимъ въ этомъ роковомъ, многострадальномъ походѣ, и теперь столь безславно отступавшимъ предъ невидимымъ непріателемъ, который не осмѣлился даже и подойти близко къ этому геройскому, маленькому отряду...

---

*) Князь Меншиковъ имѣлъ причины недолюбливать В. А. Перовскаго, вспоминая его службу въ морскомъ вѣдомствѣ, когда этотъ честнѣйшій человѣкъ возставалъ противу произвольныхъ и громадныхъ затратъ, дѣлаемыхъ въ этомъ министерствѣ.

XIII.

Что погубило экспедицію?—Во что обошлась она русской казнѣ?—Результаты этой экспедиціи.—Возвращеніе нашихъ плѣнныхъ — Обѣдъ, данный имъ въ Оренбургѣ.—Посоль хивинскаго хана Атанасъ-Хаджи — Освобожденіе задержанныхъ хивинцевъ.—Договоръ о свободной торговлѣ съ Хивкою.

Что же погубило эту экспедицію, такъ во-время задуманную и даже, для интересовъ и чести Россіи, столь необходимую? Этотъ тяжелый вопросъ напрашивается, въ концѣ концовъ, самъ собою... И теперь, когда со времени этой несчастной экспедиціи прошло болѣе полувѣка, мы, кажется, не только можемъ, но и должны, и обязаны отвѣчать на этотъ вопросъ прямо, не боясь высказать истину.

Первымъ погубителемъ этой экспедиціи былъ, несомнѣнно, генеральнаго штаба полковникъ *Θ. фонъ-Бергъ*, который далъ «совѣтъ лукавый» относительно пути на Хиву и даже намѣтилъ два пункта для укрѣпленій; но на указанномъ пути изъ Оренбурга до Эмбы оказались такіе глубокіе овраги, чрезъ которые, по нанесенному снѣгу, довелось устраивать повтонные мосты, и только такимъ образомъ переправлять чрезъ эти овраги артиллерію. Изъ двухъ укрѣпленій не годилось, какъ мы говорили уже, ни одно: въ Чушка-Куль вода оказалась настолько пагубною для здоровья людей, что, первое время, люди подозрѣвали, не отравлена ли она хивинцами?... А на второмъ пути отъ Эмбы къ Акъ-Булаку (или Чушка-Кулю) встрѣ-

тились двѣ высокія горы, которыхъ не знали даже названія и о самомъ существованіи коихъ не подозревали, и лишь киргизы султана Айчувакова объяснили господамъ «ученымъ» отряда, вооруженнымъ топографическою картою фонъ-Берга, что въ первой горѣ масса мѣди, а потому она и называется *Бакырзъ*, а вторая гора названа по имени убитаго на ней батыря *Али...*

Второю причиною неудачи экспедиціи, и самую главною, была необычайно суровая зима съ сильными морозами, частыми бурянами и глубокимъ снѣгомъ, какихъ не могли запомнить самые древніе старики-киргизы. Являлась, конечно, полная возможность избѣжать и этихъ морозовъ, и всей этой необыкновенной зимы съ ея глубокимъ снѣгомъ; но для этого надо было выступить изъ Оренбурга только мѣсяцемъ раньше, какъ, напр., выступила авангардная колонна подполковника Данилевскаго, дошедшая до Эмбы, какъ мы знаемъ, «вполнѣ благополучно». Также «благополучно» колонна эта могла бы дойти и до Хивы, если бы ей не надо было сидѣть на Эмбѣ и ожидать прибытія экспедиціоннаго отряда. Но дѣло въ томъ, что авангардъ *могъ* выйти изъ Оренбурга въ половинѣ октября, а колонна *не могла*: ея сборы не были вполнѣ окончены даже и въ половинѣ ноября, когда она выступала. Такія экспедиціи готовятся, по мнѣнію знатоковъ военнаго дѣла, годами, а не мѣсяцами.

Во главѣ экспедиціи поставленъ былъ, какъ мы видимъ, человѣкъ даровитый, закаленный въ бояхъ, образованный и очень любимый солдатами и офицерами. Но человѣкъ этотъ имѣлъ въ Петербургѣ такую массу враговъ (главнымъ образомъ, за свою безукоризненную, чисто-рыцарскую честность, выказанную имъ во все время службы, а главное, въ бытность его директоромъ канцеляріи начальника морского штаба), что ему «бросали палки въ колеса» всякій разъ, какъ только представлялся къ тому случай. В. А. Перовскій презиралъ своихъ враговъ и не боялся ихъ, но постоянно отъ нихъ терпѣлъ и мучился. А тутъ возстали противу него не только враги, но и стихіи: суровая зима, бураны, «противные вѣтры», отогнавшіе шедшую къ нему на помощь флотилію обратно къ Астрахани... Даже такіе робкіе номады, какъ Кайсаки, и тѣ осмѣлились, на этотъ разъ, сдѣлать разбойничье нападеніе на маленькій отрядъ, сопровождавшій пересылаемыхъ на Эмбу, къ отряду, верблюдовъ, забрали этихъ верблюдовъ, а также и офицера съ нѣсколькими человѣками, сопровождавшими транспортъ, и все это, въ качествѣ военныхъ трофеевъ, препроводили въ Хиву.

Было и еще одно обстоятельство и очень немаловажное, способствовавшее неудачѣ экспедиціи: это было традиціонное русское «авось». Въ качествѣ безпристрастнаго лѣтописца происходившихъ событій, мы должны упомянуть и объ этомъ серьезномъ фактѣ,

выплывающемъ на свѣтъ божій, между прочимъ, и изъ писемъ самого генерала Перовскаго. Вотъ, напр., что писалъ онъ московскому почтъ-директору Булгакову, 6 декабря 1839 года изъ Бишъ-Тамака (или Башъ-Талыка), пройдя отъ Оренбурга всего лишь 250 верстъ, т. е. немного болѣе шестой части всего пути до Хивы:

«До сихъ поръ стоятъ холода, хотя и очень сильныя но безъ вѣтру, котораго я, безъ защитнаго мѣста и безъ дровъ, особенно боюсь, потому что тогда *уже не знаю, какія принять мѣры, чтобъ избѣгнуть гибели...*»

Въ томъ же письмѣ, далѣе, генералъ Перовскій выражаетъ полное уже отчаяніе: «Лишь съ божіею помощью, пишетъ онъ, можемъ мы надѣяться, что преодолѣемъ стихіи и непріятеля; мы чувствуемъ, что если молитва наша не будетъ теперь же услышана, то *намъ придется погибнуть*».

А вотъ нѣсколько строкъ изъ письма того же генерала Перовскаго отъ 4 января 1840 года, писаннаго тому же Булгакову, съ Эмбы:

«Поить скотину (верблюдовъ и лошадей) даже и самихъ себя придется растаявшимъ снѣгомъ; но будетъ ли еще чѣмъ обратить его въ воду? *Вотъ тутъ-то и бѣда*: вотъ гдѣ нужна намъ будетъ помощь свыше; человекъ тутъ безсиленъ...»

Но выступая въ походъ, да еще такой, какъ хивинскій, немислимо было рассчитывать лишь на «по-

мощь свыше», и мудрая русская пословица не даромъ гласитъ: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай».

* Хивинская экспедиція обошлась, сравнительно, очень немного, если не считать погибнувшихъ солдатъ и офицеровъ: изъ ассигнованныхъ, на «военное предпріятіе противу Хивы», 1.698,000 рублей и 12 тысячъ червонныхъ (золотомъ), бережливый генераль издержалъ лишь немного болѣе полумилліона рублей; да башкирское войско, если перевести на деньги все, что оно доставило, истратило «болѣе милліона» рублей. Это «войско», какъ извѣстно, не платило въ то время никакихъ податей и не отбывало ни воинской, никакой иной повинности; а потому, привлекая его къ участию въ расходахъ на хивинскую экспедицію, Перовскій поступалъ вполне справедливо.

Но если бы даже на эту экспедицію истрачено было не полмилліона только русскихъ денегъ, но всѣ ассигнованные два и даже дважды-два милліона, то и тогда не слѣдовало бы объ этомъ много печаловаться. Если Англія пожертвовала болѣе 44 милліоновъ металлическихъ рублей на абиссинскую войну 1867—68 гг., для освобожденія нѣсколькихъ десятковъ своихъ подданныхъ, захваченныхъ абиссинцами, то нашему государству слѣдовало принести не меньшую жертву, памятуя о томъ, что въ неволѣ у хивинцевъ

гомятся не десятки русскихъ людей, а многія сотни. По счастію, почти всё наши плѣнники были освобождены хивинцами, въ томъ же 1840 году; и съ этой стороны неудачный походъ въ Хиву генерала Перовскаго далъ, совершенно неожиданно, желаемые результаты. Случилось это такъ. Едва только проживавшіе въ Гератѣ англичане узнали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что экспедиціонный отрядъ назначался не для изслѣдованія Аральскаго моря, а прямо для похода въ Хиву, они отправились сами въ Хиву и сумѣли склонить хана Алла-Кула на согласіе немедленно освободить русскихъ плѣнниковъ и установить съ нами правильныя торговыя сношенія, т. е. воспретить ограбленіе русскихъ купеческихъ каравановъ. Существуетъ извѣстіе, которое, по желанію англичанъ, держалось въ началѣ въ большомъ секретѣ, что за всѣхъ русскихъ плѣнныхъ англичане уплатили жадному Алла-Кулу своимъ собственнымъ золотомъ и даже приняли на себя всѣ путевыя издержки на обратное возвращеніе плѣнныхъ въ Оренбургъ: такъ велико было ихъ опасеніе новаго похода русскихъ войскъ на Хиву, въ успѣхъ коего могъ сомнѣваться лишь тупой и высокомѣрный правитель Хивы, гордый безводными и песчаными пустынями, окружавшими его ничтожное и безсильное государство.

И вотъ, 14-го августа 1840 года, прибылъ въ Оренбургъ корнетъ Аитовъ съ двумя русскими,

бывшими плѣнниками Хивы, взятыми имъ въ путь въ видѣ прислуги; а спустя нѣсколько дней, пришли въ Оренбургъ же 416 человекъ обоого пола русскихъ плѣнныхъ, томившихся долгіе годы въ Хивѣ, въ неволѣ. Ихъ сопровождалъ посланецъ хана Атаніасъ-Хаджи. При выступленіи ихъ изъ Хивы, каждому плѣннику дали на дорогу по золотому (4 рубля), по мѣшку муки и на каждахъ двухъ человекъ по одному верблюду. Эти несчастные встрѣчены были въ Оренбургѣ очень торжественно и радушно: въ ихъ присутствіи былъ отслуженъ въ соборѣ благодарственный молебенъ и затѣмъ устроенъ былъ для нихъ обѣдъ на открытомъ воздухѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ выстроенъ нынѣ театръ. Посмотрѣть на освобожденныхъ собралось полгорода, и въ это время разыгрывались тяжелыя и полныя глубокаго трагизма сцены: въ сѣдомъ, согбенномъ старикѣ иная женщина едва узнавала своего красавца-мужа, уведеннаго въ Хиву болѣе 25-ти лѣтъ назадъ; во взросломъ парнѣ, «уже потурчившемся», старуха-мать узнавала, по имени или по какимъ-нибудь особымъ, внѣшнимъ примѣтамъ, своего дорогого сына, схваченнаго киргизами десятилѣтнимъ мальчикомъ и проданнаго въ Хиву...

Плѣнные рассказали тогда участникамъ бывшей экспедиціи въ Хиву все подробно о снаряженіи двухъ-тысячнаго коннаго отряда туременовъ-іомудовъ, о гибели этого отряда и о той «побѣдѣ», которая праздновалась хивинцами, когда они узнали,

что русскій отрядъ покинулъ Чушка-Кульское укрѣпленіе и отступилъ на Эмбу.

Тѣ же плѣнные явились неумолимыми обвинителями и правдивыми свидѣтелями противу купца Зайчикова, бывшаго, такъ сказать, тайнымъ комиссіонеромъ по поставкѣ въ Хиву русскихъ невольниковъ. Они рассказывали, затѣмъ, что ихъ, по доставкѣ въ Хиву, всячески склоняли принять мусульманство, и въ случаѣ успѣха, женили на хивинкахъ. Съ дѣвушками поступали гораздо проще: ихъ прямо разбирали по гаремамъ. Если же замѣчали у плѣнника намѣреніе бѣжать, то дѣлали ему, немного повыше пятки, разрѣзъ, насыпали туда мелко нарѣзаннаго конскаго волоса и долго, искусственнымъ образомъ, растравляли рану, чтобы плѣннику нельзя было скоро ходить. Если же кто-нибудь изъ плѣнныхъ убѣгалъ изъ Хивы и его ловили, то сажали, въ страхъ другимъ, на колъ, и несчастный умиралъ въ жесточайшихъ мученіяхъ. Спасіись отъ казни, въ случаѣ поимки, былъ лишь одинъ исходъ—принять исламъ и жениться на хивинкѣ, что нѣкоторые и дѣлали. Возвращенные плѣнные объяснили при этомъ, что всѣхъ русскихъ людей жило въ Хивѣ въ неволѣ болѣе тысячи человекъ, преимущественно забранныхъ туркменами съ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ и поставленныхъ Зайчиковымъ; но что во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1829 году, умерло ихъ болѣе поло-

вины; что и теперь еще осталось въ Хивѣ нѣсколько десятковъ плѣнныхъ русскихъ—частью по доброй волѣ, особенно женщины, не пожелавшія бросить въ Хивѣ прижитыхъ ими дѣтей, а то и по неволѣ, оставленные самимъ ханомъ, особенно любимые имъ, личные его слуги, которые умоляли возвращавшихся плѣнниковъ похлопотать за нихъ у оренбургскаго начальства, дабы оно настояло и на ихъ возвращеніи. Вслѣдствіе этого, посланному хана, Атаніасу-Хаджи, было объявлено, что онъ и задержанные ранѣ хивинцы будутъ лишь тогда освобождены, когда ханъ возвратитъ всѣхъ остальныхъ русскихъ плѣнниковъ, насильно удержанныхъ имъ въ Хивѣ. Надо замѣтить, что въ Оренбургѣ содержалось подъ карауломъ тоже болѣе сотни хивинцевъ: ихъ забирали въ то время, когда они являлись на мѣнковой дворъ, по торговымъ дѣламъ. Мѣра эта подѣйствовала какъ нельзя лучше: въ концѣ того же 1840 года и въ Январѣ 1841 прибыли въ Оренбургъ изъ Хивы и всѣ остальные наши плѣнные; тамъ остались лишь три бѣглыхъ солдата, нѣсколько десятковъ потурчившихся женщинъ и около сотни калмыковъ, которые сами не пожелали вернуться на родину, такъ какъ, будучи магометанами, поженились на туркменкахъ и хивянкахъ и обзавелись семьями и своимъ хозяйствомъ.

Тотчасъ же по прибытіи нашихъ послѣднихъ плѣнныхъ, были отправлены въ Хиву всѣ забранные нами

ранѣе подданные хана Алла-Кула, надѣленные на дорогу болѣе щедро, чѣмъ надѣлены были наши. При отъѣздѣ изъ Оренбурга Атаніаса-Хаджи, съ нимъ былъ заключенъ обстоятельный торговый договоръ о безпрепятственномъ проходѣ въ Хиву и обратно русскихъ купеческихъ каравановъ, и посланецъ хана далъ обѣщаніе, отъ имени своего правителя, воспретить отнынѣ туркменамъ-іомудамъ и хивинскимъ киргизамъ грабить въ степи наши караваны *).

Такимъ образомъ, экспедиція, предпринимавшаяся въ Хиву, дала всѣ тѣ результаты, которые отъ нея желались и ожидались, то-есть возвращеніе плѣнныхъ и свободу торговли. Вслѣдствіе такихъ мирныхъ и покорныхъ дѣйствій хивинскаго хана, были отмѣнены въ томъ же 1840 году, по высочайшему повелѣнію, всѣ сдѣланныя генераломъ Перовскимъ, предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, распоряженія о новомъ походѣ въ Хиву. Приказъ о томъ былъ очень громкій, и воспослѣдовалъ онъ, главнымъ образомъ, по настоянію канцлера Нессельроде, очень желавшаго успокоить англичанъ и какъ бы извиниться предъ ними, что безъ ихъ позволенія мы рѣшились-было двинуться на Востокъ...

---

*) Къ сожалѣнію, договоръ этотъ не былъ даже оформленъ хивинцами, такъ какъ ханъ отказался, въ первое посольство наше въ Хиву, въ 1841 году, подписать его. Впослѣдствіи, въ 1842 году, новому нашему посольству, благодаря перемѣнѣ правителя въ Хивѣ, удалось-таки добиться подписанія торговаго договора, который, впрочемъ, выполнялся хивинцами недолго.

Слѣдуетъ упомянуть также и о главномъ результатѣ, который дала русскимъ военнымъ людямъ неудачная экспедиція генерала Перовскаго въ Хиву: она научила—*какъ снаряжать походы въ Среднюю Азію*. Горькимъ урокомъ 1839 г. воспользовался покойный К. П. Кауфманъ, не только въ системѣ и порядкѣ снаряженія самой экспедиціи и въ пути слѣдованія ея черезъ степь, но даже и во времени года: вмѣсто поздней осени, онъ двинулся въ Хиву раннею весною.

XIV.

Извѣстіе о поѣздѣ Государя за границу. — Отъѣздъ генерала Перовскаго въ Петербургъ. — Сухой приемъ у военнаго министра. — Томительныя ожиданія аудіенціи у Государя — Приглашеніе прибыть въ Михайловскій манежъ. — Сцена съ гр. Чернышovemъ. — Свиданіе съ Государемъ. — Переѣздъ въ Петергофскій дворецъ. — Представленія къ наградамъ. — Новые pomysлы о Хивинскомъ походѣ. — Отъѣздъ генерала Перовскаго за границу.

Когда генераль-адъютантъ Перовскій вернулся въ Оренбургъ, то вскорѣ изъ получаемыхъ имъ петербургскихъ писемъ онъ убѣдился окончательно, что о новомъ походѣ въ Хиву нечего было и думать; что, напротивъ, слѣдуетъ ѣхать въ Петербургъ, въ качествѣ обвиняемаго, и оправдываться. Объ этомъ, между прочимъ, писалъ ему неизмѣнно къ нему расположенный министръ двора, графъ В. Θ. Адлербергъ. Но ѣхать тотчасъ же въ Петербургъ было

немыслимо: Перовскій нуждался хотя въ небольшомъ отдыхѣ, а его оторывшаяся рана—въ лѣченіи; къ тому же, наступила въ Апрѣлѣ самая распутица.

Въ концѣ Апрѣля, Перовскій получилъ конфиденціальное письмо отъ московскаго почтъ-директора Булгакова *), извѣщавшее его, что государь собирается ѣхать въ Варшаву, а оттуда въ Эмсъ. Это извѣстіе было крайне непріятно для Перовскаго, который, будучи безъ вины виноватымъ, желалъ, конечно, оправдаться какъ можно скорѣе; а для этого ему необходимо были личное свиданіе съ государемъ, который (онъ зналъ и былъ увѣренъ) терпѣливо выслушаетъ его и не обвинитъ.

Въ половинѣ Мая генераль Перовскій выѣхалъ, наконецъ, въ Петербургъ. Онъ ѣхалъ безостановочно и пробылъ лишь одинъ день въ Москвѣ; тѣмъ не менѣе, онъ прибылъ въ Петербургъ лишь 3-го Іюня. За два дня передъ тѣмъ возвратился изъ-за границы государь; но графъ Адлербергъ, на содѣйствіе котораго и дружбу такъ рассчитывалъ Перовскій, не вернулся вмѣстѣ съ государемъ, а остался на нѣкоторое время въ Эмсѣ, при больной императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, лѣчившейся тамъ. Такимъ обра-

---

*) А. Я. Булгаковъ былъ, какъ называли его, „всеобщій *одолжитель“: онъ зналъ все и всѣхъ; для аристократическаго кружка Москвы онъ замѣнялъ нынѣшнія газеты и телеграфныя агентства. Этимъ и объясняются обстоятельныя сообщенія о походѣ въ Хиву, дѣлаемая, нарочито, Перовскимъ въ его письмахъ къ московскому почтъ-директору.

зомъ, Перовскій лишенъ былъ возможности представительства предъ государемъ и испрошенія у него аудіенціи.

На другой же день своего пріѣзда въ Петербургъ, генераль-адъютантъ Перовскій, въ силу обычной воинской дисциплины и установленнаго порядка, отправился представиться военному министру гр. Чернышову, своему завѣдомому недоброжелателю и тайному врагу. Гр. Чернышовъ принялъ его очень сухо, въ общей пріемной, ни о чемъ не спрашивалъ и на заявленіе Перовскаго, что онъ, по званію генераль-адъютанта и по должности командира отдѣльнаго корпуса, желалъ бы представиться государю, небрежно отвѣчалъ:

— Я извѣщу, когда государю благоугодно будетъ васъ видѣть...

Въ той же пріемной военного министра В. А. Перовскій могъ, лишній разъ, убѣдиться въ людскомъ ничтожествѣ, навѣкнемъ поклоняться лишь успѣху: нѣсколько человѣкъ изъ числа представлявшихся и одинъ директоръ канцеляріи министра, бывшіе давними знакомыми генерала Перовскаго, постарались его не узнать и отвернулись отъ него.

Генераль Перовскій вернулся отъ военного министра мрачный и почти больной, и для него настали самыя горькіе и тяжелые въ его славной и честной жизни дни: прошла недѣля, другая, третья—отъ военного министра нѣтъ извѣстія о днѣ представле-

нія государю... Графъ В. Ѳ. Адлербергъ былъ все еще за границей... Въ это время никто, кромѣ близкихъ родныхъ, даже не посѣщаль опальнаго губернатора: все сторонились отъ него, какъ отъ зачумленаго. Постояннымъ собесѣдникомъ его былъ одинъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, пріѣхавшій въ Петербургъ вмѣстѣ съ генераломъ; да еще заходили, изрѣдка, люди изъ кружка Жуковскаго и Плетнева, да пріятелі и друзья В. И. Даля, который лежалъ въ это время больной въ Оренбургѣ... Лѣто въ Петербургѣ стояло удушливое и пыльное, и переносить его было для генерала Перовскаго особенно тяжело; переѣхать же куда-нибудь на дачу, за городъ, генералъ не рѣшался — въ ежечасномъ ожиданіи приглашенія къ государю, который, возвратясь изъ-за границы, жилъ то въ Царскомъ Селѣ, то въ Петергофѣ, и наѣзжалъ въ душный Петербургъ изрѣдка, не болѣе какъ на нѣсколько часовъ. Наконецъ, въ концѣ 4-й недѣли томительнаго ожиданія, генераль-адъютантъ Перовскій получилъ отъ военнаго министра «приглашеніе» пожаловать на другой день въ Михайловскій манежъ, гдѣ имѣлъ быть разводъ въ присутствіи государя, которому онъ и можетъ-де представиться.

На другой день, въ девять часовъ утра, генераль В. А. Перовскій, одѣвшись въ полную парадную форму, былъ въ Михайловскомъ манежѣ. Оказалось, что все уже было готово, и лишь ожидали, съ ми-

нуты на минуту, прибытія государя и великаго князя Михайла Павловича; военный министр графъ Чернышовъ былъ тутъ же. Войдя въ манежъ и увидя, что въ сторонѣ войскъ, недалеко отъ праваго фланга, стоитъ небольшая группа генераловъ, съ членами и атташе какого-то посольства, В. А. Перовскій, обойдя ихъ, сталъ совѣмъ отдѣльно, неподалеку отъ этой группы. Военный министр, раздосадованный уже тѣмъ обстоятельствомъ, что ген.-адъютантъ Перовскій не подошелъ къ нему и обружавшей его свитѣ, послалъ тотчасъ же своего адъютанта съ порученіемъ—предложить присоединиться къ общей группѣ генераловъ, имѣющихъ представиться въ этотъ день государю.

Генераль молча выслушалъ адъютанта и стоялъ на одномъ мѣстѣ «какъ окаменѣлый» (по словамъ имѣющагося у насъ письма); затѣмъ, медленно началъ ходить взадъ и впередъ...

Прошло нѣсколько минутъ. Группа генераловъ и члены посольства съ недоумѣніемъ поглядывали на представительную фигуру молодого генерала, одѣтаго въ красивый мундиръ атамана казачьихъ войскъ съ генераль-адъютантскими вензелями и аксельбантами, въ высокомъ, мерлушчатомъ киверѣ съ длиннымъ султаномъ и этикетками, съ грудью, покрытою звѣздами и орденами—русскими и иностранными, съ массою разныхъ медалей, между которыми первое мѣсто занимала почетная медаль за войну 1812 г.;

а этотъ генералъ, опустивъ, по привычкѣ, на грудь свою красивую курчавую голову, медленно прохаживался взадъ и впередъ на маленькомъ, намѣченномъ имъ пространствѣ манежа, усыпаннаго пескомъ.

Въ свитѣ графа Чернышова, когда вернулся адъютантъ, произошло нѣкоторое недоумѣніе и даже волненіе; затѣмъ, военный министръ послалъ второго адъютанта съ слѣдующимъ приказаніемъ:

— Передайте ген.-адъютанту Перовскому, что военный министръ покорнѣйше проситъ его не нарушать обычнаго порядка и присоединиться къ общей группѣ лицъ, желающихъ представиться сегодня государю императору.

Адъютантъ передалъ это распоряженіе; но генералъ Перовскій выслушалъ его также молча и даже не приостановился въ своемъ медленномъ хожденіи взадъ и впередъ по песку манежа. Посланецъ, сильно озадаченный и переконфуженный, подѣхалъ къ военному министру и доложилъ ему о своей неудачѣ...

Спустя нѣсколько минутъ, все зашевелилось и поднялось: въ дверяхъ манежа показался императоръ, сопровождаемый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Государь подошелъ къ фронту, принялъ рапортъ военнаго министра и поздоровался съ людьми... Въ это время взглядъ его повернулся въ бокъ: онъ увидѣлъ, что въ сторонѣ отъ всѣхъ стоитъ монументальная фигура генерала, съ поднятою «подъ козырекъ» правую рукою...

Государь нахмурился: очевидно, нарушался «обычный порядок»...

— Кто это такой?—спросил онъ недовольнымъ голосомъ у военнаго министра.

— Это ген.-лейт. Перовскій, ваше величество.

— Перовскій?!—радостно воскликнулъ государь, и быстро направился къ одиноко стоявшему генералу...

— Здравствуй, Перовскій, здравствуй!!—торопливо заговорилъ Николай Павловичъ, и крѣпко поцѣловалъ Перовскаго.—Какъ я радъ, что вижу тебя!.. Давно-ли ты пріѣхалъ?

— Почти уже мѣсяцъ, какъ я въ Петербургѣ.

— Почему же ты не явился до сихъ поръ ко мнѣ?!—удивленно спросилъ императоръ.

— Такъ угодно было господину военному министру,—отвѣчала Перовскій.

Лицо государя омрачилось... Онъ взялъ подъ руку Перовскаго и, обращаясь къ великому князю, проговорилъ:—Замѣни, братъ, меня на сегодня,—и, совершенно не замѣчая графа Чернышова и его растеряннаго, поблѣднѣвшаго лица, вышелъ изъ манежа, по прежнему подъ руку съ Перовскимъ, посадилъ его съ собою въ коляску и повезъ во дворецъ... Въ тотъ же день вечеромъ, Перовскій, по приглашенію государя, переѣхалъ на жительство въ Петергофъ, гдѣ былъ въ это время дворъ, и ему были отведены во дворцѣ особыя покои.

Такимъ образомъ, вознагражденъ былъ этотъ му-

жественный, гордый и даровитый человекъ за все свои страданія и муки и за все приниженія, терпѣливо имъ вынесенныя. Въ лицѣ русскаго царя, нашелся единственный справедливый и милостивый судія дѣлъ и несчастій главнаго начальника экспедиціоннаго отряда, погибшаго въ неудачномъ походѣ въ Хиву *).

Болѣе двухъ дней императоръ Николай Павловичъ не отпускалъ отъ себя генерала Перовскаго ни на шагъ, какъ говорится: онъ внимательно спрашивалъ и выслушивалъ все, что касалось несчастнаго похода и его бѣдствій. Государь, по рассказамъ самаго Перовскаго, былъ особенно сильно пораженъ и тронуть до слезъ, когда бывший главный начальникъ отряда сталъ передавать ему подробно о страшной ночи на 10-е февраля, когда во время бурана все въ отрядѣ готовились къ смерти, и не стихни этотъ буранъ на другой день, на Эмбу не вернулся бы изъ «отдѣльной колонны» ни одинъ человекъ...

Государь самъ потребовалъ отъ Перовскаго, чтобы онъ немедленно сдѣлалъ общее представленіе къ наградамъ; при этомъ приказалъ ему представить буквально всехъ офицеровъ и генераловъ «и чтобы солдаты не были забыты»... Черезъ нѣсколько дней, представленіе это было сдѣлано и тотчасъ же утверж-

*) Въ Англии военные авторитеты того времени отдавали, тоже, должную дань героизму Перовскаго въ его несчастномъ походѣ. Съ особеннымъ уваженіемъ относился къ нему знаменитый Веллингтонъ, восхищавшійся, именно, мужествомъ и самоотверженіемъ Перовскаго, какъ военачальника.

дено государемъ, поручившимъ Перовскому «лично передать его графу Чернышову для исполненія».

Боже мой, какъ согнулись тогда передъ Перовскимъ всѣ тѣ, которые такъ недавно отъ него отворачивались и старались даже совсѣмъ не узнавать его!.. А онъ, довольный и счастливый, словно помолодѣвшій на нѣсколько лѣтъ, скромно ходилъ по аллеямъ Петергофскаго парка, опустивъ на грудь свою курчавую голову и обдумывая новый походъ въ Хиву, настоящую необходимость и неизбѣжность котораго онъ сознавалъ теперь болѣе, чѣмъ прежде. Но всѣ его попытки въ этомъ направленіи были графами Нессельроде и Чернышовымъ отклонены. Въ началѣ августа, у Перовскаго вновь открылась дурно залѣченная старая рана въ груди, и государь убѣдилъ его уѣхать лѣчиться за границу, пожаловавъ на эту поѣздку 20 тысячъ рублей (асс.).

XV.

Всеобщія награды.—Увольненіе отъ службы и смерть генерала Цюлковскаго.—Миссія капитана Никифорова въ Хиву и его смерть.—Трагическая кончина генерала Данилевскаго.—Генералы Молоствовъ и Геке.—Подполковникъ Г. Н. Зеленинъ.—Назначеніе въ Оренбургъ генерала Обручева.—Вторичная служба генерала Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ.—Коканскій походъ и взятіе крѣпости Акъ-Мечети.—Возведеніе въ графское достоинство.—Смерть графа В. А. Перовскаго.

Вѣсти изъ Петербурга о ласковомъ и милостивомъ приѣмѣ, оказанномъ генералу Перовскому государемъ, дошли до Оренбурга вмѣстѣ съ высочайшими прика-

зами о пожалованных за походъ наградахъ: эти вѣсти привезъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, явившійся въ Оренбургъ уже въ чинѣ капитана и съ пожалованнымъ ему орденомъ св. Владимира 4-ой степени съ бантомъ. Эти вѣсти, равно какъ и пожалованныя награды, сильно порадовали и оживили совѣмъ-было пріунывшихъ участниковъ похода, оставшихся еще въ живыхъ. Всѣ получили или ордена, или слѣдующіе чины и по годовому не въ зачетъ оклада жалованья; всѣмъ нижнимъ чинамъ были даны также денежные награды, а юнкера и унтеръ-офицеры топографы были произведены въ прапорщики; даже генераль-майоръ Цюлковскій получилъ Анненскую звѣзду, хотя, спустя всего недѣлю послѣ этой награды, въ Оренбургѣ полученъ былъ высочайшій приказъ, коимъ Цюлковскій увольнялся отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ. Эта отставка, состоявшаяся безъ желанія и прошенія жестокосердаго полка, сильно оскорбила его самолюбіе: онъ въ слѣдующую же ночь выѣхалъ въ свое имѣніе, отстоящее 80 съ чѣмъ-то верстъ отъ Оренбурга. Тамъ онъ вновь принялся-было за прежнее, истязуя уже не солдатъ, а своихъ крѣпостныхъ людей; но они не въ силахъ были перенести звѣрскія жестокости этого злого человѣка, и спустя всего три недѣли по отъѣздѣ Цюлковского изъ Оренбурга, въ этотъ городъ пришло извѣстіе, что генераль убитъ своими крѣпостными. Случилось это такъ.

Тотъ самый поварь, котораго Цюлковскій наказывалъ во время экспедиціи чуть не ежедневно, рѣшился избавить ерѣвостную дворню отъ злаго барина, ставшаго еще болѣе злымъ по прїѣздѣ въ деревню, вслѣдствіе своей невольной отставки. Для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, поварь выбралъ темный и теплый августовскій вечеръ. Въ домѣ были отворены всѣ окна. Цюлковскій сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ книгу, облокотившись головою на ладонь правой руки; пуля попала ему прямо въ високъ, такъ что онъ не пошевельнулся и даже не перемѣнилъ позы — какъ сидѣлъ, прислонившись къ письменному столу, такъ и остался. Поварь, взглянувъ послѣ выстрѣла въ окно, и увидя, что баринъ не упалъ, вообразилъ, что промахнулся и бросился бѣжать; неподалеку отъ дома была картофельная яма, въ которой онъ и спрятался; тамъ онъ просидѣлъ до утра, пока мимо ямы шли на работу крестьяне и громко говорили о смерти барина. Услышавъ слово «смерть», поварь догадался, что онъ не далъ промаха, вышелъ изъ ямы, прямо прошелъ въ домъ, гдѣ былъ уже становой приставъ, объявилъ ему о своей винѣ и спокойно отдался въ руки правосудія. Таковъ, значитъ, былъ страхъ предъ генераломъ Цюлковскимъ, что предстоящее повару наказаніе чрезъ палача, на эшафотѣ, было ничто въ сравненіи съ тѣми истязаніями, которымъ могъ подвергнуть виновнаго самъ Цюлковскій, если бы поварь промах-

нулся. «Такимъ образомъ окончилъ свою жизнь этотъ варваръ рода человѣческаго», говорится въ имѣющихся у меня запискахъ подполковника Г. Н. Зеленина.

Остается сказать еще нѣсколько словъ, о другихъ дѣйствующихъ лицахъ нашего повѣствованія.

Капитанъ Никифоровъ былъ назначенъ, по рекомендаціи генерала Перовскаго, начальникомъ миссіи въ Хиву, отправленной туда въ 1841 г. Но онъ держалъ себя съ ханомъ Алла-Куломъ съ такимъ достоинствомъ, а по словамъ хивинцевъ «такъ гордо и дерзко», что не добился у нихъ ничего и уѣхалъ изъ Хивы въ Оренбургъ съ неподписаннымъ торговымъ договоромъ. Возвращаясь, затѣмъ, съ отчетомъ о своей неудачной миссіи въ Петербургъ, онъ заѣхалъ по дорогѣ къ своей старушкѣ-матери въ ея маленькое имѣніице, находившееся близъ Сызрани, и тамъ неожиданно умеръ отъ разрыва сердца.

Командиръ авангардной колонны полковникъ Данилевскій отправился въ Хиву въ слѣдующемъ 1842 г., во главѣ цѣлаго посольства, добился-таки отъ хана подписанія торговаго трактата, былъ произведенъ за это въ генералъ-маіоры и перешелъ на службу въ Петербургъ. Жизнь свою онъ окончилъ трагически. Будучи замѣчательно красивъ собою и имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду, онъ страстно влюбился въ одну славянскую владѣтельную княжну и пользовался взаим-

ностью; но на бракъ этотъ не согласились ея родители и рѣшили увезти ее на родину. Въ осеннія сумерки, на первой же почтовой станціи отъ Петербурга къ Москвѣ, едва только заложили лошадей въ карету, въ которой ѣхало семейство княжны и она сама, какъ къ лошадямъ спереди подошелъ высокаго роста молодой генераль и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ. Лошади поднялись—было на дыбы, затѣмъ рванулись впередъ, и карета проѣхала по трупу уже скончавшагося Данилевскаго...

Генераль-маіоръ Молоствовъ, воспротивившійся отступленію отряда съ Эмбы, былъ въ послѣдствіи наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска; а полковникъ Геке, въ чинѣ генераль-лейтенанта, назначенъ былъ наказнымъ же атаманомъ Уральскаго казачьяго войска.

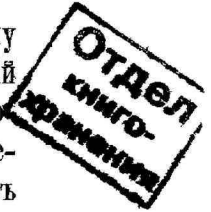
Ген.-лейт. Толмачевъ, погубившій окончательно свое здоровье во время экспедиціи, получилъ орденъ Бѣлаго Орла, полную пенсію и уѣхалъ къ себѣ на родину, въ Тамбовскую губернію.

Сошли въ могилу почти и всѣ остальные участники героическаго зимняго похода въ Хиву въ 1839 году, и въ настоящее время, по прошествіи болѣе полувѣка со времени этой экспедиціи, въ Оренбургѣ и его уѣздахъ находятся въ живыхъ нѣсколько лишь человѣкъ, которые весьма охотно и съ замѣчательною скромностію рассказываютъ о всѣхъ ужасахъ, выпавшихъ на ихъ долю въ Хивинскомъ походѣ.

Изъ унтеръ-офицеровъ топографовъ, бывшихъ въ отрядѣ совсѣмъ юношами, были живы еще (въ 1891 г.) два брата Зеленины, оба подполковники въ отставкѣ; старшій изъ нихъ, Георгій Николаевичъ, составившій краткія записки о зимнемъ походѣ въ Хиву, получаетъ шестисотъ-рублевую пенсію и настолько былъ бодръ и крѣпокъ, что служилъ безвозмездно членомъ мѣстнаго отдѣленія Крестьянскаго Поземельнаго Банка.

Вмѣсто генераль-адъютанта Перовскаго, командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и военнымъ губернаторомъ былъ вскорѣ же назначенъ генераль-лейтенантъ Обручевъ, оставившій по себѣ въ Оренбургѣ добрую память честнаго и вполне доступнаго человѣка.

Залѣчивъ кое-какъ свою тяжелую турецкую рану за границей, генераль-адъютантъ В. А. Перовскій вернулся въ Россію, и его вновь стало тянуть на Востоку. Онъ горячо доказывалъ необходимость и неизбежность нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію. Его благосклонно выслушивали, но не соглашались съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки добился учрежденія въ Оренбургѣ особаго генераль-губернаторства и былъ первымъ генераль-губернаторомъ, назначеннымъ на этотъ постъ. Въ это время, сосѣдніе съ нами владѣтели средне-азиатскихъ ханствъ вновь подняли головы и стали чинить нанимъ торговымъ людямъ всяческія обиды и притѣсненія. Дер-

зость ихъ особенно усилилась въ то время, когда они узнали, что единовѣрная имъ Турція находится съ нами въ войнѣ. Вслѣдствіе этого, въ 1853 году былъ предпринятъ генераль-губернаторомъ В. А. Перовскимъ знаменитый Коканскій походъ, окончившійся для насъ полною побѣдою и взятіемъ сильной коканской крѣпости Акъ-Мечети, переименованной впоследствии въ «Фортъ-Перовскій». За этотъ собственно походъ Перовскій и возведенъ былъ, въ 1855 г., въ графское достоинство.

Оренбургскимъ краемъ В. А. Перовскій управлялъ до половины 1856 года. Въ августѣ онъ уѣхалъ изъ Оренбурга въ Москву, на коронацію покойнаго Государя Александра Николаевича, и болѣе уже не возвратился въ излюбленный имъ край: годы, долгій плѣнь, походы и раны сломили, наконецъ, желѣзный организмъ Перовскаго... Онъ, по совѣту врачей, уѣхалъ въ Крымъ, и тамъ, въ имѣніи князя Воронцова Алупкѣ, 8 декабря 1857 года, тихо скончался—одинокимъ какъ и жилъ. А такъ какъ онъ, предчувствуя свою скорую кончину, говорилъ, всего за недѣлю до смерти, окружающимъ, что радуется тому, что умираетъ вблизи Чернаго моря, постоянный шумъ и плескъ котораго ему такъ нравится, то его и похоронили въ извѣстномъ Георгіевскомъ монастырѣ, расположенномъ вблизи Севастополя, на отвѣсномъ берегу моря; мѣсто же для гроба графа Василія Алексѣевича Перовскаго было высѣчено въ скаль,

омываемой у своего подножія волнами этого вѣчно
 неспокойнаго моря...

Э п и л о г ъ.

Съ времени зимняго похода въ Хиву прошло
 33 года. Въ Хивѣ и въ Россіи смѣнились правители:
 Хивою заправлялъ гордый Мухамедъ-Рахимъ-Богу-
 даръ-Ханъ, въ Россіи царствовалъ императоръ Алек-
 сандръ Николаевичъ. Но нравы руководителей хи-
 винской политики и ихъ недоброжелательныя отно-
 шенія къ Россіи не измѣнились за это время къ луч-
 шему; подущаемые иноземными совѣтниками, они,
 напротивъ, становились, годъ отъ году, хуже и хуже.
 Хивинцы не хотѣли признавать даже тѣхъ догово-
 ровъ, которые были, ранѣе, ими же самими подпи-
 саны. Когда мѣра русскаго долготерпѣнія, наконецъ,
 истощилась, предпринять былъ знаменитый походъ
 въ Хиву, подъ общимъ начальствомъ генераль-адъю-
 танта К. П. Кауфмана, — и вотъ, въ саду Хивин-
 скаго хана, 2-го іюня 1873 года, произошла слѣ-
 дующая историческая сцена, которую мы, ради ея
 глубокаго интереса, и позволимъ себѣ привести
 здѣсь.

«Ханъ Мухамедъ-Рахимъ-Богударъ вернулся, на-
 конецъ, въ Хиву и явился къ побѣдителю.

«Генераль Кауфманъ принялъ его подъ вязыми

предъ своею палаткой. Здѣсь была платформа изъ кирпичей, устланная теперь коврами, уставленная стульями и столами. На этой-то платформѣ произошло первое свиданіе генерала Кауфмана съ ханомъ.

«Едва разнесся по Хивѣ слухъ о пріѣздѣ хана, всѣ собрались вокругъ генерала Кауфмана, интересуясь видѣть властелина, о которомъ слышали такъ много. Теперь онъ довольно смиренно вѣхалъ въ свой собственный садъ, сопровождаемый свитой чело-вѣкъ въ двадцать; когда же подѣхалъ къ концу коротенькой аллеи изъ молодыхъ тополей, ведущей къ палаткѣ генерала Кауфмана, то сошелъ со своего богато-убраннаго коня и пошелъ пѣшкомъ, снявъ свою высокую баранью шапку. Онъ поднялся на маленькую платформу, сидя на которой ему, вѣроятно, часто приходилось самому видѣть выраженія почти-тельнѣйшей покорности своихъ подданныхъ, и сталъ на колѣна предъ генераломъ Кауфманомъ, сидѣвшимъ на своемъ походномъ стулѣ... Затѣмъ, онъ отодвинулся немного дальше, не сходя однако съ платформы, покрытой, вѣроятно, его собственнымъ ковромъ, и остался на колѣняхъ.

«Ханъ чело-вѣкъ лѣтъ тридцати, съ довольно пріятнымъ выраженіемъ лица, когда оно не отуманивается страхомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ.. У него красивыя большіе глаза, слегка загнутый орлиный носъ, рѣдкая бородка и усы и крупный, чувственный ротъ. По виду, онъ мужчина очень крѣпкій

и могучій, ростомъ въ цѣлыхъ шесть футовъ и три дюйма, плечи его широки пропорціонально этой вышинѣ и, на взглядъ, вѣсу въ немъ должно быть никакъ не меньше шести, даже семи пудовъ. Одѣтъ онъ былъ въ длинный ярко-синій шелковый халатъ, на головѣ была высокая хивинская шапка. Смиренно сидѣлъ онъ, полу-стоя на колѣняхъ, предъ генераломъ Кауфманомъ, едва осмѣливаясь поднять на него глаза. Едва ли чувства хана были пріятнаго свойства, когда онъ очутился, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, у ногъ Туркестанскаго генераль-губернатора, славнаго «арымъ-падишаха». Два человѣка эти представляли любопытный контрастъ: генераль Кауфманъ ростомъ былъ чуть ли не на половину меньше хана, и въ улыбка, скользившей по его лицу, когда онъ смотрѣлъ на сидящаго у его ногъ *русскаго историческаго врага*, сказывалась не малая доля самодовольства. Казалось, что трудно бы и подобрать болѣе рѣзкое олицетвореніе побѣды ума надъ грубою силой, усовершенствованнаго военнаго дѣла надъ первобытнымъ способомъ веденія войны, чѣмъ оно являлось въ этихъ двухъ мужчинахъ. Во времена рыцарства ханъ этотъ, со своею могучею фигурой великана, былъ бы чуть не полубогомъ; въ рукопашномъ бою онъ обратилъ бы въ бѣгство цѣлый полкъ, весьма вѣроятно былъ бы настоящимъ «Соеуг де Лион»; а теперь самый послѣдній солдатъ въ русской арміи былъ, пожалуй, сильнѣе его!

— Такъ вотъ, ханъ, — сказалъ генераль Кауфманъ, вы видите, что мы, наконецъ, и пришли васъ навѣстить, какъ я вамъ обѣщаль это еще три года тому назадъ...

Ханъ. — Да, на то была воля Аллаха.

Генераль Кауфманъ. — Нѣтъ, ханъ, вы сами были причиной этому. Если бы вы послушались моего совѣта три года тому назадъ и исполнили бы тогда мои справедливыя требованія, то никогда не видали бы меня здѣсь. Другими словами, если бы вы дѣлали то, что я вамъ говорилъ, то никогда бы не было на то воли Аллаха.

Ханъ. — Удовольствіе видѣть ярымъ-падишаха такъ велико, что я не могъ бы желать какой-нибудь перемѣны.

Генераль Кауфманъ (смѣясь). — Могу увѣрить васъ, ханъ, что въ этомъ случаѣ удовольствіе взаимно... Но перейдемъ къ дѣлу. Что вы будете дѣлать? Что думаете предпринять?

Ханъ. — Я предоставляю это рѣшить вамъ, въ вашей великой мудрости. Мнѣ же остается пожелать одного — быть слугой великаго Бѣлаго Царя.

Генераль Кауфманъ. — Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугой его, а другомъ. Это зависитъ отъ васъ однихъ. Великій Бѣлый Царь не желаетъ свергать васъ съ престола: онъ только хочетъ доказать, что онъ достаточно могущественъ, чтобы можно было оказывать ему пренебреженіе, и въ этомъ,

надѣюсь, вы теперь достаточно убѣдились. Великій Бѣлый Царь слишкомъ великъ, чтобы вамъ мстить. Показавъ вамъ свое могущество, онъ готовъ теперь простить васъ и оставить по прежнему на престолѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ мы съ вами, ханъ, поговоримъ въ другой разъ.

Ханъ.—Я знаю, что дѣлалъ очень дурно, не уступая справедливымъ требованіямъ русскихъ, но тогда я не понималъ дѣла, и *мнѣ давали дурные совѣты*; впередъ я буду лучше знать, что дѣлать. Я благодарю великаго Бѣлаго Царя и славнаго ярымъ-падишаха за ихъ великую милость и снисхожденіе ко мнѣ и всегда буду ихъ другомъ» *).

Сцена эта вознаграждала Россію за все: за гибель отряда князя Бековича-Черкаскаго, за оскорбленія, чинимыя нашимъ посламъ, за захватъ и тяжкую неволю русскихъ подданныхъ, за грабежи торговыхъ каравановъ, словомъ *за все*—даже за неудачу зимняго похода 1839 года...

*) „Военныя дѣйствія на Окезѣ и паденіе Хивы“, сочиненіе Макъ-Гахана. Лондонъ, 1874 года („Русскій Вѣстникъ“, 1875 г.).

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ

ВЪ 1842 Г.

По рассказамъ и запискамъ очевидцевъ.

Материалами для настоящей статьи послужили записки проживавшаго въ Оренбургѣ, нынѣ покойнаго, подполковника Г. Н. Зеленина, а равно и устные рассказы двухъ казаковъ, бывшихъ въ конвоѣ, сопровождавшемъ наше посольство въ Хиву въ 1842 году. Посольство это было первою дипломатическою попыткою съ русской стороны къ сближенію съ Хивой, — и лица, составлявшія посольство, имѣли полную возможность присмотрѣться къ внутреннимъ порядкамъ ханства, существовавшимъ тамъ болѣе полвѣка назадъ. Ни въ официальномъ описаніи путешествія и занятій этой «миссіи» — какъ названо было это посольство на дипломатическомъ языкѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, — описаніи, составленномъ коллежскимъ регистраторомъ Григорьевымъ, ни въ

появившейся впоследствии, въ одномъ изъ специальныхъ военныхъ журналовъ, краткой статьёю объ этомъ посольствѣ нѣтъ тѣхъ чрезвычайно интересныхъ и характерныхъ подробностей, которыя мнѣ довелось встрѣтить въ запискахъ покойнаго Зеленина и услышать устно—какъ отъ него самаго, такъ равно и отъ другихъ участниковъ посольства, во время моего проживанія въ 1889 и 1890 гг. въ Оренбургѣ.

I.

Миссія въ Хиву капитана Никифорова и его біографія — Неудача этой миссии — Смерть Никифорова — Отправка изъ Хивы сановника Набиева и его поѣздка въ Петербургъ. — Отказъ Набиева вступить въ переговоры. — Состоявшаяся въ Петербургѣ рѣшеніе — отправить новое посольство въ Хиву.

Несчастный походъ въ Хиву въ 1717 году князя Бековича-Черкаскаго, погибшаго со всѣмъ своимъ отрядомъ, и почти столь же несчастная участь отряда генераль-адъютанта В. А. Перовскаго въ 1839 году сдѣлали Хиву какъ бы заколдованною и недоступною для русскаго оружія. Въ правящихъ сферахъ Петербурга явилось убѣжденіе, что взять Хиву военною силою очень трудно и почти невозможно, именно вслѣдствіе ея отдаленности, а главное, безводности окружающихъ ее песчаныхъ пустынь... Рѣшено было, поэтому, перейти на мирную почву и начать съ этимъ ханствомъ дипломатическія сношенія, отправивъ въ Хиву уполномоченное и довѣренное лицо для личныхъ переговоровъ съ самимъ ханомъ Алла-Куломъ. Выборъ палъ на капитана генераль-

наго штаба Никифорова, недавняго участника неудачнаго похода въ Хиву. Объ этомъ офицерѣ будетъ не лишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ.

Капитанъ П. А. Никифоровъ, какъ я уже говорилъ въ моей первой статьѣ «Зимній походъ въ Хиву», находился за все время этого похода при генералѣ Перовскомъ, былъ его правою рукою и de facto начальникомъ штаба. Главное, чѣмъ дорожилъ генералъ Перовскій въ Никифоровѣ, это былъ его слогъ: онъ такъ хорошо владѣлъ перомъ, что никто, кромѣ него, не могъ въ этомъ отношеніи угодить молодому и немножко капризному начальнику; перу же Никифорова принадлежали и всѣ представленія въ Петербургъ о необходимости похода на Хиву. За этотъ походъ Никифоровъ былъ произведенъ (въ 1840 г.) въ капитаны и получилъ Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ. Наружность у Никифорова была также очень замѣчательная и характерная: онъ былъ небольшого роста, широкоплечій и чрезвычайно подвижной; при этомъ онъ такъ быстро выражалъ свои мысли, то есть такъ скоро говорилъ, что на первыхъ порахъ весьма лишь немногіе могли понимать его рѣчь. Главное же, что поражало всѣхъ въ наружности Никифорова, — были «его огненные глаза, которые такъ и сыпали искрами», по картинному выраженію Зеленина въ его «Запискахъ»; многіе военные того времени, хорошо знав-

шіе по Петербургу поэта Лермонтова, находили, что «огненные глаза» Никифорова были совершенно схожи съ его глазами. Вотъ этотъ-то человекъ и былъ посланъ въ Хиву, къ гордому хану Алла-Кулу, въ качествѣ особо-уполномоченнаго лица для переговоровъ.

Съ капитаномъ Никифоровымъ было послано въ Хиву очень ограниченное количество спутниковъ: съ нимъ отправились двое топографовъ унтеръ-офицерскаго званія, Петровъ и Челпановъ, для съемонокъ, если удастся ихъ сдѣлать въ-тайнѣ отъ хивинцевъ, караванъ-баша и 12 человекъ уральскихъ казаковъ при урядникѣ. Эта импровизованная «миссія» отправилась изъ Оренбурга въ Хиву въ августѣ мѣсяцѣ 1841 года. Къ сожалѣнію, не осталось почти никакихъ письменныхъ слѣдовъ о томъ, какъ добрались эти люди до Хивы и что тамъ сдѣлали... Дѣло въ томъ, что, окончивъ свою миссію и благополучно вернувшись въ Оренбургъ, Никифоровъ приступилъ было къ составленію отчета, но, по распоряженію военнаго министра, былъ вызванъ въ Петербургъ лично; по дорогѣ туда онъ заѣхалъ къ своей старушкѣ-матери, въ ея имѣніе близъ Сызрани, и тутъ неожиданно умеръ отъ разрыва сердца. Послѣ его смерти, изъ Оренбурга распорядились, конечно, сейчасъ же забрать все его бумаги и переписку, но въ нихъ не оказалось ничего толковаго и яснаго, такъ какъ ни по дорогѣ въ Хиву, ни на обратномъ пути Никифо-

ровъ, изъ опасенія, чтобы его бумаги не попали въ руки къ хивинцамъ, не велъ ни дневника, ни какихъ-либо другихъ систематическихъ путевыхъ записокъ; у него оказались лишь отрывочныя замѣтки, писанныя карандашомъ, на клочкахъ бумаги и, вдобавокъ, ни для кого не понятнымъ шрифтомъ, такъ что не довелось воспользоваться и этими отрывочными свѣдѣніями. Только отъ спутниковъ Никифорова, топографовъ Петрова и Челпанова, удалось узнать, что наша миссія не имѣла въ Хивѣ никакого успѣха, отчасти влѣдствіе дерзкаго обхожденія Никифорова съ министрами хана, къ которымъ онъ въ первое же съ ними свиданіе держалъ черезъ переводчика такую рѣчь:

«Вы должны прилипнуть къ Россіи, какъ рубашка къ тѣлу, потому что Россія такая ббольшая держава, что если упадетъ на васъ, то раздавитъ совершенно—такъ же, какъ моя обувь давитъ мелкихъ козавокъ на дорогѣ» и т. д. въ томъ же родѣ.

Такое краснорѣчіе не могло, конечно, особенно понравиться министрамъ Хивы, тѣмъ болѣе, что они находились еще въ чаду славы отъ неудавшагося зимняго похода Перовскаго; поэтому министры, хотя и приняли предложенные имъ подарки и вели не мало разговоровъ съ Никифоровымъ, но ни въ какія письменныя обязательства не пожелали вступитъ, и онъ вынужденъ былъ уѣхать изъ Хивы почти ни съ чѣмъ. Единственнымъ, впрочемъ, результатомъ этой миссіи

было отправленіе къ намъ изъ Хивы, вмѣстѣ съ Никифоровымъ, особаго посольства подѣ начальствомъ сановника Вансвая Набіева со свитою въ 16 человекъ.

О прибытіи этого посольства въ Оренбургъ было донесено министру иностранныхъ дѣлъ, графу Нессельроде; на это послѣдовало высочайшее повелѣніе — отправить посла съ его свитою въ Петербургъ, для чего и было ассигновано на путевыя издержки двѣ тысячи рублей.

10-го марта посольство Набіевъ прибыло въ Петербургъ и вскорѣ былъ представленъ ко двору. Императоръ Николай принялъ посла довольно милостиво и обладалъ его. Почти два мѣсяца пробыло это посольство въ Петербургѣ, дивясь на невиданныя имъ дотошъ зданія, корабли и многія другія чудеса русской столицы. Вступитъ же съ посломъ въ какіе-либо серьезные переговоры оказалось невозможнымъ, такъ какъ онъ ссылался на то, что, безъ предварительнаго доклада сути переговоровъ своему повелителю, хивинскому хану, онъ не можетъ согласиться ни на что; посылать же проектъ договора въ Хиву и ждать оттуда отвѣта было, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, немислимо; поэтому посольство это отправилось 9-го мая обратно въ Оренбургъ (и Хиву), одаренное различными подарками — часами, тонкимъ сукномъ, дорогимъ бархатомъ и атласомъ, и проч.

Такъ какъ посольство Набіевъ заявилъ все-таки, что

Хива была бы не прочь заключить желаемый Россією формальный договоръ, то въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и рѣшено было снарядить въ Хиву особое посольство съ подробными полномочіями на предметъ заключенія съ хивинскими правителями торгового и мирнаго трактата. Посольство это положено было отправить въ Хиву вмѣстѣ съ возвращавшимся туда посломъ Набіевымъ, для чего и велѣно было удержать послѣдняго въ Оренбургѣ нѣкоторое время, впредь до окончательнаго снаряженія нашего посольства.

Въ то время оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и завѣдывающимъ гражданскою частью былъ генераль Обручевъ, человекъ честный и доступный, но крайне медлительный; ему потребовалось почти три мѣсяца на снаряженіе назначеннаго посольства.

II.

Составъ новаго посольства въ Хиву и его снаряженіе.—Полковникъ Данилевскій.—Инструкци, данныя посольству.—Подарки.—Выступленіе посольства изъ Оренбурга.—Первая аудіенція у хана Алла-Кула.—Исторія съ каретой.—Посѣщеніе министровъ и сдѣланные имъ подарки.—Второй приемъ у хана.—Умышленное затягиваніе переговоровъ.—Смерть Алла-Кула и воцареніе новаго хана.

Во главѣ нашего посольства въ Хиву былъ поставленъ, по рекомендаціи генерала В. А. Перовскаго, полковникъ Данилевскій, человекъ вполнѣ до-

стойный своего высокаго назначенія и того довѣрія, которое было оказываемо ему въ данномъ случаѣ. Въ бывшемъ зимнемъ походѣ въ Хиву онъ былъ командиромъ авангарднаго отряда генерала Перовскаго и былъ однимъ изъ немногихъ начальствующихъ лицъ, не потерявшихъ энергіи, мужества и распорядительности въ этомъ трагическомъ походѣ; по окончаніи его подполковникъ Данилевскій былъ произведенъ въ полковники и получилъ Владимира 4-й степени съ мечами.

Кромѣ полковника Данилевскаго, въ составъ посольства вошли слѣдующія лица: два офицера корпуса военныхъ топографовъ, братья Зеленины, произведенные въ офицеры за хивинскій походъ, въ которомъ они участвовали, «натуралистъ» Базинеръ, писмоводитель (онъ же и личный секретарь Данилевскаго), коллежскій регистраторъ Григорьевъ, взятый изъ «пограничной комиссіи», переводчикъ, караванъ-баба и 20 казаковъ подъ начальствомъ хорунжаго Кищиченкова. Кромѣ того, изъ Оренбурга было взято пять чѣловѣкъ киргизовъ испытанной вѣрности и ловкости, хорошо знавшихъ степь и не разъ уже побывавшихъ въ Хивѣ. При посольствѣ было 40 верблюдовъ и 35 лошадей, изъ коихъ 28 были подъ казаками и чиновниками, 5 у киргизовъ, а 2 лошади были выѣздныя—подъ карету-ландо, которую везли въ подарокъ хану. Къ этому каравану полковника Данилевскаго присоединился въ

Оренбургѣ приказчикъ купца Пичугина, Бочаровъ, бывавшій ранѣе въ Хивѣ съ товарами же и порядочно говорившій по-хивински. Этотъ смѣлый русскій человѣкъ и теперь ѣхалъ въ Хиву съ нѣсколькими верблюдами, нагруженными различными товарами, принадлежащими его хозяину.

Посольству полковника Данилевскаго было ассигновано на расходы 5 тысячъ червонцевъ; въ томъ числѣ: 700 на подарки и 989 на экстраординарные расходы, то есть на взятки хивинскимъ министрамъ и чиновникамъ; остальные 3,311 червонцевъ назначались, слѣдовательно, на всѣ путевые и прочіе расходы посольства. Кромѣ денегъ полковнику Данилевскому были вручены также многіе подарки: для самого хана—вышеупомянутая карета-ландо съ откиднымъ верхомъ, пара прекрасныхъ упряжныхъ англійскихъ лошадей съ серебряною вызолоченною сбруей, дорогіе бронзовые подсвѣчники для тумбъ (бра), особаго устройства часы *), органъ, два куска

*) Часы эти были столовые, прекрасной шварцвальдской работы, подъ стекломъ. Во все время хода, въ такъ маятника, качались находившіяся надъ часами двѣ маленькія птички, а во время боя выскакивала изъ верхней форточки обыкновенная кукушка. Ханъ былъ, говорятъ, сильно удивленъ замысловатымъ механизмомъ часовъ, и, убѣжденный, что это выскакиваетъ „шайтанъ“, велѣлъ „спрятать подалше“ этотъ подозрительный русскій подарокъ. Вторые такіе же часы, но уже безъ колпака, который въ дорогъ разбился, были привезены для наследника хивинскаго престола, но не могли, пока, быть переданы по назначенію, такъ какъ наследникъ этотъ проживалъ въ Хазараспѣ, въ 90 верстахъ отъ Хивы.

ліонскаго бархата и два же куска атласа. Для министровъ и другихъ важныхъ чиновниковъ Хивы было взято нѣсколько золотыхъ часовъ, сукно, бархатъ и атласъ и нѣсколько десятковъ головъ сахара — подарка, особенно цѣнимаго и любимаго хивинцами.

Отправляя полковника Данилевскаго въ Хиву, наше правительство поручило ему укрѣпить, прежде всего, наше нравственное вліяніе на хивинцевъ и въ то же время ослабить вліяніе Хивы на нашу киргизскую степь; затѣмъ, на Данилевскаго возлагалась обязанность передѣлать и точнѣе опредѣлить нашу южную границу съ Хивою (по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ), а также по сѣверному берегу Арала и сѣверному же склону Усть-Урта. Кромѣ того, въ гласной инструкціи, данной полковнику Данилевскому, предлагалось выхлопотать у хана Алла-Кула право держать въ Хивѣ постоянного русскаго агента, а также добиться у хивинцевъ освобожденія изъ плѣна персидскихъ невольниковъ, число которыхъ доходило въ то время до 1,500 человекъ, и составить, главное, формальный торговый договоръ съ Хивою, ограждающій наши купеческіе караваны отъ нападений туркменовъ и предоставляющій русскимъ купцамъ право свободно торговать по всей Хивѣ. На Данилевскаго было возложено въ то же время и еще одно порученіе, секретное, выраженное ему словесно въ самый день выѣзда его изъ Оренбурга: ему поручено было сдѣлать военно-топографическую съемку не только

того пути въ Хиву, по которому онъ пойдетъ, но въ возможной мѣрѣ и самой Хивы, и окружающихъ ее городовъ и оазисовъ; для этого въ свиту Данилевскаго и были даны топографы, два брата Зеленины, офицеры испытанной опытности и смѣтливости.

Только 1-го августа 1842 года посольство это, сопутствуемое возвращавшимся въ Хиву сановникомъ хана Набіевымъ и его свитою, выступило наконецъ изъ Оренбурга... Дорогою шли безъ дневокъ и продолжительныхъ роздыховъ, и въ половинѣ сентября безъ всякихъ особыхъ приключеній добрались до Хивы; шли на Эмбу, Усть-Уртъ и вдоль западнаго берега Аральскаго моря. Въ предѣлы ханства вступили послѣ сорока-трехъ-дневнаго безостановочнаго похода и были встрѣчены на самой границѣ охраннымъ конвоемъ, высланнымъ изъ Хивы; 19-го же октября посольство съ своимъ караваномъ прошло чрезъ самый городъ Хиву и остановилось въ небольшомъ ханскомъ «дворцѣ», выстроенномъ въ саду на окраинѣ города и состоящемъ всего изъ нѣсколькихъ неважныхъ комнатъ; садъ былъ обнесенъ довольно высокою каменною стѣною.

Гордый хивинскій ханъ Алла-Буль принялъ полковника Данилевскаго не сразу: подъ разными благовидными предлогами онъ оттягивалъ аудіенцію... Наконецъ, 30-го октября, нашъ посоль въ сопровожденіи переводчика и побывавшаго въ Петербургѣ сановника Набіева былъ принятъ ханомъ. Мехтеръ

(главный министр, онъ же и военный) представлялъ хану членовъ посольства по старшинству, называя ихъ чины и фамиліи. Приемъ нашему послу былъ оказанъ гордый и холодный: ханъ, хотя и пригласилъ полковника Данилевскаго сѣсть, но даже не взглянулъ на преподнесенные ему подарки и не пожелалъ подойти къ окну, чтобы увидѣть стоявшую у подъѣзда карету *), запряженную прекрасными англійскими лошадьми въ блестящей сбруѣ. Черезъ переводчика ханъ сказалъ лишь Данилевскому, что онъ «соглашается» вести переговоры, но не сейчасъ,

*) Съ этой каретой-ландо вышло маленькое недоразумѣніе. Полковникъ Данилевскій, огорченный холоднымъ приемомъ хана, забылъ приказати своему конюху, доставившему карету къ ханскому двору, чтобы онъ объяснилъ и показалъ бы „штальмейстеру“ хана, какъ снимается и откидывается верхъ кареты, въ закрытый же со всѣхъ сторонъ экипажъ ни ханъ, ни его жены не рѣшались сѣсть. Въ карету сѣдлись лишь дѣти хана и катались по двору, но экипажъ при этомъ едва-едва двигался—по слѣдующей смѣшной причинѣ: когда въ день представления посольства карету привезли на ханскій дворъ и остановили у крыльца, то нашъ конюхъ изъ опасенія, что лошади не будутъ спокойно стоять, взялъ и затормозилъ колесо, а потомъ, когда сѣдалъ карету и пошелъ домой, не снялъ тормоза и ничего не сказалъ объ этомъ хивинцамъ, а они сами не догадались этого сдѣлать... Чтобы карета шла легче и быстрее, хивинские конюхи запрягали въ нее уже своихъ лошадей—по десяти и болѣе штукъ, но карета, тѣмъ не менѣе, не двигалась все-таки скорѣе.. Послѣ уже, когда хивинцу, кучеру хана, объяснили значеніе тормоза и показали, какъ надо откидывать верхъ, ханъ сѣлъ въ открытый, такимъ образомъ, экипажъ и торжественно проѣхалъ въ немъ по городу, при чемъ все населеніе Хивы высыпало на улицы смотрѣть на невиданный кортежъ.

а «подумаетъ»... что онъ пришлетъ къ полковнику Данилевскому своихъ уполномоченныхъ и дастъ знать ему также о времени, когда можетъ принять его вторично.

Нѣсколько дней спустя, къ полковнику Данилевскому явились дѣйствительно хивинскіе министры, въ количествѣ восьми человекъ; пріѣхали они къ Данилевскому, какъ сами заявили, «въ гости», а не по дѣламъ; это означало: преподнеси «гостямъ» подарки... Они ѣхали верхами, имѣя каждый позади себя на той же лошади углана, мальчика лѣтъ 10—12-ти; министръ входилъ въ домъ, а мальчикъ со-скакивалъ съ лошади, привязывалъ ее и затѣмъ, подавалъ своему господину кальянъ и вообще прислуживалъ ему. Усѣлись всѣ на полу, на коврахъ и подушкахъ, и началось угощеніе; подали прежде всего чай, налитый въ стаканы, привезенные Данилевскимъ съ собою и незнакомые вовсе хивинцамъ, которые поэтому и не знали, какъ пить изъ нихъ, и лишь жгли себѣ руки... Данилевскій, впрочемъ, нашелся: онъ взялъ свой стаканъ и налилъ изъ него чай въ блюдце; глядя на него, то же самое сдѣлали и господа министры *).

---

*) Въ послѣдующее пріѣзды въ наше посольство министровъ, стаканы были замѣняемы для нихъ обыкновенными чайными чашками, которыя нашлись въ продажѣ у торговца Бочарова, имѣвшаго рѣшительно все, что требовалось азіатамъ — ситцы, трубки, чай и сахаръ, бусы, ножи, и проч. Мальчикамъ, со-

По окончаніи чая, поданы были фрукты и сласти; затѣмъ каждому изъ министровъ даны были подарки—по дорогому шелковому халату, по куску сукна, по кинжалу въ серебряной оправѣ кавказской работы, по фунту чая и по небольшой. фунтовъ въ десять, головѣ сахара. Подарки дѣлались не вдругъ, а съ антрактами, во время чаенія и угощенія лакомствами. Последній подарокъ, то-есть сахаръ, понравился, очевидно, болѣе всего; ко всѣмъ первымъ подаркамъ министры относились съ обычною флегмою восточныхъ челоуѣковъ; но какъ только поставили около каждаго изъ нихъ по головѣ сахара, то они защелкали языками въ знакъ ообого удовольствія и поднялись съ мѣста, ⁴—что значило: мы получили, чего ожидали, и вполне довольны на этотъ разъ... Сахаръ въ то время былъ въ Хивѣ большою рѣдкостью и продавался едва ли не на вѣсь серебра; къ тому же, изъ всѣхъ подарковъ, сдѣланныхъ гостямъ, это былъ единственный, который они могли преподнести своимъ женамъ въ гаремахъ.

Спусти нѣсколько дней, полковникъ Данилевскій, въ сопровожденіи переводчика, обоихъ братьевъ Зелениныхъ, хорунжаго Кириченкова и натуралиста

провождавшихъ министровъ, чай подавался сначала въ фаянсовыхъ же чашкахъ; но такъ какъ они по окончаніи чая прятали каждый разъ эти чашки за пазуху, то имъ стали подавать чай въ простыхъ глиняныхъ чашкахъ мѣстнаго издѣлія, продававшихся на базарѣ въ Хивѣ.

Базинера, отдалъ визитъ хивинскимъ министрамъ и принялъ ихъ угощеніе; впрочемъ, угощеніе это было очень скромное: чай, который подавался безъ сахара, и сушеные фрукты... сахару же дали въ самомъ концѣ, по нѣсколько кусковъ каждому гостю.

10-го ноября ханъ принялъ полковника Данилевскаго вторично и уже болѣе ласково; но, ссылаясь на свою болѣзнь, сказалъ, что разговаривать о дѣлахъ онъ пока не находитъ возможнымъ и поручаетъ это своимъ министрамъ, подъ предсѣдательствомъ мехтера. Вслѣдствіе этого, гг. министры стали навѣщать полковника Данилевскаго все чаще, и каждый разъ ихъ надо было надѣлять подарками, а между тѣмъ о дѣлѣ они говорили мало и неохотно... Данилевскій сталъ тревожиться прежде всего за то, хватить-ли у него подарковъ для министровъ хана, если они станутъ умышленно затягивать и откладывать переговоры. Эти опасенія онъ высказалъ сопровождавшимъ его лицамъ, и на общемъ совѣтѣ рѣшено было приступить въ первое же свиданіе съ министрами хана къ письменному составленію проекта договора Россіи съ Хивою. Между тѣмъ, министры прекратили свои посѣщенія, что еще болѣе встревожило наше посольство... Вдругъ, 23-го ноября, по городу Хивѣ распространился слухъ, что ханъ Алла-Куль умеръ (нѣсколько дней назадъ), и что въ Хивѣ царствуетъ уже другой ханъ...

Воцареніе это совершилось тайно, по слѣдующимъ

причинамъ. Какъ только ханъ Алла-Куль испустилъ духъ, то главный министръ, мехтеръ, распорядился тотчасъ же послать гонца въ Хазараспъ, къ старшему сыну хана, наслѣднику престола, чтобы онъ немедленно прибылъ въ столицу Хивы, для вступленія на престоль; самую же смерть хана мехтеръ сохранялъ пока въ глубокой тайнѣ, о которой знало во дворцѣ лишь нѣсколько человѣкъ; остальные же считали хана тяжело больнымъ, но еще не умершимъ. Мехтеръ опасался, чтобы дяди наслѣдника, родные братья умершаго хана, узнавъ о его смерти, не вздумали до прибытія законнаго наслѣдника захватить престоль въ свои руки и не начали бы изъ-за этого рѣзни, что не разъ бывало уже въ Хивѣ ранѣе, когда нѣсколько претендентовъ начинали оспаривать другъ у друга право на вакантный хивинскій престоль. На этотъ разъ удалось предотвратить распри: наслѣднаго принца привезли въ Хиву ночью, воцарили и только на другой день, утромъ, объявили народу о смерти бывшаго хана и о воцареніи новаго. Но и послѣ этого въ теченіе цѣлаго мѣсяца стража въ двѣсти человѣкъ отборныхъ туркменъ-іомудовъ охраняла ворота въ крѣпость, гдѣ находился дворецъ хана; воротъ этихъ было двое и карауль раздѣлялся на двѣ половины.

III.

Ухудшеніе дѣлъ посольства и злодѣйскій умыселъ хивинцевъ.— Сергѣй-ага.— Рѣшимость посольства защищаться до послѣдняго человѣка.—Находчивость и мужество полковника Данилевскаго и спасеніе посольства.—Окончаніе переговоровъ и подписаніе мирнаго трактата.

При новомъ ханѣ дѣла русскаго посольства пошли еще хуже. Начать съ того, что новый ханъ долго, подѣ разными благовидными и неблагоприятными предлогами, отказывался принять полковника Данилевскаго; наконецъ, когда принялъ, то не пригласилъ сѣсть и вообще держалъ себя во время аудіенціи еще болѣе холодно и гордо, чѣмъ его предшественникъ. Однако всѣ преподнесенные ему подарки принялъ*).

Съ тѣхъ поръ члены русскаго посольства стали замѣчать, что отношенія къ нимъ хивинцевъ круто измѣнились къ худшему: всѣ и вездѣ, начиная отъ встрѣчавшихся иногда министровъ и окончивая торговцами на базарѣ, стали поглядывать на русскихъ враждебно и косо, а иногда и прямо задирать ихъ, явно вызывая на ссору... Отношенія, такимъ образомъ, обострялись все болѣе и болѣе и положеніе посольства становилось тяжелымъ и, видимо, опаснымъ:

---

*) Между этими подарками были и шварцвальдскіе столовые часы съ тѣмъ же самымъ затѣйливымъ механизмомъ, съ двумя птичками и кукушкой, которые были преподнесены умершему хану (только безъ стекляннаго, разбитаго уже колпака).

что могли подѣлать эти несчастные тридцать человекъ русскихъ людей, находящіеся за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своей родины, отдѣленные отъ нея едва проходимыми сыпучими песками и окруженные десятками тысячъ дикаго и крайне враждебнаго имъ племени?!..

Но Провидѣнію не угодно было допустить гибели горсти этихъ отважныхъ русскихъ людей, и они были спасены.

Однажды, вечеромъ, къ занимаемому посольствомъ «дворцу» подѣхалъ верхомъ, безъ мальчика, «министръ артиллеріи» хивинской, Сергѣй-ага, котораго Данилевскій видѣлъ въ ханскомъ дворцѣ во время приѣма, и о которомъ говорили, что онъ будто служилъ ранѣе въ нашемъ войскѣ. Оставивъ лошадь казачу, онъ вошелъ въ помѣщеніе, занимаемое Данилевскимъ и пожелалъ ему «здравія» на чистомъ русскомъ языкѣ... Затѣмъ, оставшись съ Данилевскимъ съ глазу на глазъ, онъ сообщилъ подъ большимъ секретомъ, что какъ самому Данилевскому, такъ и всему его посольству до послѣдняго человека предстоитъ въ самомъ скоромъ времени участь отряда князя Бековича-Черкаскаго; что въ засѣданіи «военнаго совѣта», подъ предѣдательствомъ самого хана, рѣшено истребить посольство; что противъ этого рѣшенія были только два голоса: его, Сергѣя-аги; и мехтера, военнаго министра, и что только поэтому приведеніе замысла въ исполненіе отложено на нѣко-

торое время, впредь до новаго засѣданія по этому дѣлу... Ни способоѡ спасенія, ни совѣтоѡ Сергѣй-ага не указалъ и не далъ Данилевскому, да и не могъ дать безъ риска собственной жизнью; онъ лишь торопился уѣхать отъ Данилевскаго какъ можно скорѣе и не замѣченнымъ... Уходя, онъ сообщилъ о томъ, что онъ дѣйствительно русскій, служилъ на Кавказѣ въ артиллеріи фейерверкеромъ, убилъ, не стерпѣвъ обиды, батарейнаго командира и усилъ убѣжать въ горы, къ черкесамъ; оттуда, опасаясь, что его все-таки возьмутъ когда-нибудь, ушелъ въ Персію, а затѣмъ въ Хиву *).

Получивъ отъ Сергѣя-аги такое важное сообщеніе и имѣя многія основанія ему вѣрить, полковникъ Данилевскій тотчасъ же пригласилъ всѣхъ своихъ спутниковъ на совѣтъ. Рѣшено было прежде всего изготовиться къ возможной оборонѣ и защищаться до послѣдней капли крови, отнюдь не отдаваясь въ плѣнъ,

---

*) Впослѣдствіи члены посольства узнали о своемъ спасителѣ слѣдующія свѣдѣнія. Явившись въ 1830 г. въ Хиву, Сергѣй-ага исправилъ хивинцамъ всѣ орудія Бекевича-Черкаскаго, устроилъ къ нимъ новыя лафеты и передки, отлилъ ядра и, пользуясь полученнымъ отъ англичанъ порохомъ, имѣлъ огромный успѣхъ и рѣшающее значеніе въ недавней войнѣ Хивы съ Бухарою, за что и вешель въ особую милость къ бывшему хану Алла-Кулу, назначившему его „министромъ артиллеріи“, т. е. командиромъ той маленькой батареи, которую онъ сформировалъ изъ лежавшихъ безъ употребленія болѣе ста лѣтъ пушекъ, захваченныхъ отъ измѣннически истребденнаго отряда Черкаскаго. Сергѣй-ага женился въ Хивѣ сначала на плѣнной русской дѣвушкѣ, взятой киргизами подъ Оренбургомъ; а потомъ, когда она умерла,

такъ какъ всё хорошо знали, что, взявъ кого-нибудь живьемъ, хивинцы все равно потомъ убьютъ плѣннаго, подвергнувъ его предварительно самымъ жесточайшимъ мученіямъ, которыя только они способны будутъ придумать. Изъ членовъ посольства не доставало лишь одного офицера-топографа Зеленина 1-го, который, переодевшись въ простое платье, уѣхалъ съ торговцемъ Бочаровымъ за Хиву, къ оазисамъ, для выполненія секретнѣйшаго и крайне рискованнаго порученія, возложеннаго на него Данилевскимъ, именно для топографическихъ съемокъ путей и мѣстностей, окружающихъ городъ Хиву, а также и другихъ меньшихъ городовъ ханства; за Зеленинымъ тотчасъ же былъ посланъ нарочный киргизъ изъ числа бывшихъ при посольствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, полковникъ Данилевскій рѣшилъ обратиться прямо къ мехтеру, какъ къ главному «министру» Хивы и человѣку, на сочувствіе

то ханъ въ знакъ особаго своего благоволенія, далъ ему въ жены кровную хивинку хорошей фамилии; это была еще не виданная честь въ Хивѣ, такъ какъ всѣмъ плѣннымъ, невольникамъ и вообще нехивинцамъ, давали обыкновенно въ жены плѣнныхъ персіанокъ или русскихъ, покупаемыхъ отъ оренбургскихъ киргизовъ. Въ Хивѣ Сергѣ-ага жилъ хорошо: онъ самъ устроилъ себѣ въ городѣ русскую избу (только не изъ бревенъ, а изъ камня) съ лавками, палатами и русскою печью; въ углу у него висѣли иконы, привезенныя ему изъ Оренбурга, по его приказу, бухарскими купцами; онъ даже самъ водку гналъ изъ винограда.. Этою водкой и русскими же пирогами съ начинкой онъ не разъ потомъ, заѣзжая въ посольство, потчевалъ „господъ офицеровъ“, а также и конвойныхъ казаковъ.

котораго, по разсказу Сергѣя-аги, можно было рассчитывать, не показывая ему однако и виду, что посольство уже предупреждено объ опасности.

На другой же день послѣ посѣщенія Сергѣя-аги, рано утромъ, Данилевскій, взявъ съ собою лишь одного казака, отправился въ домъ мехтера, который тотчасъ же принялъ его. Послѣ первыхъ же привѣтствій Данилевскій спросилъ министра: слѣдуетъ-ли посольству вести переговоры далѣе и ожидать ихъ окончанія и подписанія формальнаго договора, или же, въ виду явныхъ въ послѣднее время уклоненій правительства Хивы отъ веденія этихъ переговоровъ, считать ихъ неудавшимися и законченными, и въ такомъ случаѣ посольство выступить изъ Хивы на слѣдующій же день.

Мехтеръ, по обычаю восточныхъ дипломатовъ, отвѣчалъ (черезъ переводчика, конечно) уклончиво и неопредѣленно, ссылаясь на неопытность молодого хана, на разногласія, возникшія въ средѣ его новыхъ совѣтниковъ по поводу договора съ русскими, и проч. затѣмъ, предложивъ Данилевскому чай, распорядился въ то же время послать за другими министрами. Данилевскій еще разъ повторилъ ханскимъ министрамъ то, что высказалъ мехтеру и въ заключеніе прибавилъ:

— Когда мы шли къ вамъ, то умершій ханъ Алла-Куль выслалъ на границу Хивы, для нашей встрѣчи и охраны, особый конвой; теперь же, когда мы будемъ возвращаться назадъ, я попрошу васъ

передать хану мое почтительное заявленіе, что никакая охрана намъ не нужна: объявляю вамъ, именемъ великаго Бѣлаго царя, что если кто-нибудь въ Хивѣ позволитъ себѣ не только напасть на насъ, но даже просто оскорбить, то отъ всего вашего ханства не останется камня на камнѣ. Помните, что русскіе въ гостяхъ у васъ въ четвертый уже разъ *) и дорогу къ вамъ знаютъ, и что если они придутъ съ оружіемъ, то вамъ уже не удастся обмануть ихъ такъ, какъ сдѣлали это ваши дѣды съ княземъ Черкасскимъ...

Одной этой мужественной рѣчи было вполне достаточно, чтобы ханскіе министры заговорили совсѣмъ другимъ тономъ... Они стали увѣрять Данилевскаго въ миролюбіи Хивы и въ ихъ личномъ желаніи довести переговоры до конца...

Тогда Данилевскій сказалъ имъ:

— Завтра, до полудня я буду ждать васъ всѣхъ у себя для дальнѣйшаго веденія переговоровъ. Если вы не будете, то завтра же я выступаю изъ Хивы обратно въ Оренбургъ.

Вернувшись къ себѣ, полковникъ Данилевскій, передавъ членамъ посольства о своемъ свиданіи съ министрами, приказалъ готовиться на всякій случай къ

---

*) Т. е., считая достиженіе Хивы отрядомъ князя Бековича-Черкаскаго, безрезультатное посольство въ Хиву же въ 1819 г полковника Муравьева, недавнюю миссію капитана Никифорова и настоящую.

выступленію въ обратный путь... Но на другой день утромъ, во время самыхъ горячихъ хлопотъ и возни съ вьюками, къ квартирѣ посольства подъѣхали всѣ восемь министровъ съ мальчиками позади, напились чаю и затѣмъ пожелали сами приступить тотчасъ же къ переговорамъ.

На слѣдующій день министры пріѣхали вновь, и такимъ образомъ переговоры, хотя и черепашнымъ шагомъ, но все же стали подвигаться впередъ. Важнѣе всего, конечно, было то, что жизнь всего состава посольства, висѣвшая на волоскѣ, была теперь, несомнѣнно, спасена.

Спустя нѣсколько дней, Данилевскому была назначена аудіенція у хана, который на этотъ разъ принялъ послѣ болѣе вѣжливо и внимательно, пригласивъ тотчасъ же сѣсть на особо приготовленный для него низенькій табуретъ. Во время происшедшаго разговора, ханъ тѣмъ не менѣе категорически объявилъ полковнику Данилевскому, что персидскихъ невольниковъ онъ не можетъ освободить, и вообще удивляется, почему русскій посоль на этомъ настаиваетъ, такъ какъ дѣло это касается не Россіи, а Персіи, которая сама могла бы хлопотать объ этомъ, если бы желала. вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ отелонилъ и ходатайство Данилевскаго объ учрежденіи въ Хивѣ нашего постоянного политическаго агентства.

Къ 25 декабря актъ соглашенія нашего съ Хивою былъ окончательно изготовленъ. Въ немъ былъ вы-

говоренъ безпрепятственный проходъ въ Хиву и обратно русскихъ купеческихъ каравановъ, и правительство Хивы обязывалось ограждать эти караваны отъ разбойничьихъ нападений туркменъ-юмудовъ и хивинскихъ киргизовъ, а также воспретить этимъ по-мадамъ дѣлать нападенія на наши рыбные промыслы на Каспійскомъ морѣ и забирать рабочихъ въ плѣтъ; русскимъ купцамъ предоставлялось право открытой торговли не въ одномъ лишь городѣ Хивѣ, но и въ Куны-Ургенчи, Ханки, Хазараспѣ и др.; равно и хивинскіе купцы могли безпрепятственно и безошлинно торговать въ нашихъ предѣлахъ, а на мѣновомъ дворѣ Оренбурга и въ караванъ-сараѣ для нихъ должны быть отводимы особые мѣста и помѣщенія. Въ томъ же договорѣ были ясно и точно обозначены наши взаимныя границы съ Хивою—по Сыръ-Дарьѣ и Усть-Урту. При составленіи окончательной редакціи договора, полковникъ Данилевскій пытался еще разъ склонить министровъ Хивы на согласіе допустить пребываніе въ ихъ столицѣ если не политическаго, то хотя бы только торговаго агента Россіи, но, несмотря на всѣ настоянія и сдѣланные подарки, этого не удалось добиться.

Когда надо было, наконецъ, оформить составленный договоръ (писанный на двухъ языкахъ—по русски и по хивински), то вышла маленькая исторія, иллюстрирующая нравы азіатскихъ сановныхъ лицъ того

времени и ихъ корыстолюбіе. Полковникъ Данилевскій, подписавъ договоръ (въ двухъ экземплярахъ) и приложивъ къ нему съ государственнымъ гербомъ печать, попросилъ сдѣлать то же самое и хивинскихъ министровъ; но оказалось, прежде всего, что нѣкоторые изъ нихъ—неграмотны: взамѣнъ подписи они прикладывали обыкновенно свои печати, что должны были сдѣлать и въ этотъ разъ, но вдругъ они стали отвиливать и отпѣкиваться... Дѣло заключалось въ томъ, что за послѣднее время переговоровъ, когда писались и подробно обсуждались все въ отдѣльности пункты торговаго договора, министры такъ часто ѣздили къ полковнику Данилевскому и такъ безцеремонно каждый разъ вымогали подарки, что въ посольствѣ явилось наконецъ опасеніе, что скоро нечего уже будетъ и дарить... Тогда Данилевскій сказалъ министрамъ:

— Вы очень тянете переговоры: а между тѣмъ, мнѣ бы хотѣлось скорѣе преподнести каждому изъ васъ самый главный и драгоцѣнный подарокъ... Подписывайте скорѣе договоръ, и вы получите вотъ что,— и Данилевскій показалъ имъ нѣсколько золотыхъ карманныхъ часовъ съ азійскими циферблатами, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями, и, вдобавокъ, съ репетиромъ. Часы эти были изъ кабинета Его Величества, заказанныя въ Женевѣ, для преподнесенія, собственно, именитымъ восточнымъ гостямъ, пріѣзжав-

шимъ въ Петербургъ. И вотъ теперь, когда оставалось лишь приложить къ договору печати, министры стали отпѣкиваться, а между тѣмъ прямо не объявляютъ въ чемъ дѣло и почему они медлятъ... И на этотъ разъ выручилъ Сергѣй-ага, сообщившій полковнику Данилевскому, что министры потому именно не подписываютъ договора и не прикладываютъ своихъ печатей, что опасаются обмана: «Пусть,—говорятъ они,—онъ дастъ намъ впередъ эти часы, а то, потомъ, пожалуй, обманетъ»...

— Я-то не обману,—сказалъ Данилевскій Сергѣю-агѣ;—а я вотъ опасаюсь имъ вѣрить: ну, какъ они возьмутъ эти подарки, да опять затянутъ дѣло, а у меня, кромѣ нѣсколькихъ головъ сахара, ничего уже не осталось.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Сергѣй-ага,—они побоятся обмануть, потому что вы можете пожаловаться хану,—и онъ все равно заставитъ ихъ подписать договоръ, а часы отберетъ себѣ.

Полковникъ Данилевскій рѣшилъ послушаться Сергѣя-аги и выдалъ послѣднiе подарки хивинскимъ правителямъ. Въ тотъ же день они приложили къ договору свои печати, а на другой день, 27-го декабря 1842 года, была приложена и государственная печать Хивы, т. е. печать самого хана.

IV.

Глазѣрные съемки топографа Зеленина—Встрѣча съ русскимъ дезертиромъ.—Тайнственныя незнакомки въ саду посольства — Путешествіе Бочарова и Зеленина по городамъ Хивы и оазисамъ.—Оригинальныя топографическія работы.—Опасная встрѣча и послѣднее возвращеніе въ Хиву.

Теперь слѣдуетъ сказать о дѣятельности и приключеніяхъ въ Хивѣ топографа Г. Н. Зеленина, на котораго было возложено полковникомъ Данилевскимъ секретнѣйшее и довольно опасное порученіе—составить приблизительную топографическую карту какъ самого города Хивы, такъ и его окрестностей и оазисовъ.

Малѣйшая оплошность, или просто неосторожность, въ этомъ дѣлѣ могла стоить жизни не только самому Зеленину, но, пожалуй, и всему посольству, потому что хивинцы вообще зорко наблюдали (послѣ похода Перовекаго), чтобы русскіе не могли снять Хиву на планъ, такъ какъ тогда, по ихъ мнѣнію, легко уже будетъ взять ихъ «неприступное» ханство, огражденное безводными и песчаными пустынями, окружавшими это въ дѣйствительности ничтожное и безсильное владѣніе.

Самый городъ Хиву Зеленинъ снималъ такъ: онъ покупалъ на базарѣ за двѣ мелкія хивинскія монеты («кара-тенгга» — черная, т. е. мѣдная, монета), дыню, бралъ ее въ руку и шелъ съ нею по Хивѣ какъ

бы для прогулки; понимая немного по хивински, онъ разспрашивалъ уличныхъ торговцевъ: какъ, напр., называется такой-то арыкъ, какъ зовется вотъ эта канава, этотъ садъ и т. д.; количество ихъ обозначалъ перочиннымъ ножомъ на корѣ дыни и затѣмъ, возвращаясь домой, переводилъ уже на бумагу свои кабалистическіе знаки и замѣтки. Главную осторожность надо было соблюдать въ томъ, чтобы не имѣть при себѣ ни бумаги, ни карандаша на случай подозрѣній, задержанія и обыска.

Однажды, гуляя такимъ образомъ по Хивѣ, Зеленинъ вдругъ слышитъ за собою голосъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе!..

Онъ такъ и обмеръ... Глядитъ — стоитъ передъ нимъ хивинецъ и привѣтливо улыбается... Оказалось, это былъ нашъ бѣглый солдатъ, изъ татаръ, оренбургскій уроженецъ; служба въ оренбургскомъ гарнизонѣ, онъ часто встрѣчалъ Зеленина на городскихъ улицахъ и запомнилъ лицо его, какъ офицера, передъ которымъ приходилось снимать шапку. Онъ имѣлъ теперь въ Хивѣ свой домъ и обзавелся уже семьей. Пригласивъ къ себѣ «земляка», онъ угостилъ его чаемъ и просилъ заходить почаще; но Зеленинъ побоялся потомъ бывать у него, такъ какъ сосѣди хивинцы очень недружелюбно посматривали на «уруса», а самый домъ татарина былъ на краю города, въ балкѣ. Этотъ солдатъ былъ потомъ въ домѣ посольства и предлагалъ его обитателямъ, все молодымъ и

одинокимъ людямъ, довольно интимныя услуги... номѣсто такого поставщика было уже занято. Садамъ, въ которомъ расположенъ былъ запасный «дворецъ» хана (гдѣ помѣщалось посольство), завѣдывалъ особый спеціальныи садовникъ изъ плѣнныхъ персіянъ, знающій хорошо свое дѣло; и вотъ, жена его, тоже плѣнная персіянка, предлагала гг. офицерамъ свои конфиденціальныя услуги: стоило только уплатить ей полумперіаль, и въ ханскомъ саду ночью, въ сопровожденіи этой садовницы, появлялась женская фигура въ чадрѣ, въ шелковомъ халатѣ и таковыхъ же шальварахъ, закутанная въ кисею и персидскую шаль... Смотря по требованію, въ саду появлялось иногда и нѣсколько такихъ фигуръ разомъ... Подъ большимъ секретомъ, персіянка увѣряла, что таинственныя незнакомки—бывшія жены умершаго хана, матеріальная участь которыхъ при новомъ владыкѣ была дѣйствительно не очень-то завидна... Очень возможно, что садовница преувеличивала происхожденіе и положеніе рекомендуемыхъ ею особъ, что это были просто плѣнныя рабыни персіянки, прислужницы изъ гарема бывшаго хана, но только костюмы ихъ были всегда очень роскошны, какихъ не могли бы имѣть простыя плѣнницы-рабыни.

Покончивъ съ съемкой города Хивы, Г. Н. Зеленинъ рѣшилъ, какъ уже упомянуто было выше, ѣхать для съемокъ же по другимъ городамъ ханства;

чтобы замаскировать свои дѣйствія, онъ переодѣлся приказчикомъ и отправился вмѣстѣ съ торговцемъ Бочаровымъ, ѣхавшимъ туда же съ своимъ товаромъ на нѣсколькихъ верблюдахъ... Оба они поѣхали верхами на лошадахъ, въ сопровожденіи лишь одного мальчика хивинца, нанятаго въ самой Хивѣ.

Прежде чѣмъ выѣхать изъ города, Зеленинъ, облачившись въ халатъ, жилъ цѣлую недѣлю въ караванъ-сараѣ, гдѣ останавливался Бочаровъ. Путешествіе ихъ было довольно благополучно: они безпрепятственно посѣтили города Ташкуюй, Ханки, Хазараспъ и Клычъ-Ніасбай; послѣдній городъ—въ Бухарѣ. Ихъ вездѣ встрѣчали съ нѣкоторымъ изумленіемъ; но, узнавъ отъ сопровождавшаго ихъ хивинца, что въ самой Хивѣ находится русское посольство, успокоивались и даже, случалось, принимали, какъ гостей. Въ непродолжительномъ времени Бочаровъ распродалъ почти весь свой товаръ, а Зеленинъ тѣмъ временемъ тщательно, хотя и очень осторожно, дѣлалъ свое дѣло, которое было нелегко еще и потому, что съемкѣ приходилось дѣлать безъ всякихъ инструментовъ, не только безъ астролябии или мензулы, но даже безъ бусоли и цѣпи, обозначая nordъ и зюдъ по солнцу, а разстояніе—шагами... Шагами же былъ вымѣренъ и главный (въ то время) арыкъ Хивы—Полванъ, названный такъ въ честь бывшаго батыря (героя) Полвана, ставшаго потомъ святымъ и похороненнаго въ самой Хивѣ, въ главной

мечети. Работы Зеленина облегчались главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что спутникъ его Бочаровъ говорилъ по-хивински и былъ человекомъ умнымъ и смѣливымъ: все, что только надо было разузнать Зеленину, Бочаровъ исподволь, не возбуждая подозрѣній, узнавалъ отъ самихъ же хивинцевъ и затѣмъ передавалъ полученныя имъ свѣдѣнія Зеленину. Во время этихъ глазомѣрныхъ съемоковъ нельзя уже было обойтись при помощи дыни и пришлось поневолѣ наносить добываемыя свѣдѣнія на бумагу, и хотя здѣсь, внѣ главнаго города Хивы и въ оазисахъ, хивинцы не слѣдили уже за Бочаровымъ такъ зорко, какъ слѣдили они за нашимъ посольствомъ въ самой Хивѣ, но, тѣмъ не менѣе, и здѣсь Зеленинъ долженъ былъ соблюдать большую осторожность: такъ, напримѣръ, маленькій карандашъ былъ вдѣланъ у него незамѣтно въ ключикъ отъ часовъ; вмѣсто бумаги онъ заносилъ свои замѣтки на внутреннія стороны крышекъ маленькихъ картоныхъ коробокъ, бывшихъ съ товаромъ у Бочарова.

Однако, въ самомъ концѣ путешествія по Хивѣ Бочарова и Зеленина съ ними случилось одно происшествіе, которое легко могло погубить ихъ обоихъ.

Возвращаясь въ Хиву, они заѣхали въ послѣдній по дорогѣ городъ Куня-Ургентъ *) и остановились у знакомаго Бочарову хивинца, бывавшаго не разъ въ

---

*) Куня-Ургентъ или Куня-Ургентъ, бывшая столица Хивинскаго ханства, называвшаяся Харевъ.

Оренбургѣ, на мѣновомъ дворѣ, съ товарами. Однажды, когда Бочаровъ и хивинецъ вмѣстѣ уѣхали куда-то, Зеленинъ, разложивъ на столѣ картонныя коробки съ имѣвшимися на нихъ чертежами и замѣтками, сталъ заниматься... Вдругъ, въ комнату, которой по оплошности онъ не заперъ, входитъ какой-то, лѣтъ 14-ти, мальчикъ персіянинъ и говоритъ по-русски:

— Здравствуйте, баринъ! Я васъ знаю...

Зеленинъ съ ужасомъ взглянулъ на мальчика и сталъ убирать со стола свои картонки.

— Я жилъ два раза въ Оренбургѣ съ прежнимъ своимъ хозяиномъ, — продолжалъ мальчикъ, — и мы квартировали рядомъ съ вашимъ домомъ... Прежній хозяинъ продалъ меня вотъ этому, у котораго вы теперь живете. Я вѣдь знаю, что вы все снимаете планы: я васъ однажды видѣлъ подъ Оренбургомъ — вы все съ цѣпью ходили и рисовали въ степи...

Зеленинъ былъ ни живъ, ни мертвъ — и ждалъ, что будетъ дальше...

— Да вы не бойтесь, баринъ!.. чортъ ихъ возьми! я вѣдь имъ ничего не скажу: я ихъ, собакъ, не люблю... Мой отецъ и мать и теперь живутъ у нихъ въ Хивѣ, плѣнные...

Когда Зеленинъ опомнился, онъ всячески обласкалъ мальчика перса, далъ ему серебряной мелочи и подарилъ свистокъ и съ фунтъ сахара. Когда къ вечеру

вернулся Бочаровъ и узналъ всю эту исторію, онъ сказалъ Зеленину:

— Ну, баринъ, надо уходить отсюда скорѣе къ своимъ! Вѣдь бѣда намъ будетъ, если мальчишка проговорится...

До Хивы было 40 верстъ, и утромъ, чуть свѣтъ, наши путешественники выѣхали изъ Куня-Ургенти и благополучно въ тотъ же день, къ вечеру, добрались до Хивы, гдѣ Зеленинъ со всѣми своими замѣтками отправился прямо въ посольство, а Бочаровъ по-прежнему—въ караванъ-сарай.

V.

Прощальная аудіенція у хана. — Выступление посольства изъ Хивы. — Отказъ Сергѣя-аги возвратиться въ Россію. — Казнь персидскихъ плѣнниковъ. — Участь русскихъ, попавшихъ въ неволю въ Хиву. — Обратный путь посольства и вступление въ Оренбургъ. — Нарушеніе хивинцами договора съ Россіей.

30-го декабря, полковникъ Данилевскій испросилъ у хана прощальную аудіенцію. Во время приѣма ханъ пригласилъ посла, можетъ быть, только изъ вѣжливости, пожить еще въ Хивѣ и дожидаться наступленія весны; но Данилевскій поблагодарилъ за любезность и отклонилъ предлагаемую ему честь. Ханъ, прощаясь, неожиданно объявилъ Данилевскому, что назначилъ сопровождать его своего посланца, санов-

ника Магомедъ-Эмина, назначеннаго выразить государю «безпредѣльную благодарность за подарки и милостивое расположеніе».

На другой день, 31-го декабря 1842 года, посольство выступило въ путь. На проводы явился и Сергѣй-ага... Онъ привезъ съ собою въ гостинець, на дорогу своимъ уѣзжавшимъ землякамъ, бурдюкъ вина и цѣлую корзину русскихъ пироговъ. Данилевскій звалъ его съ собою въ Оренбургъ, ручаясь за полное прощеніе, но онъ не согласился:

— Мнѣ тамъ надо въ богадѣльню идти, — отвѣчалъ со вздохомъ Сергѣй-ага, — а здѣсь я богатый человѣкъ и одинъ изъ первыхъ.

На самомъ выѣздѣ изъ города посольству былъ изготовленъ ужасный сюрпризъ, очевидно, умышленно, съ цѣлью устрашенія и предупрежденія: по дорогѣ сидѣли, посаженные на колья, нѣсколько персіянь... Съ руками, привязанными параллельно къ ногамъ, въ страшныхъ мукахъ кончали свою жизнь эти несчастные люди, оглашая воздухъ громкими жалостными криками: «Су! су!! су!!.» (воды).

Сопровождавшіе посольство хивинцы сообщили, что вина этихъ несчастныхъ людей состояла въ томъ, что, будучи захвачены разбойниками туркменами (іомудами) и проданы въ Хиву, въ рабство, они сговорились и убѣжали. Хивинцы на другой же день ихъ нагнали, и вотъ, въ поученіе прочимъ персамъ невольникамъ и въ видѣ назиданія уходящимъ рус-

скимъ, жестокосердый ханъ приказалъ посадить на колы всѣхъ этихъ несчастныхъ, въ самый день выступления нашего посольства, по пути его слѣдованія...

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ участи плѣнныхъ, которые имѣли несчастіе попасться къ хивинцамъ. Собственно нашихъ плѣнныхъ, русскихъ, было въ Хивѣ предъ походомъ Перовскаго болѣе тысячи человѣкъ, преимущественно забранныхъ туркменами съ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ, а также и схваченныхъ случайно нашими же киргизами подъ Оренбургомъ и съ хуторовъ, находящихся въ степи, во время рабочей поры, когда туда приходили работники и работницы изъ сосѣднихъ губерній, Уфимской и Самарской. Во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1829 году, болѣе половины нашихъ плѣнныхъ перемерло; остальные, въ количествѣ 419 человѣкъ обоого пола, были возвращены хивинцами въ Оренбургъ послѣ похода генерала Перовскаго *).

Слѣдуя изъ Хивы, посольство наше направилось въ Оренбургъ нарочно не прежнимъ уже путемъ на

---

*) Первые плѣнные — корнетъ Аитовъ и двое купцовъ — прибыли въ Оренбургъ 14-го августа 1840 года; остальная же партія, въ количествѣ 416 человѣкъ, пришла нѣсколько дней спустя. Хивинцы удержали у себя лишь нѣсколько десятковъ плѣнныхъ русскихъ, оставленныхъ самимъ ханомъ, его личныхъ слугъ и различныхъ мастеровъ, но и эти были впоследствии, по грозному требованію нашего правительства, возвращены.

Куня-Ургентъ, а новымъ—черезъ сѣверную часть хивинскихъ владѣній, которой никто изъ русскихъ еще не видѣлъ и не зналъ. Всю дорогу топографы дѣлали тщательную съемку мѣстностей, черезъ которыя теперь доводилось проходить; Магомедъ-Эмина и его свиты они мало, повидимому, стѣснялись

Въ Оренбургъ посольство возвратилось на масляной недѣлѣ, во второй половинѣ февраля. Съ дороги еще, Данилевскій послалъ въ Оренбургъ нарочнаго киргиза, изъ числа бывшихъ при немъ, съ предупрежденіемъ, что онъ возвращается не одинъ а въ сопровожденіи хивинскаго посла; поэтому, когда наши вступили въ Оренбургъ, Магомедъ-Эминъ былъ встрѣченъ съ особымъ почетомъ и торжественностью, до чего азіаты вообще большіе охотники. Тотчасъ же былъ посланъ въ Петербургъ курьеръ съ испрошеніемъ распоряженія, какъ поступить съ хивинскимъ посломъ. Отвѣтъ отъ гр. Нессельроде былъ полученъ, однако, не слишкомъ-то скоро: предлагалось отправить Магомедъ-Эмина въ Петербургъ, со всевозможными, впрочемъ, удобствами и торжественностью.

22-го апрѣля (1843 г.) хивинскій посоль со свитою въ пять человекъ былъ отправленъ изъ Оренбурга въ Петербургъ, куда онъ и прибылъ 13-го мая. Но его пріемъ (въ Царскомъ Селѣ), сдѣланный ему роскошные подарки и оказанная любезность не входятъ уже въ программу настоящей статьи... Мы лишь сочли не безынтереснымъ прослѣдить тѣ добрыя

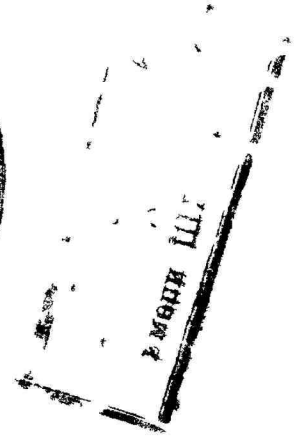
отношенія къ Хивѣ, которыя русское правительство того времени всячески старалось начать, установить и поддержать, поступаясь иногда собственными интересами. Но малѣйшая снисходительность со стороны Россіи была, къ сожалѣнію, принимаема хивинцами за слабость... Въ послѣдующіе же затѣмъ годы (въ 1844 и 1845 гг.), хивинское правительство не постѣснилось нарушить только-что заключенный имъ договоръ: оно стало явно покровительствовать извѣстному мятежнику, русскому киргизу Кенисарѣ (котораго безуспѣшно преслѣдовали наши отряды по степи) и разбойнику Кутеборову, скрывавшимся въ пограничныхъ хивинскихъ владѣніяхъ. Попрежнему, начался грабежъ русскихъ купеческихъ каравановъ; степь также стала для русскихъ опасна въ пути... Дѣло дошло до того, что въ 1852 году В. А. Перовскій, находившійся въ то время въ Петербургѣ, въ званіи уже генераль-губернатора, вынужденъ былъ предложить хивинцамъ кушъ въ 200 червонцевъ за выкупъ семейства подвластнаго намъ султана Ирмухамеда Касимова, управлявшаго чеумекесвцами *).

---

*) Извѣстно, что всѣ дѣлаемые въ то время настоянія и представленія генерала Перовскаго о необходимости нашего наступательнаго движенія въ Среднюю Азію и неизбѣжности новаго похода въ Хиву были тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде отклонены, и только двадцать лѣтъ спустя; въ 1873 году, походы этотъ былъ предпринятъ вновь и окончился полною побѣдою нашихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ генераль-адъютанта К. П. Кауфмана. Съ того

Наконецъ, въ 1858 году, хивинскіе правители прямо объявили полковнику Н. П. Игнатьеву (нынѣ генераль-адъютантъ и графъ), что они содержанія акта, заключеннаго ими въ 1842 году съ полковникомъ Данилевскимъ, «не помнятъ» и даже «не нашли его» въ своихъ канцелярияхъ...

Игнатьевъ

времени, минуло уже 25 лѣтъ,—и теперь представляется возможность помянуть еще разъ добрымъ словомъ этого distinguished военачальника.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР
Зимній походъ въ Хиву	1
Посольство въ Хиву	167
